

Дмитрий Васильев

**Фарцовщики. Как делались состояния. Исповедь людей
«из тени»**

Вектор 2007

Вступление

Я органически не выношу редакционные задания, которые мне безынтересны. Можете мне поверить, эта отличительная черта не раз отрицательно сказывалась на моей журналистской карьере. Я честно пытался превозмогать себя и творить по указке, но каждый раз получал в итоге материал, скучный и безликий, как осенний дождь. Зато стоит мне дорваться до вдохновляющей темы, как перо начинает летать по бумаге, точнее – пальцы стучать по клавиатуре, радуя автора, читателей и досточтимое начальство. Редактор давно махнул на меня рукой и перестал навязывать собственное мнение, отпустив в свободный полет. К чему эта преамбула, спросите вы? Дело в том, что когда я впервые услышал о серии очерков, посвященных такому пережитку прошлого, как фарцовка, то сразу попытался улизнуть за пределы досягаемости начальственных указаний – не дай-то бог обо мне вспомнят. Какой интерес в раскопках фактов из жизни тех, чья деятельность давно стала бессмыслицей – ведь само понятие дефицита навеки ушло из жизни российского гражданина? Более того, казалось циничным рассказывать о личностях, которые зарабатывали себе на жизнь тем, что толкали людям импортные шмотки по бешеным ценам. И это в наше смутное время, когда остро стоит вопрос дефицита дензнаков у населения, зато прилавки самого заштатного магазина ломаются под тяжестью ассортимента.

Так что я совершенно не рвался погружаться в прошлое живых анахронизмов – фарцовщиков. Чем, ну чем может быть интересно жизнеописание фарцовщиков, чей опыт и умения никоим образом не пригодятся в современных реалиях? Увы, к своему стыду, я ошибся. И ошибся дважды. Первый раз – в глобальной оценке влияния прошедшего времени на настоящее. Второй раз – когда представлял себе фарцовщиков как банальных торгашей, нацеленных исключительно на примитивную жажду наживы, а их деятельность – чередой повторяющихся действий: «купил-продал». Забегая чуть-чуть вперед, скажу: если бы господь бог наделил меня талантом литератора, то я совершенно точно написал бы на собранном о фарцовщиках материале бестселлер, в котором сочетались бы такие разные литературные жанры, как детектив, военные хроники, интеллектуальная проза, шпионский роман и даже слезоточивый опус на морально-нравственную тему.

Но человек предполагает, а распоряжаются его судьбой совсем другие силы. Мой случай не стал исключением. Сбегая от начальственного указания заняться темой фарцовки, я срочно организовал интервью с одним очень интересным человеком. Я давно за ним охотился, но он слишком богат и занят своими буржуинскими делами, чтобы выкроить часок для общения с журналистами. Беседа с ним, что называется, удалась. Вытанцовывался очень интересный материал. И вот в самом конце, когда разговор перешел на отвлеченные темы, я вскользь посетовал, что мне могут поручить такую скучную тему, как фарцовщики.

Реакция взрослого и солидного человека, коим я искренне считал героя своей будущей статьи, меня ошарашила. Он смеялся долго и со вкусом. Придя в столь хорошее расположение духа, он поведал мне странные вещи. Прежде всего я узнал, что основа его нынешнего состояния была заложена в бытность им... фарцовщиком. Он уверил меня, что я пал жертвой советской пропаганды, пусть и с опозданием в двадцать лет. Признаюсь мне в глубине души присущ некий журналистский снобизм – чувство информационного превосходства над другими людьми. Поэтому мысль, что я оказался на сей раз среди дезинформированного большинства, впиалась в меня как раскаленный гвоздь в... пятку. Стерпеть я не мог и поэтому в свою очередь вцепился мертвой хваткой в своего собеседника.

Этот солидный и уважаемый господин объяснил мне – те люди, которых я отождествлял с самим понятием фарцовки, имели к ней весьма косвенное отношение. Как и большинство граждан СССР, ставших со временем гражданами России, я полагал, что фарцовщики – недалекие и морально жалкие типы, которые цепляли иностранцев возле интуристовских гостиниц, выклянчивая у них поношенные вещи в обмен на грошовые сувениры. Но мои представления оказались столь далеки от действительности, что я сам себе не поверил. Так кто же тогда были настоящие, успешные фарцовщики, составлявшие

значительную часть подпольной экономики СССР? Каким образом они делали состояния и даже умудрялись красиво сорить деньгами в те времена, когда остальные советские люди несказанно радовались, если им удавалось добыть рулон туалетной бумаги или палку колбасы?

Я вас заинтриговал многообещающим вступлением? Тогда приглашаю познакомиться с этими людьми, тем более что большинство из них здравствуют и по сей день, как и человек, впервые приоткрывший мне подлинный «лик» фарцовки.

Фарцовщики и фарцовка. Ху из ху?

Несмотря на то что я пребываю в глубокой уверенности, что большинство читателей этой книги люди образованные и прекрасно осведомлены о том, кого называли фарцовщиками, и чем они занимались, все же начну с общего определения.

Фарцовщик – гражданин СССР, занимавшийся противоправной деятельностью, которая заключалась в скупке, обмене или выманивании у иностранных граждан товаров народного потребления с целью последующего использования этих товаров или с целью их дальнейшей перепродажи.

Я нарочно выбрал это казенное определение, так как оно хоть и неказисто с точки зрения русского языка, зато кратко и точно, но при этом объемно по смыслу. Если говорить коротко, то именно такой противоправной деятельностью и промышляли фарцовщики. Но под сухой коркой этого определения таилось многообразие вкусов и очень интересная начинка. Начать с того, что фарцовщик-шестидесятник так же далеко отстоял от своего преемника конца 80-х, как первые ЭВМ от двухъядерного ноутбука. Различия были как идеологического характера, так и методов, с помощью которых осуществлялась сама фарцовка. Что неудивительно, так как фарцовка была ближе всего к народным массам, чем любые другие разновидности теневого бизнеса в СССР, и поэтому полностью подстраивалась под нужды и требования этих самых масс. Менялось общество, и вместе с ним трансформировались фарцовщики, чутко реагируя на малейшие социальные изменения. Но кое-что оставалось неизменным на протяжении всей истории фарцовки в СССР.

В первую очередь, это возраст фарцовщиков. Средний возраст фарцовщика – 24 года, а вообще возрастной диапазон людей, занимавшихся фарцой, колебался примерно от 10 до 35. Разумеется, были и исключения, но лишь подтверждающие общее правило. И еще одно объединяющее обстоятельство – настоящие фарцовщики никогда не продвигали на внутреннем рынке СССР товары отечественного производства. Всегда только «фирма»,

только так, с ударением на последнем слоге. Не случайно несведущий человек, назвавший фарцовщика «спекулянтом», рисковал получить по лицу или по другой незащищенной части тела. Не было для фарцы худшего оскорбления, чем причисление к клану «перекупщиков без идеологии», какими считались спекулянты. И хотя с середины 70-х годов появилось значительное количество личностей, называвших себя фарцовщиками, но при этом занимавшихся продажей товаров пусть и дефицитных, но советского производства, общество подлинной фарцы отторгало их от себя.

Ну и последний в этом перечне, но не последний по значению объединяющий фактор – обязательное для каждого фарцовщика осознание себя как личности, принадлежащей к особой касте, четко очерченному кругу людей, которые ярко выделяются на фоне общества. Стремление выделиться или, если употребить меткий термин, вышедший из народа, – «выпендриться», очень часто становилось причиной неприязненного отношения к фарцовщикам тех самых широких народных масс. Пикантности ситуации добавлял также тот факт, что хоть раз в жизни многие обычные люди, не питавшие к фарцовщикам и тени приязни, были вынуждены обращаться к их услугам. Добротная, модная вещь, которая к тому же могла служить своему хозяину десятилетиями, в хозяйстве всегда пригодится. Хоть бы и в единственном экземпляре.

Что за слово такое?

Собирая материалы для этой книги, я заинтересовался этимологией слова «фарцовка». Пусть и сленговое, но ведь совершенно точно слово это должно что-то означать, за ним должен скрываться внутренний смысл, который, вполне возможно, мог бы точнее объяснить: что конкретно подразумевали сами фарцовщики под своей деятельностью. Как ни странно, но в процессе прояснения этого вопроса у меня возникли значительные затруднения, ибо даже бывшие фарцовщики (по крайней мере те, к кому я обращался) не имели ни малейшего представления о происхождении своего «титула». В результате скрупулезные поиски вывели меня на два варианта. Не могу сказать, какой из них предпочтительнее, так как оба они в равной мере могут соответствовать действительности. Так что предлагаю вашему вниманию обе версии происхождения термина «фарцовка».

1. Слово произошло от английского словосочетания «for sale», которое теперь знакомо каждому рядовому покупателю. И хотя почему-то в российских торговых сетях этому словосочетанию упорно пытаются присвоить значение «распродажа», на самом деле оно означает всего лишь «продажа». Переименованное на сленговый лад практически до неузнаваемости, это английское словосочетание, определяющее смысл деятельности фарцовщиков (торговые операции с иностранцами), вполне могло стать обозначением для всего явления фарцовки в целом.

2. Согласно второй версии, слово «фарцовка» имеет как раз отечественные корни и, кроме того, насчитывает более ста лет истории. Словечком «форец» называли на одесских рынках человека, который за счет своего красноречия мог сбить цену на покупаемый товар в два-три раза. Купив таким образом задешево любую вещь, форец тут же продавал ее на этом же базаре, но уже за ее настоящую цену. «Наварив» таким нехитрым образом до 200–300 % прибыли.

В пользу второй версии говорит и еще одно соображение. Задолго до того времени, как фарцовщики появились в крупных городах СССР, люди, промышленявшие нелегальной торговлей и обменом с иностранцами, прочно обосновались в советской Одессе. Вот только деятельность, которой они занимались, называлась старым добрым словом *контрабанда*. Большой морской порт, Одесса, в отличие от подобных портовых городов на севере страны, например, славилась еще и бурным процессом торговли товарами, привезенными на иностранных кораблях. Одесские базары всегда были полны иностранными шмотками, алкоголем и табаком, который контрабандой привозили моряки на кораблях, приходивших в Одессу со всего мира. Ямайский и малайский ром, кубинские сигары – все эти

контрафактные, как сейчас бы сказали, товары, еще в начале 20-х годов XX века были привычным делом не только на базарах, но и в нэпманских ресторанах или маленьких прибрежных кафе. Разумеется, получить их могли только «свои люди» и только «из-под полы». Одно НО: в таких «своих» ходило практически все население Одессы.

Что же до импортных вещей, то половина населения Одессы еще в 30–40-х годах красовалась в поношенных (иногда довольно значительно) шмотках, которые были настолько привычны глазу, что даже не вызывали зависти или, наоборот, осуждения. Одесские ревнители советской морали совершенно искренне не усматривали в ношении импортных вещей ничего противоречащего образу жизни советского гражданина. А дело было в том, что вещи иностранного происхождения ценились одесситами не столько за красоту и стильность, недоступные отечественной легкой промышленности, сколько за дешевизну в соотношении с высоким качеством. Столь нестандартный подход к вещичкам «забугорного» происхождения определялся тем, что вещи эти обычно доставались одесситам в качестве предметов мена. Среди иностранных моряков бешеную популярность имело, например, мужское нижнее белье советского производства. Неказистое на вид, это белье было очень носким, к тому же, сделанное из качественного натурального хлопка (100 % cotton, а не какой-нибудь грубый холщовый очес!), оно очень выручало в сложных климатических условиях: сохраняло тепло в холода и приносило прохладу в жару. За эти качества его и ценили моряки, которые не знали, куда их занесет следующий выгодный фрахт. Разумеется, то же белье можно было купить и в любом одесском магазине, но, во-первых, государственный валютный курс был очень невыгоден для обмена, а приобрести нижнее мужское белье за доллары или франки в Одессе не представлялось возможным. А во-вторых, зачем тратить честно заработанную за рейс наличность на личные покупки, если ее можно выгодно вложить в ту же контрабанду – икру, водку или армянский коньяк, очень высоко ценившийся на мировом рынке. Обычным морякам проще было предложить на обмен поношенную часть своего гардероба. Так и поступали. При этом одесситы даже отчасти жалели капиталистов, которые не могут у себя на родине купить приличное исподнее. Но жалость одесситов была не то чтобы очень искренней. Ведь в любом магазине такой комплект можно было купить за сущие копейки, а выменянная на него вещь стоила, согласно советскому ценообразованию, гораздо дороже. А то, что одежда слегка поношенная, – так кто об этом узнает, кроме самого владельца?

Не только белье как предмет обмена интересовало иноземных моряков. Оренбургские пуховые платки, размером полтора на полтора метра, но при этом с легкостью продевавшиеся в обручальное кольцо (предмет вождления многих европейский дам). Коралловые монисто (многослойные коралловые нити), которые по причине дешевизны носили даже самые бедные одесские хохлушки, в других странах стоили немалые деньги – ведь качество черноморских кораллов очень высокое: они до сих пор стоят гораздо дороже тихоокеанских. Да и много еще заманчивых товаров могли предложить иностранным морякам бурлящие разнообразием одесские базары.

Вот и получается, что, несмотря на распространенное мнение о том, что фарцовка пришла в Одессу гораздо позже – в начале 60-х годов, ее принципы и содержание были одесситам близки и понятны. Правда, надо признать, что поменялось не только формальное название явления. На смену контрабанде и «выгодным гешефтам» пришла идеология. До появления в Одессе фарцовщиков единственной целью подобных торгово-обменных операций было получение денежной прибыли. А вот появившиеся в городе фарцовщики впервые объяснили «отсталым гешефтмахерам», что из незаконных торговых операций можно не только извлечь «еще больше прибыли», но и добиться ее за счет вплетения в ткань товарно-денежных отношений бисера кастовой принадлежности. Одесситам никогда не нужно было дважды повторять, как можно получить выгоду. Знамя фарцовки тут же было подхвачено, и скоро даже старожилы стали забывать времена, когда обладание импортными вещами считалось делом обыденным и общедоступным. А поскольку больше всего ценились новые вещи, то в обиход вошли и новые способы их получения. Но это уже другая история,

которая будет рассказана чуть позже.

Пока же вернусь к тому, с чего начал рассказ об Одессе до нашествия фарцовщиков, – с возможного происхождения термина «фарцовка». Поскольку одесситам это явление было уже хорошо знакомо к моменту его распространения по всей стране, представляется вполне вероятным, что некто из бывших «гешефтмахеров», слушая увлекательный рассказ о человеке, практикующем новый способ получения прибыли на старом торговом фундаменте, мог в азарте стукнуть себя по коленке и воскликнуть в восхищении: «Ну форец!» Фраза была подхвачена и через некоторое время благополучно прижилась в обиходе.

Сленг фарцовщиков

На самом деле я несколько погорячился. Оба варианта происхождения термина равно возможны, поскольку одним из основных признаков принадлежности к клану у фарцовщиков считалось владение очень и очень специфическим сленгом. Что понятно, ведь сленг выполнял сразу несколько важных функций во взаимоотношениях фарцовщиков не только в своем кругу, но и в их отношениях с государственной системой. Тема сленга фарцовщиков настолько интересна, что требует отдельного упоминания. А так как я не нахожу ей лучшего места в своей книге, как только в период общего знакомства читателей с явлением фарцовки, то прямо сейчас и расскажу об этом подробнее. Сначала нужно ответить на вопрос – «ЗАЧЕМ?». Зачем фарцовщикам вообще понадобилось создавать новую лингвистическую систему? Ну, это-то как раз просто. Причины, побудившие фарцовщиков изощряться в придумывании сленга, непонятного для постороннего уха, те же, что натолкнули уголовников на создание блатного языка – фени. С одной стороны, феня обеспечивала уголовным элементам возможность обсуждать свои криминальные дела при посторонних, не опасаясь, что их подслушают те, кому не надо. Опять же, «малявы» (записки из тюрьмы на волю) можно было писать, не опасаясь, что их расшифруют. Но эти соображения касались не столько «вертухаев» (охранников) и прочих представителей правоохранительных органов, сколько людей посторонних, не имеющих к «деловым» никакого отношения. К тому же все эти резоны через весьма непродолжительное время потеряли актуальность, так как «ботать по фене» очень быстро научились не только милиционеры, но и практически полстраны. А все из-за того, что власти СССР излишне перестарались в свое время и пересажали чуть ли не половину страны, после чего уголовная субкультура прочно и надолго вошла в повседневный быт обывателей. Второе соображение, которым руководствовались создатели фени, – обеспечить что-то вроде быстрого способа тестирования на принадлежность к определенной социальной группе. Владение специальным, если хотите – кодовым, языком давало возможность почти безошибочно опознать «своего», то есть человека, вышедшего из той же уголовной среды. Как только свой видел своего, дальнейшее общение немедленно выстраивалось в соответствии с жесткой уголовной иерархией и законами внутри замкнутой криминальной системы.

Создавая свой собственный кодовый язык, фарцовщики принимали во внимание оба приведенных выше соображения. Да и не только теорию фени позаимствовала фарца у зеков. Сленг фарцовщиков состоял из нее почти наполовину. Почему именно оттуда? Причин несколько, и основная – принадлежность людей, серьезно занимавшихся фарцовкой, к преступному миру СССР. Ведь их деятельность шла вразрез с существующим законодательством и каралась государством не в административном порядке, а в уголовном. При этом понятно, что фарцовщики имели такое же отношение к настоящим «сидельцам», как оперный певец к рэперу, но формально... формально фарцовщики подвергались такой же опасности в любую минуту загреметь в тюрьму, как и любой гоп-стопник, а следовательно, не могли обойтись без необходимых знаний, обеспечивающих принадлежность к криминальным структурам. Приплюсуйте сюда еще и блатную романтику, очень популярную в СССР, особенно среди молодежи.

Но при этом фарцовщики не забывали и о некоторых специфических особенностях своего подпольного бизнеса. Одной из таких особенностей было общение с иностранцами. О

том, на каком языковом уровне это общение осуществлялось, я расскажу попозже, а пока упомяну, что уже в те времена универсальным языком считался английский. Именно на нем худо-бедно могли изъясняться почти все иностранные граждане практически в любой стране мира. Стало быть, фарцовщики просто не могли не использовать в своем сленге обрывки этого вездесущего «инглиша». Поэтому вторую часть сленга фарцовщиков составляли или чудовищно искаженные английские слова, или всевозможные производные от них. Иногда изначально английские слова искажались практически до неузнаваемости. Делалось это отчасти по причине безграмотности фарцовщиков, а отчасти для того, чтобы не вхожий в систему человек, хорошо владеющий английским языком, не смог догадаться, какое же именно «слово» было «в начале».

Но и тут (как у уголовников) в изначальном плане фарцовщиков закодировать свои переговоры случился некоторый сбой. И если в успешном освоении фени простые советские граждане преуспели, потому что в каждой десятой семье кто-то из родственников сидел, то поднатореть в изучении сленга фарцовщиков им помогли сами его создатели. А как же иначе? Ведь у фарцовщиков отоваривалась значительная часть населения. Очень многие люди имели возможность познакомиться при покупке товара с некоторыми частными терминами. И виноваты в этом были сами фарцовщики, которые (как правило) с покупателями вели себя невероятно выпендречно и каждую минуту норовили блеснуть своей исключительностью. Правда, во время торговых операций в основном шли как раз искаженные английские слова, а не феня, знакомство с которой фарца как раз не спешила афишировать.

Так и получилось, что «продвинутая» советская молодежь называла сапоги – шузы, а очки – глезы. Но практической пользой от введения в сленг фарцовщиков англоподобных слов дело не ограничивалось. Говоря о фарцовщиках, ни на минуту нельзя забывать об идеологической составляющей их деятельности и образа мыслей. Американская культура всегда была для фарцовщиков образцом для подражания. И не только потому, что эта страна представлялась советским людям раем для потребителей. В первую очередь ценился тот непередаваемый дух личной свободы в самовыражении, которого были напрочь лишены «совки». Для любого фарцовщика, как бы напыщенно это ни выглядело на бумаге, Америка была символом свободы и вседозволенности. Сейчас такие убеждения выглядят по меньшей мере глупо и наивно, но и Америка с начала 60-х годов ой-ей-ей как поменяла свои идеалы. В те времена, о которых идет речь, США еще не успели втиснуть свое население в узкие рамки политкорректности и тесные оковы приличий. Хиппи, битники, а до этого рок-н-ролл – вот и все, что мог разглядеть советский человек сквозь узкие щелки в железном занавесе.

Это сейчас каждый российский гражданин знает, что хиппи и битники – это прежде всего наркотики, и лишь потом уже все остальные приятные убеждения: ненасилие, свобода личности и пацифизм. Это теперь каждый российский школьник осведомлен о том, что рок-н-ролл – это перво-наперво многомиллионные прибыли дельцов от шоу-бизнеса, и только потом зажигательные ритмы, позволяющие отличаться от старшего поколения. А тогда такие тонкости, судя по всему, были неведомы даже самим символам американской свободы, что уж говорить о советских людях. Отсюда и стремление советских граждан подражать «Дикому Западу», которое в среде фарцовщиков достигло своего апогея.

Чтобы больше не возвращаться к вопросу сленга, приведу несколько «выдержек из текста», то есть фраз, типичных для повседневного обихода фарцовщиков.

Монинг бомбил дойча. Наченчил воч, но фирма не вери супер – «Сейко».

Слил фуффло, а дойч хеппи. Сдал на хазу, поднял на ченче маней солидно.

Перевод: Утром состоялась сделка с западным немцем. Выменял часы, но не очень хорошей фирмы – «Сейко». Отдал за товар сущие пустяки, но немец остался доволен. Часы отнес на квартиру, где живет перекупщик, на сделке заработал приличное количество денег.

Читать это, конечно, смешно. Когда я впервые ознакомился с подобной выдержкой, долго не мог поверить, что все это произносилось всерьез, без издевки. Но с другой стороны,

культура фарцовщиков – это, по сути, культура очень и очень молодых людей, которые и составляли основной контингент. А молодежь всегда отличалась стремилась отличиться от своих «предков», и проще всего сделать это за счет создания собственного лингвистического пространства. Чтобы в этом убедиться, достаточно послушать хотя бы современных подростков. Они своими изысканиями искренне наслаждаются и воспринимают все максимально серьезно, явно соревнуясь: «кто круче отмочит». А посмеяться над своими «достижениями» они еще успеют – лет через десять.

С вводной частью покончено, самое время переходить к основной части – истории возникновения и развития фарцовки в СССР. Гарантирую, будет очень интересно. Скелеты в шкафу, неожиданные повороты сюжета, а самое главное – каждый сможет ознакомиться не только с официальной трактовкой явления фарцовки, но и с теми выводами, которые сделали сами повзрослевшие и умудренные опытом фарцовщики. А эти выводы (высказанные вслух во время интервью) частенько поражали даже тех, кто их высказывал. Я видел это собственными глазами.

К истокам. Как возникла и развивалась фарцовка

История не сохранила для благодарных потомков имени доисторического человека, который впервые использовал случайные искры для разведения очага в пещере. Не сохранилась в исторических анналах и фамилия гения, прикрепившего к нагруженной волокуше два колеса, чтобы облегчить переезд племени на другое стойбище. Вот и имя первого фарцовщика не избежало забвения. Несмотря на недавнее время, даже его инициалы останутся для нас тайной, покрытой мраком. Зато я точно могу назвать в этой книге событие, благодаря которому тоненький ручеек скромных случайных продаж импортного товара превратился в широкую реку отрасли теневого бизнеса, в котором было задействовано наибольшее количество советских граждан за всю историю существования СССР. До момента, когда произошло это событие, не существовало самого понятия «фарцовка». Были всего лишь разовые акции продаж вещей, привезенных из-за рубежа нашей родины. Осуществляли эти акции (что понятно) люди, которые имели возможность бывать «за бугром» и привозить оттуда красивые и модные вещи. Но специально (для продажи) ввозом в страну шмоток не занимался никто. Да и продавали чаще всего по принципу «на тебе, боже, что мне негоже», то есть не подошедшие по размеру или фасону остатки. Что понятно

– ведь кто тогда имел доступ к зарубежным вояжам? Дипломаты, крупные ученые, артисты, чиновники высоких рангов. У этой группы товарищей и так в жизни все было хорошо, как в материальном, так и в моральном отношении. Зачем им нужно было увеличивать свои доходы таким сомнительным способом, как спекуляция? А что до чувства превосходства над большинством советских людей, так его и так хватало, без дополнительной стимуляции.

Во всем виноват Всемирный фестиваль...

Поэтому хотя я не смогу назвать имя первого фарцовщика, зато точно назову дату зарождения фарцовки как явления. Произошло это в 1957 году, в июне. Именно в это время в Москве стартовал первый в СССР Всемирный фестиваль молодежи. Современному человеку, имеющему возможность не только реально путешествовать по всему миру и знакомиться с людьми любой национальности, но и воспринимающему в порядке вещей виртуальные знакомства (спасибо Всемирной информационной паутине!), трудно представить себе, что означал для советских людей приезд в страну нескольких тысяч иностранцев одновременно. И не туристических групп, которых, как стада баранов, водили осматривать достопримечательности под руководством гидов из КГБ, не «фирмачей», приехавших в СССР подписывать выгодные многомиллионные контракты, а самых обыкновенных граждан других стран. И привезли этих людей с одной-единственной целью, как было объявлено на весь мир советским правительством – их привезли, чтобы они пообщались с советскими гражданами в неформальной обстановке и тем самым не только наладили личные дружеские связи, но и помогли делу укрепления мирового содружества. Такой вот всеобщий «Миру – мир!», но на сей раз без обычного совкового формализма. Разумеется, советское правительство никогда не пошло бы на такой решительный шаг, как предоставление молодежи возможности завести неподконтрольные и далеко не всегда санкционированные отношения с гражданами других стран, но курс внешней политики государства на тот момент был таков, что пришлось рискнуть. Соображения были нехитрые и вполне в духе советской показушной морали.

У организаторов Всемирного фестиваля молодежи помимо официально задекларированных целей были еще и собственные – отвечавшие стремлению в очередной раз продемонстрировать мировой общественности «колоссальные достижения советского народа». Было необходимо показать, насколько хорошо живется в стране грядущего коммунизма рядовым гражданам. Какие они все из себя счастливые, довольные, сытые-обутые и при этом еще поголовно образованные. Между прочим, идея-то была неплоха, особенно если учесть, что до этого большинство иностранцев (в основном это касается граждан капиталистических стран) были искренне уверены в том, что СССР – это такая одна большая то ли тюрьма, то ли казарма, в которой все поголовно ходят строем, едят баланду и дружно мерзнут жестокими зимами без теплой одежды. Так что одномоментная демонстрация нескольких миллионов довольных и счастливых советских людей была в такой обстановке совсем не лишней.

Но советские чиновники и политические деятели хоть и не отличались особым интеллектом (разве что хитростью и изворотливостью), все же сообразили, что если «запускать» иностранцев для общения со средним и старшим поколением населения СССР ничего хорошего не получится. Ибо слишком свежими были у людей незабываемые впечатления от партийных чисток 30-х годов, тягот, перенесенных во время Великой Отечественной, а старшее поколение и вовсе в полной мере вкусило ужасов Гражданской войны и последующего истребления верных ленинцев. Так что хорошее впечатление на иностранцев зрелые советские граждане произвести могли только с большим трудом. К тому же в большинстве они были уже до предела запуганы властями и усмотрели бы в такой эскапде очередную провокацию партии и правительства. Вот и было принято решение сделать ставку на «молодую поросль», в памяти которой весьма смутно сохранились негативные явления поры становления воинствующего социализма.

Однако чиновники просчитались. И не в том, что советская молодежь произведет благоприятное впечатление на приезжих, эта часть плана как раз удалась более чем. Устроители фестиваля не учли такого важнейшего фактора, как неокрепшие умы советской молодежи, которые еще не закалились в страхе перед системой и впитывали как губка любые новые веяния, принимая их за чистую монету. Вот что получилось в результате проведения фестиваля. Сказано – дружить и общаться с иностранцами? Извольте, за милую душу, но под общением разрешите понимать то, что обычно понимают все молодые люди во всех странах и на всех континентах во все времена. Не только о политике дискутировать и о необходимости насаждения социалистического строя во всем мире. Можно и об этом, конечно, на досуге. Все-таки идеологически советская молодежь была подкована будьте-нате. Но это, так сказать, рефреном. Красной нитью. А в основном: что носят, под что танцуют (и *как* танцуют), о чем поют, как проводят свободное от учебы или работы время. А также: любовь-морковь, со всеми последствиями, которые могут вытечь из бутылки (водки, красного вина, коньяка – нужное подчеркнуть). Когда устроители фестиваля с советской стороны поняли, какого дурака свалили с этим мероприятием, то просто схватились за голову. К тому же их самобичевание было поддержано определенными ведомствами, отвечавшими как за внутреннюю, так и за внешнюю безопасность СССР. Невозможность осуществлять одновременный контроль сразу за несколькими тысячами иностранцев сводила эти ведомства с ума.

Зато молодежь, согласно полученной директиве, развлекалась вовсю. А то, что эта директива была воспринята несколько расширенно и в вольной трактовке... Так что тут подделаешь? Ведь на дворе лето, ты живешь в самой лучшей на свете стране, а к тебе в гости приехало столько народа. Как тут удержаться? Так что гуляли на полную катушку. Чтобы потом не возвращаться к этой теме, замечу, что «дружеские связи», завязавшиеся в то памятное лето, породили впоследствии немало трагедий на личной почве. Сколько было разбито сердец, сколько несчастных влюбленных разлучили – это ж не сосчитать! Куда там Шекспиру с его трагедиями. А дети? Первая волна разноцветных детей как раз и появилась в Москве после фестиваля 1957 года. Даже термин такой в столице появился – «дитя фестиваля», но не дразнили, нет. Может быть, идеологическое воспитание сдерживало?

«Понаехали тут...»

Однако любовь любовью, но пора вернуться к фарцовщикам. Для того чтобы пояснить, почему именно фестиваль дал старт этому явлению в СССР, нужно для начала перечислить, из каких именно стран приехала в Москву молодежь. Начнем с развивающихся стран. То ли капиталистическими, то ли социалистическими – недавними европейскими колониями, которые только-только делали первые шаги на пути самостоятельного развития и национального самосознания. Это в основном весь Африканский континент плюс Турция и Индия. Представители этих стран только и делали, что удивлялись техническим достижениям цивилизации и для полноценного идеологического общения были не совсем пригодны. Зато их отличала первобытная непосредственность, экзотические нравы и зажигательный темперамент. Эти качества, что там скрывать, больше всего притягивали женский контингент фестиваля. Молодые же граждане СССР и Европы как-то опасались близко приближаться к девушкам со столь непривычной глазу внешностью.

На фестивале был представлен весь соцлагерь – Польша, Чехия, Югославия, ГДР, Румыния, Болгария, ну и так, по мелочи. Между прочим, надо сказать, что молодежь в этих, казалось бы, сугубо социалистических странах значительно отличалась от советской. Польша, например, «вступила на дорогу к коммунизму» всего лишь после Великой Отечественной, и многие приехавшие молодые поляки еще помнили, как они и их родители жили при капитализме. Да и не только в этом дело – молодые представители соцлагерей еще не боялись государственной системы, так как население этих стран еще не успело хлебнуть социализма по полной программе – все еще было впереди. Так что даже молодые

социалисты были свободные, раскованные в поведении парни и девушки, одетые хоть и не роскошно, но стильно.

Далее нужно упомянуть представителей стран, в которых коммунизм считался чем-то вроде юношеской формы протеста, своего рода андеграунда, которым молодежь увлекалась лишь для того, чтобы досадить своим respectable родителям. Это Франция, Италия, Испания, Португалия, Швеция и Финляндия. Молодежь из этого списка, помимо уже отмеченных раскованности сознания и не стиснутого рамками идеологии поведения, отличалась еще и отменным вкусом по части одежды, но сильно проигрывала по части новейших музыкальных течений и общих тенденций индустрии развлечений.

Зато по всем указанным позициям, безусловно, лидировала молодежь, приехавшая из Соединенных Штатов Америки. Представители этой страны, чудом попавшие на фестиваль, продемонстрировали ошеломленным советским юношам и девушкам не только девятое чудо света – джинсы, но и познакомили их с рок-н-роллом, повлияв этим величайшим изобретением человечества на неокрепшие умы советской молодежи. До хиппи, панков, металлистов было еще далеко, но и без этих колоритных примет западного образа жизни американцы подкупали внутренним убеждением, что их страна – самая передовая страна на свете, и все потому, что тон в ней задают люди молодые и прогрессивные.

Как это ни смешно, но идеологически советская молодежь больше всего соответствовала именно «штатникам». У молодых и не разбирающихся в тонкостях большой политики людей из этих стран нашлось до удивления много общего в сознании. Сказалась и психология жителя огромной страны (и СССР, и США занимали самое большое пространство на земном шаре), и шквальная пропаганда, обрушивающаяся на юные головы и на одном континенте, и на другом. И тем и другим с детства внушали: они родились и выросли в самой могущественной, справедливой и свободной стране равных возможностей. И «штатники» и «совки» – молодые люди этих двух стран – отличались той степенью внутренней беззаботности и беспечности, которая свойственна только молодежи тех стран, которые чувствовали за своей спиной колоссальную военную мощь, способную защитить при любых обстоятельствах.

Эта похожесть была бы умилительной и трогательной, если бы не одно различие, которое и подтолкнуло к последующей любви фарцовщиков именно к американскому образу жизни. При всей внешней и внутренней схожести «штатники» с разгромным счетом опережали «совков» по части внешнего вида и свободе самовыражения. Индивидуальность была у американцев фетишем, а забота о ее приобретении и сохранении возведена в десятую степень. Молодым советским гражданам наглядно объяснили: «быть как все – ужасно, хуже этого ничего не может быть». Мысль эта была для «совков» новой и непривычной. Идеология советского государства как раз строилась на стремлении подровнять, довести всех до «однородной серой массы», выделяться из которой считалось неприличным.

Молодежь же всегда стремится выделиться из толпы – такое поведение свойственно юным личностям чуть ли не биологически. А как же иначе, ведь эта пора развития человека как раз и предназначена для самоопределения и осознания своей роли в обществе. Так что молодые советские люди, которым сказали, что индивидуальность – это самое лучшее, что они могут получить от этой жизни, тут же в этот постулат безоговорочно поверили. И понесли идею в массы, уже советские.

Все, что вы прочитали выше, улеглось впоследствии в идеологический фундамент явления «фарцовка». Именно на идею индивидуальности, возможности возвыситься над однородной массой соотечественников и выросло не одно поколение фарцовщиков в СССР. Но оставим пока в стороне идеологию, к тому же не идеологией единой существовал даже такой диссидентствующий тип, как фарцовщик образца 60-х годов. Самое время поинтересоваться: каким же образом после проведения Всемирного фестиваля молодежи на руках у его советских участников остались фирменные шмотки? А произошло все довольно банальным образом. Вне зависимости от того, из какой страны приехала в Москву молодежь – капиталистической, социалистической или развивающейся, все равно приехали в основном

студенты. А что есть студент и чем он отличается от посетившего столицу СССР зажиточного любопытствующего туриста? Студент 60-х годов XX века в любой стране представлял собой существо беззаботное, не думающее о материальных ценностях, да к тому же не терпящее путешествовать с большим багажом. Поклажа только обременяла эту подвижную душу. Вот в этом-то легкомысленном отношении к собственности, в частности к сохранности своего скудного багажа, как раз и состояло отличие иностранных «фестивальцев» от стандартного туриста. Поэтому ничего нет удивительного, что в особо патетические моменты, когда общение с принимающей стороной доходило чуть ли не до братания, самым естественным порывом для зарубежных гостей был щедрый жест – буквально снять с себя рубашку или галстук и обменяться с «побратимом», но бывало и такое, что в стремлении сделать новообретенному другу приятное из чемоданов доставались даже новые вещи – чтобы отдать их замечательному человеку, с которым так приятно проводить время. Тем более, что при виде фирменной шмотки (стоящей ТАМ, понятное дело, не очень дорого) у советских молодых людей только что слюни на стандартные хлопковые «тенниски» не падали. В эти моменты высоких чувств о такой мелочи, как совпадение размеров, никто и не задумывался.

В результате получилось, что по окончании фестиваля у молодых советских людей осталось не только осознание необходимости выделиться из толпы, но и возможность сделать это за счет модных, стильных и по-настоящему нестандартно выглядящих вещей. Тут-то и обнаружилось несовпадение размеров. Куда как обидно, если потрясающей красоты ковбойская шляпа не налезает тебе на голову или сваливается до ушей. Какой уж тут стиль! В такой вещи если и удастся выделиться в толпе, то только за счет ехидных смешков окружающих. Скрепя сердце, вещи пришлось продавать по знакомым. Почему продавать? Ну, во-первых, глупо отдавать предмет вожделения задаром, во-вторых, «тлетворное влияние Запада», выразившееся в общении с молодежью из капстран, дало себя знать, а в-третьих, за проданную вещь можно было получить деньги, которые, в свою очередь, можно было истратить на другую, тоже импортную, но подходящую по размеру. Продавать импортные вещи неожиданно оказалось очень выгодно – люди платили неплохие деньги за возможность приобщиться к мировой моде. И не только женщины, между прочим.

Советские «бродвей»

Ко всему прочему давало о себе знать и идеологическое наследие фестиваля. Сначала в Москве, а потом и в других крупных городах Союза появились специальные места, которые были предназначены как раз для того, чтобы нестандартно мыслящая (и одевающаяся) молодежь могла и себя показать, и на других посмотреть. Почти в каждом городе с этого самого момента был выбран и определен на период всего существования СССР свой собственный «*бродвей*» – проспект или широкая улица, по которой с утра до вечера фланировала разряженная молодежь, решая любые дела, которые не были связаны с учебой или работой. В Москве это была улица Горького, в Ленинграде – небольшой участок Невского проспекта от улицы Восстания до улицы Марата, причем «бродвеем» считалась только одна сторона проспекта – нечетная.

Состав фланирующих по «бродвеям» (во всех городах) молодых людей был разношерстным. В основном было представлено студенчество, «золотая молодежь» – будущие мажоры, но можно было встретить и тех, кто днем вкалывал на заводе, – эта категория, впрочем, была самой малочисленной. От обычных пешеходов фланеров отличали две особенности. *Первая*: прогуливающиеся по «бродвею», а не по советской улице, молодые люди двигались совершенно бесцельно, буквально туда-сюда. Если же появлялась потребность пообщаться, разговаривающие обычно «выпадали» из общего потока и подпирали стены зданий или заходили в небольшие кафешки. *Вторая особенность*: молодые люди были одеты очень модно. Вернее, тут сгодятся любые эпитеты: остромодно, сверхмодно, стильно до невозможности. Причем «тряпки», в которые была облачена

молодежь, не имели ни малейшего отношения к убожеству, которое пытались выдать за моду советские производители. Вся одежда была полностью «срисована» с западных образцов. Широкие плечи пиджаков, узкие брюки и т. д., чуть позже я отдельным порядком расскажу о том, во что были одеты «стиляги» того времени.

В прокладывании этих стилижных «бродвеев» принимали самое непосредственное участие первые фарцовщики СССР. Когда некоторые юноши продали доставшиеся им после фестиваля шмотки, они по достоинству оценили открывающиеся перспективы: можно не только выделяться из толпы, всего лишь облачившись в импортные вещи, но еще и получать от их продажи очень и очень неплохую прибыль. Каковую можно использовать для ведения приятной и комфортной жизни. Последнее преимущество особенно оценили студенты и представители профессий, имеющих отношение к искусству, а потому оплачиваемых скудно и нерегулярно. К тому же именно «богема» быстрее всех подхватила «идеологию» индивидуальности.

Но Фестиваль всего лишь дал общее направление движения и подарил сам принцип сочетания приятного с полезным, фестивальные же шмотки очень быстро кончились, и сразу стало понятно, что вместо того, чтобы отказываться от такой замечательной идеи, нужно сгенерировать новую – где брать ЕЩЕ шмотки. И так случилось, что никто не захотел изобретать велосипед. Ведь один раз получилось разжиться вещичками в процессе неформального общения с иностранцами, и никакие серьезные дяди за это голову не открутили, так за чем же дело стало? Нужно всего-то лишь исхитриться и подбратиться к иностранцам, которые по-прежнему регулярно прибывают в СССР. О том, где эти вещички впоследствии «сливать», даже и вопроса не возникало – точно так же, по уже отработанной схеме: знакомые и «бродвеи», на которых по определению могли «нарисоваться» только «свои». Остальных мгновенно можно вычислить.

Вот так все и началось – с дружбы народов. С бескорыстного общения молодежи разных стран. Чем закончилось? Безусловно, я расскажу и об этом тоже. Но... Нет повести печальнее на свете, чем повесть о фарцовщиках и «совковом» менталитете. Те люди, которые сменили в начале 70-х беззаботных и идеологически подкованных «стилягов», отличались от начала процесса и его основателей, как небо и земля. Стиляг сменили стяжатели, а фарцовка из довольно безобидного «увлечения на досуге» превратилась в подпольный бизнес, да к тому же с неаппетитным душком. О грустном позже, а пока давайте я лучше расскажу вам, как первые фарцовщики решали возникшую проблему – установление новых контактов с иностранными гражданами и подбор скудного ассортимента товара, который мог бы заинтересовать «фирмачей». С валютой большинству фарцовщиков-шестидесятников связываться не хотелось.

Что на что меняли

Москва – столица нашей Родины, но у нее существовал один весомый недостаток с точки зрения фарцовщиков: в столице нет морских портов, которые могли бы обеспечить бесперебойный поток иностранных граждан, и при этом (что важно!) не «крутых шишек», а обыкновенных, доступных для общения людей. Но ничего – выкрутились. Для начала придумали, как обойтись без валюты, дело с которой никто из начинающих фарцовщиков иметь категорически не хотел – боялись. И правильно делали, что боялись. Потому что как только правоохранительные органы, и в частности наша доблестная милиция, поняли, что вытворяют некоторые неосознательные советские молодые люди, так тут же решили припугнуть их от души, чтобы пресечь хотя бы валютные операции, которые карались в СССР наиболее строго. А как можно было припугнуть с точки зрения закона? Только проведя несколько «громких и показательных» процессов, чтобы отбить у потенциальных валютчиков всякую охоту якшаться с денежными знаками других стран.

Одним из самых известных процессов начала 60-х годов стал суд над тремя крупными московскими валютчиками: Яном Рокотовым, Владиславом Файбышенко и Дмитрием Яковлевым. Громкий процесс закончился присуждением высшей меры наказания – расстрела каждому из них. Спору нет, они действительно ворочали серьезными делами на валютном рынке, но «спохватились» органы правопорядка только после того, как в 1959 году правительство СССР резко ужесточило наказание за незаконные операции с валютой, и по этой статье было принято решение увеличить срок по максимуму. Собственно, поначалу суд вынес по делу трех валютчиков совсем другой приговор – им дали по 15 лет «строгого режима», но по настоянию Н. С. Хрущева, лично контролировавшего ход судебного процесса, приговор был пересмотрен и подсудимые были приговорены к расстрелу. К этому процессу трудно подобрать другие эпитеты, кроме как «показательный» и «устрашающий». Власти намеренно подробно освещали ход судебных процедур в прессе, дабы советские люди без тени сомнения убедились в том, что любые незаконные операции с валютой будут караться немедленно и безжалостно.

Рейтинг популярности

Показательные процессы помогли. Иметь дело с валютой во время фарцовки в 60-е годы отваживались немногие. Но приходилось изворачиваться. В качестве товара на обмен шли (в порядке популярности):

1. Бутылки с хорошей русской водкой – тогда такой считалась (да и была) «Столичная». В середине 60-х появилась такая же водка, но с винтовыми крышками, – это был и вовсе экспортный вариант.

2. Армянский коньяк двух сортов – «Арарат» и «Двин». Коньяки были настолько качественными, что позволить себе такой алкоголь за границей могли только по-настоящему богатые люди, в СССР же он стоил сущие копейки.

3. «Монеты с Лениным». На самом деле под этим определением понимались любые юбилейные монеты, которые имели в СССР хождение наряду с обычными деньгами и котировались по номиналу, а зарубежные коллекционеры давали за них вполне приличные деньги.

4. «Командирские» часы. Внушительный на вид часовой механизм, отличавшийся практически швейцарским качеством исполнения и славившийся не только своим бесперебойным и точным ходом, но и тем, что, по легенде (созданной самими же фарцовщиками), выдавался только в виде наградного поощрения в Советской Армии. На самом деле эти часы хоть и стоили не «три копейки», но продавались в любом военторге.

5. «Русские сувениры». Под этим собирательным названием шли сувениры известных во всем мире русских производителей: Палех, Жестов, Хохлома. Произведенные вручную настоящими потомственными мастерами, такие сувениры особенно ценились за границей, считаясь предметом роскоши. Тут тоже была одна тонкость. Изделия перечисленных марок активно отправлялись Советским Союзом на экспорт и стоили за границей очень дорого, тогда как в советских магазинах их можно было купить в десять раз дешевле.

6. Икра замыкает список. И не потому, что как продукт обмена она не интересовала иностранцев. Интересовала, и еще как! Вот только достать ее в те времена было простому советскому человеку очень сложно. А фарцовщики все же не были поголовно детками «советских бонз». Так что если удавалось достать икру, любую сделку (обмен) можно было считать удавшейся. Иностранцы при виде заветных икринок теряли всякое соображение. Еще бы его не потерять, если на одной баночке, приобретенной в СССР, можно было «сделать» дома около ста долларов. В 60-х годах даже в Америке это были большие деньги, что уж говорить про Европу.

Вооруженные этими привлекательными предметами, фарцовщики могли «подкатываться» к иностранцам, будучи почти уверенными, что «дело может выгореть». Где же обретались в те времена вожаки зарубежные гости и каким образом простой советский паренек или девушка могли с ними пообщаться, да еще в неформальной обстановке? И опять же, в первую очередь фарцовщики воспользовались успешным опытом Фестиваля. Иностранцы студенты уже один раз отлично себя зарекомендовали как поставщики, так за чем же дело стало? Вот и подались фарцовщики в общежития, в которых проживали студенты из других стран, приехавшие на учебу в СССР. До 20.00 в общежития вход был теоретически свободным, а в тех случаях, когда на практике вход преграждал комендант, вопрос можно было утрясти или за «деревянные», причем за очень небольшую сумму, или за «жидкую валюту» – ту же водку, только похуже качеством, чем предлагалась иностранцам. Вариант с «общагами» был для фарцовщиков практически беспроигрышным. Бедные иностранные студенты, которым вечно не хватало денег, выдававшихся им в виде стипендии родителями или государством, которое их послало учиться, с удовольствием включались в любые торгово-обменные операции, если эти операции могли принести дополнительные барыши.

Дельцы-студенты

Лучшими партнерами по делу фарцовки считались студенты из развивающихся стран. Во время Фестиваля страну посетили молодые люди из бывших колоний, но приехавшие были настолько подавлены огромным количеством свалившихся на них впечатлений, что на

что-то еще их просто не хватало. Тогда как в общагах обретались уже пообтеревшиеся в сутолоке большого города студенты из Индии или стран Африки, способные с азартом ухватиться за выгодное деловое предложение. Им, как это ни странно на первый взгляд, было что предложить фарцовщикам. В 60-х годах крупные страны (особенно Америка, Англия и СССР) вели настоящую войну за установление в развивающихся государствах «нужного» режима. Капиталисты из всех сил старались заполучить в свой стан очередную страну с «демократическим строем», а коммунисты из кожи вон лезли, но старались способствовать возникновению еще одного полигона для проведения опытов по насаждению социализма. При этом в ход шли любые дипломатические – и не очень – приемы, с помощью которых могущественные «Большие Братя» пытались завоевать расположение правителей развивающихся стран. Дипломатические битвы за такие страны порой разыгрывались нешуточные. Недаром самый известный в истории ядерного оружия конфликт разразился именно за установление «нужного политического режима» на Кубе – «Карибский кризис».

В целом ситуация выглядела приблизительно так: с одной стороны, представителям «стран третьего мира» социалистические страны с удовольствием предоставляли небольшие партии стратегического сырья, медикаменты и врачей, бесплатное образование для молодых граждан. А с другой стороны, капиталисты забрасывали население дешевыми суррогатными продуктами, бытовой техникой и строили на территории этих стран заводы по производству различной пустячной дряни, обеспечивая население рабочими местами. Такой вот эквивалент блестящих бус для дикарей в обмен на золото или слоновую кость.

Например, приехавший учиться в Союз студент из, допустим, Зимбабве, у себя на родине мог запросто зайти в большом городе в магазин и приобрести там любые импортные шмотки. Были бы деньги. С которыми, что понятно, были как раз проблемы. Страна-то все же развивающаяся, и позволить себе сносный уровень жизни могли приблизительно 3 % населения. Вот такой студент и хватался за подвернувшуюся возможность улучшить свое материальное положение с помощью фарцовщиков, которые очень быстро додумались что к чему. Подобный альянс (фарцовщиков и иностранных студентов) был особенно хорош системой расчетов. За присланные с родины шмотки, часто заранее заказанные фарцовщиками, со студентами расплачивались «деревянными», которые им, в отличие от туристов, были нужны как неплохая прибавка к стипендии.

Между прочим о стипендии. Она у иностранных студентов была просто фантастическая. Конечно, точная цифра зависела от конкретного вуза, но в среднем в месяц иностранец получал около 70 рублей. Для сравнения: советский студент получал стипендию около 25 рублей, а «ленинские стипендиаты» – особо отличившиеся в процессе учебы – получали 35–40 рублей. И еще для сравнения: зарплата рядового преподавателя вуза в то время составляла приблизительно 120 рублей. Но надо отдать должное: студенты, приехавшие из «стран третьего мира», учились как проклятые, понимая, что знания, полученные в Союзе, – их единственный шанс выбиться на родине из глухой нищеты. Высшее образование «автоматом» обеспечивало их нормально оплачиваемой работой, и не абы где, а в столице собственного государства. «Советские дипломы» очень высоко ценились тогда по всему миру. Поэтому только соображение, что за фарцовку можно вылететь из института, удерживало ВСЕХ студентов от перманентного процесса зарабатывания денег. А соблазн был велик, ибо денег, полученных несправедливым путем за пять-шесть лет учебы, можно было накопить немало, и особо рачительный молодой человек мог привезти на родину даже некоторый стартовый капитал для открытия собственного дела. Но и перспективы честно отучиться, не отвлекаясь на получение побочных доходов, тоже были чертовски заманчивы. Недаром если сейчас сделать произвольную выборку и поинтересоваться составом кабинетов министров и даже президентов республик стран третьего мира, что называется, «через один» можно наткнуться на выпускников советских вузов. Так что бедные студенты хоть и имели все возможности предоставить фарцовщикам бесперебойный канал поставок, но не очень-то стремились к этому. Из двадцати студентов только один или два решались на постоянное сотрудничество.

Такая позиция большинства иностранных студентов объясняет, почему фарцовщики больше всего любили «бомбить» богатых студентов. Были такие, и было их немало. Вот наладив контакты с ними, можно было «наварить» действительно серьезные суммы и поставить дело на широкую ногу.

Богатые студенты и комедия абсурда

Богатые студенты в СССР – это, я вам доложу, такая тема, что можно отдельную книгу написать. Истории бывали просто фантастические. Но я постараюсь держать себя в руках и поделюсь с вами только той информацией, которая имеет непосредственное отношение к фарцовке. Богатые иностранные студенты попадали в Союз практически из тех же стран, что и бедные (за редкими исключениями), вот только повод для их обучения в Союзе был скорее политического, чем практического свойства. Однако лучше по порядку.

Богатые студенты были в основном детьми политических деятелей, членов правительств или даже президентов стран «третьего мира». Если такой стране в тот или иной период было выгодно «дружить» с СССР, в правительственных кругах считалось хорошим тоном отправлять своих отпрысков на обучение в Союз, в качестве проявления «вотума доверия». Вот, мол, не боюсь отправить к вам самое дорогое, что у меня есть, – благородного отпрыска. Но у подобных поступков (отправки в Союз на учебу сыновей и дочерей) была еще и обратная сторона – соображения более тонкого политического толка. У министра любой развивающейся страны, особенно если эта страна была «нефтяная», денег было столько, что он мог купить своему чадушке собственный институт, и уж тем более их хватило бы для обучения деточки в Сорбонне, Йелле или любом другом престижном институте мира. А министр отправляет своего отпрыска бесплатно учиться в Советский Союз. Понятно, что не из соображений экономии, а только для наглядной демонстрации – на какой именно политический строй правительство держит равнение в данный момент.

Таким студентам процесс обучения в советском вузе был нужен так же, как корове пятая нога, седло и зонтик. Они даже не пытались делать вид, что учатся, вместо этого предпочитая приятно проводить время. В процесс приятного времяпрепровождения входило несколько пунктов.

1. Распитие спиртных напитков, по большей части категорически запрещаемое в родной стране не только сановитыми родителями, но и религией и светским протоколом.

2. Общение со сверстниками без церемоний – то есть шумные вечеринки, танцы и «богемные сборища», на которых царили вольные нравы. С точки зрения молодых людей, всю жизнь живущих по строго регламентированным требованиям этикета, подобная вольность была из разряда «вам и не снилось».

3. Общение с русскими девушками. Предупреждаю сразу: то, о чем я собираюсь поведать дальше, никакого отношения к расизму не имеет. Реальное положение дел было для чернокожих и арабских студентов в то время таково, что иметь в своем «послужном списке» белую женщину считалось особенным шиком и даже в некоторой степени роскошью. У себя на родине, несмотря на все имеющееся в распоряжении богатство, шансов закрутить роман с белой женщиной молодой человек (да и не очень молодой) практически не имел. А, видимо, хотелось. Как обычно хочется всего малодоступного человеку с неограниченными средствами.

Помимо получаемой на общих основаниях стипендии такие студенты ежемесячно получали от сотрудников посольств своей страны не только денежные переводы, но еще и коробки с «передачами» от любящих предков. Пособия были фантастические, – это все, что я могу сказать, ибо не могу здесь привести какие-то конкретные цифры: в каждом случае это были разные суммы. Я обещал удержаться и не рассказывать на страницах этой книги выдающиеся до неправдоподобия истории про иностранных студентов, но не смог. Не смог,

потому что каждая из них читается как «комедия абсурда», и будет очень жаль, если они так и канут в Лету.

История первая. Здравствуйте – царь

Рассказал мне эту историю человек, который как раз в 60-е годы занимался фарцовкой. Прозвучала она, когда я спросил его, каким именно образом ему удавалось «вычислять» богатых иностранных студентов и находить к ним подходы. Выяснилось, что в этом деле (как можно предположить) каждый был сам за себя, но лично у него была знакомая секретарь декана в Технологическом институте Ленинграда – очень милая девушка, по его словам. Романа у них не было, они просто «тусовались» в одной компании. Секретарь декана имел доступ к анкетам абитуриентов и студентов, которые заполнялись в обязательном порядке и где указывались сведения не только о самом студенте, но и о его родителях, социальном происхождении и тому подобная нужная и полезная информация. Самое главное в этом деле было опередить конкурентов и завести знакомство до того, как это сделают другие. Поэтому в особенной цене были сведения по первокурсникам, а в идеале – по только что поступившим в институт.

В один прекрасный день рассказчик, тогда еще молодой человек, студент все той же Технологички, сидел в секретарском кабинете, ожидая свою знакомую. Она влетела в кабинет минут через пять, буквально давась от хохота. На вопрос, что ее так развеселило, она молча протянула лист бумаги, который до этого держала в руках. Говорить она все еще не могла. Лист бумаги оказался анкетой одного иностранного студента, прибывшего из довольно большой африканской республики Конго. В графу «родители» студентом была занесена следующая информация. Напротив пункта «Мать» стояло прозаическое – домохозяйка, а вот напротив пункта «Отец» было скромно записано – царь.

Прочитав анкету, молодой человек захихикал, но умеренно, поскольку он не первый год имел дело с богатыми иностранными студентами, а посему был готов поверить уже чему угодно. Формулировка, бесспорно, выглядела комично, но что именно вызвало такой приступ хохота у секретаря, он сразу врубиться не мог. Когда же секретарь отсмеялась и снова обрела способность говорить, то поведала наконец причину своего веселья.

«Ну ты и серость! Конго – это республика, в ней царя по определению быть не может. У них там президент. Он, конечно, по факту царь и даже, возможно, бог для своего народа, но де юре – это демократическая республика. Я-то сразу просекла нестыковку и решила поинтересоваться, что именно имел в виду студент, когда заносил в графу „Отец» такой титул. И главное, парень приличный, вряд ли он хотел таким образом поднять свой авторитет в коллективе. Вот и пошла уточнять, в чем дело. Выясняется: студент по-русски не так чтобы хорошо понимает и еще меньше может сказать или написать. А папа у него... вождь племени. У них там этих племен еще много осталось. Так что бедолага себе всю голову сломал, пытаясь в анкете адекватный перевод соорудить. Понятно, что такие тонкости, как словосочетание „вождь племени», ему пока не осилить. Обратился за советом к старшекурснику, а тот то ли подшутить решил, то ли сам до шестого курса с русским языком до конца не разобрался, вот и посоветовал в анкету царя вписать». Рассказчик утверждал, что сначала тоже хохотал, но не потому, что представил себе папу студента, а уже над формулировкой в графе «мать – домохозяйка», говорил, что на всю жизнь запомнил картину, которая у него моментально в голове нарисовалась: мамахен студента с огромным половником над котлом, из которого торчат чьи-то ноги.

Однако чтобы повеселиться часик, сначала нужно долго поработать, поэтому студент-фарцовщик тут же поинтересовался у секретаря: как у наследника вождя африканского племени с финансами, будет ли папуля присылать сыночку пуговицы из слоновой кости на бедность? Оказалось – нет, не клиент. Студент оказался чуть ли не беднее вьетнамцев, о нищете которых по студенческому общежитию ходили легенды. Даром что сын царя.

История вторая. «Да у тебя же мама педагог...»

История произошла в 1967 году в Ленинграде. В педагогическое училище № 1 им. Некрасова «поступила» новая студентка. Звали ее Сарала Базрачары, и, в отличие от первого персонажа, у нее-то как раз с происхождением на самом деле все было в порядке. Ее отец был министром в Непале, человеком не просто богатым, а **ОЧЕНЬ** богатым. Непал – страна хоть и не большая, но исторически зажиточная, если можно так выразиться, тоже из бывших колоний. В то время, о котором идет речь, в Непал каким-то образом проник «призрак коммунизма», хотя как его туда могло занести – одному богу известно. В результате видения этого «призрака» в правительственных кругах стали потихоньку поговаривать о государственном перевороте, но именно потихоньку. При этом каждому понятно, что коммунизм в данном случае рассматривался исключительно как повод для очередного свержения кабинета министров, потому что вообще-то в Непале с незапамятных времен установился монархический строй, что устраивало как население, так и правящую верхушку. Какой при таком раскладе коммунизм? Курам на смех.

Но тем не менее, возможно для того, чтобы придать «эпизоду призрачной угрозы» больше материального веса и тем самым добиться в кабинете министров нужных кадровых перестановок ненасильственным методом (взять на испуг), в коммунизм ударились оба отпрыска министра: и сын и дочь. Дальше все было как в плохих советских фильмах. Сынишку официальные власти стали преследовать вплоть до тюрьмы, а дочурка отбыла во временную эмиграцию – в Союз. Стоит ли говорить, как обрадовались власти СССР – еще бы, «заполучить» Непал! Дочурка по возрасту как раз подходила для студенчества, так что ее быстренько «закатали» в учебное заведение. Но вы можете себе представить, до какой степени эта девушка была не приспособлена к процессу обучения, что ее даже не попытались «пристроить» в вуз, а со старта ограничились педучилищем?

Но пристроили все-таки, да и профессия для женщины подходящая – учитель. А вот дальше со студенткой начали происходить прямо-таки фантазмагоричные вещи. Если в начале процесса обучения в Ленинграде стоял теплый сентябрь и Сарала ограничивалась ношением национальной одежды – сари, то с приходом первых осенних холодов стало ясно, что теплой одежды у студентки из Непала просто нет. Сердобольные соученицы по училищу принесли кто что мог из своих и так небогатых гардеробов. В результате мисс Базрачары проходила всю осень и зиму, pardon, в чужих обносках. Советские девушки, учившиеся с ней в одной группе, искренне жалели бедняжку и не видели в происходящем ничего странного. Им, воспитанным на советской литературе и кино, казалось, что именно так и должна проходить жизнь коммунистки в изгнании. Пока не выяснились некоторые весьма странные обстоятельства. Во-первых: в носу Сарала постоянно носила камушки, как и полагается порядочной девушке ее национальности. Меняла она их довольно часто, соученицы насчитали как минимум полтора десятка. По наивности, будущие учительницы считали, что это стеклышки, пока мисс Базрачары, несколько подвыпив на свадьбе одной из студенток, не призналась: камушки самые что ни на есть настоящие бриллианты. Причем все полтора десятка. Приглядевшись повнимательнее, девушки убедились в истинности утверждения. Во-вторых: когда во время каникул Сарала решила съездить повидаться с отцом (разумеется, на нейтральной территории – в Индии, где жили их родственники), отец прислал за любимой дочерью... собственный самолет. Как-то все это мало вязалось с образом преследуемой изгнанницы. Ну и, в-третьих, спустя полгода совместного обучения сокурсницы стали замечать у студентки из Непала наличие больших денежных сумм, скрывать которые Сарала не очень-то и старалась. Курила она исключительно импортные дорогие сигареты, постоянно ходила обедать в рестораны и передвигалась по городу исключительно на такси. К тому же очевидцы утверждали, что неоднократно видели у нее долларовые купюры. И при этом Сарала Базрачары упорно продолжала ходить в собранных для нее старых и часто неподходящих по размеру вещах.

Что это было? Из каких соображений девушка так странно себя вела? Где ежедневно доставала хотя бы эти самые импортные сигареты, которых большинство советских людей и в глаза-то не видели? Сразу скажу – в фарцовке студентка из Непала замечена не была, но то, что ее пребывание в Советском Союзе было окружено плотным покровом тайны, – однозначно. Даже сам факт ее пребывания в СССР вызывает недоумение. Уж если ей так необходимо было где-то отсидеться, то почему не в нейтральной Европе?

Пробыла она в СССР недолго. Очевидно, желаемых кадровых перестановок в правительстве удалось достичь очень быстро, поэтому, проучившись в Союзе всего два года, Сарала Базрачары благополучно отбыла на родину. Там несостоявшаяся учительница начальных классов моментально вышла замуж за принца, родила наследника и впоследствии стала королевой-матерью, а ее семья приобрела необычайное влияние в стране. Такая вот история – просто «Тайны дворцовых переворотов»! А с Непалом СССР «дружил», и даже очень. Официально было признано, что это «хорошая» страна, несмотря на монархию. А может быть, благодаря ей?

Мне лично, когда я впервые услышал эти истории, они очень понравились. Есть в них что-то такое... за границами нормы, а такие шутки я всегда любил. Но, как и обещал, возвращаюсь к основной теме книги. Речь идет о фарцовщиках и их взаимоотношениях с иностранными студентами. С бедными студентами мы разобрались, а теперь до конца осмыслим: зачем же в противоправные отношения с фарцой было вступать «богатеньким Буратино», и так имевшим в своем распоряжении достаточные финансовые средства. А затем, чтобы потратить эти самые средства с чувством, с толком, с расстановкой и исключительно на свои удовольствия. Представьте себе, приезжает такой избалованный донельзя отпрыск в Союз и что он видит? Видит чужую страну с непривычными нравами и обычаями, незнакомых людей, из своих – только сотрудники посольства, но те способны лишь на раблепные приседания и постоянный контроль за моралью и нравственностью вверенных наследников. Вот и куда, скажите, молодому человеку в такой ситуации податься? К соотечественникам? Но их можно пересчитать по пальцам. Да и соотечественников-то как раз меньше всего рядом с собой и хочется видеть, чтобы они тоже ничего лишнего не увидели, а то не ровен час «стукнут» об аморалке кому не следует, когда вернуться на родину. К сознательным советским студентам? Но это полное занудство. Зубрежка с утра до вечера, а в свободное от учебы время пошлые танцы в районном Доме культуры или того хуже: лазание по горам с гитарой. С точки зрения состоятельных студентов, такие развлечения не годились даже для прислуги.

А тут приятные молодые люди, худо-бедно изъясняющиеся на английском языке и предлагающие свои услуги по организации «цивилизованного» досуга и разнообразной программы мероприятий, а также свою горячую интернациональную дружбу. Список мероприятий, имеющих привлекательность для состоятельных иностранных студентов, я уже приводил выше. Причем все обставляется совершенно «по-советски» – никакой оплаты наличными. Взамен принимающая сторона не просит ничего криминального, всего лишь «подарки» в виде импортных вещичек, пластинок или сигарет. Можно ли устоять против такого выгодного предложения? Да ни в жизнь, тем более что качество «подаренных» шмоток никого особенно не заботило – ни привозящих, ни забирающих. Я некоторым образом обобщаю, надеясь при этом, что вы понимаете, что в каждом отдельном случае имела место своя, частная договоренность, и были известны случаи, когда даже не обделенные финансами студенты охотно принимали в обмен на привезенные вещи не только услуги, но и «деревянные» рубли, икру и водку. Тут уж все зависело от личных качеств поставщика.

Поставщиками же состоятельные иностранные студенты были для фарцовщиков идеальными. Количество приобретенных «там» вещей было неограниченным, можно было делать заказы на одежду определенных фирм и, что немаловажно, на пластинки. Последние были очень выгодным предметом для фарцовки. Цена на некоторые особенно редкие

экземпляры доходила порой до 200 рублей – невообразимые в то время деньги. Полученный от иностранных студентов товар с успехом расходился на «бродвях» и «на хазах», то есть на квартирах фарцовщиков. В 60-х годах товарооборот фарцовки был ничтожен по сравнению с оборотом конца 70–80-х, так что говорить о какой-то налаженной системе сбыта было бы просто-напросто преждевременным.

Но иностранными студентами список поставщиков товара для фарцовщиков не ограничивается. Я поместил их в начало списка лишь по одной простой причине. Этот канал поставок основательно захирел к концу 70-х годов. Тут сработало несколько факторов, и не последним был тот, что поток этих самых студентов значительно иссяк, а те, что еще продолжали приезжать в страну, обыкновенно прибывали из совсем уж бедных стран, да и сами были нищими. Встречались и исключения, разумеется, но они лишь подтверждали общее правило. Второй фактор – тотальный контроль за каждым иностранным студентом со стороны КГБ. Семидесятые – время «холодной» войны, и гэбисты подозревали каждого прибывающего в Союз иностранца, хоть бы тот и был из насквозь «дружественной» страны. Комитет безопасности имел все основания подозревать бедных студентов в шпионаже, так как понимал, что «купить» их можно за смешные деньги – осатаневшие от нищеты на родине люди и вправду могли «завербоваться» чуть ли не за кусок хлеба не только для себя, но и для всей семьи.

Понятно, что вести подпольный бизнес в условиях такого тотального контроля было, мягко говоря, затруднительно, а грубо говоря – просто невозможно, потому-то такой замечательный канал поставок, как иностранные студенты, иссяк. О чем впоследствии фарцовщики очень жалели – ведь «бомбить» их означало совмещать приятное с полезным.

Что же до других каналов поставок товара, с которыми имели дело фарцовщики-шестидесятники, они же «отцы-основатели» этой разновидности подпольного бизнеса в СССР, то эти каналы, появившись в то же время, в отличие от «студенческого» продержались до начала 90-х годов. Раз продуманные и «вычисленные», эти каналы верой и правдой служили фарцовщикам еще несколько десятилетий. Трансформации подверглись лишь внутрицеховые отношения: между поставщиками и сбытчиками. Руководствуясь этими соображениями, я на время отложу рассказ об этих каналах, чтобы вернуться к нему после того, как перейду в своем повествовании к следующему этапу развития фарцовки как явления. А пока самое время рассказать о том, как относились в 60-х годах власти и правоохранительные органы к такому нововведению в социалистическом обществе, как фарцовка.

«Бей стилиягу!»

Как в структуре, идеологии, так и в «личном составе» явление фарцовки в 60-е годы значительно отличалось от процесса перепродажи импортных вещей в 70-е и 80-е годы. Отличалась и реакция властей. Вот хотя бы и первое отличие. Официальные власти на протяжении почти всего десятилетия (с 1957 по 1967 год) отказывались признавать, что в СССР вообще существует такое понятие, как фарцовка. Считалось, что советский человек органически не способен «клянчить» у иностранцев вещи. Так что фарцовщиков власти и правоохранительные органы просто в упор не видели. В тех редких случаях, когда кто-то из фарцовщиков все же попадался, то в худшем случае отделялся статьей за спекуляцию. Но этих погоревших действительно насчитывались единицы. Ни одно ведомство – ни милиция, ни КГБ – за фарцовщиками специальной охоты не вело, ведь на это не было санкции свыше, а работать без команды «фас» – себе дороже выйдет. Так что на нарах оказывались или те фарцовщики, которые совсем уж зарывались и вели себя донельзя нагло, или те, кто нигде не работал и с утра до ночи мозолил глаза своим пролетарским соседям. Но таких дурачков много не находилось.

Кто твоя крыша?

Фарцовкой в те годы занимались в основном студенты. Чаще всего это были студенты гуманитарных вузов, но «технари» в количественном отношении отставали ненамного – они скорее «не дотягивали» по части идеологии. Не делали из фарцовки культа. Занимались этим в основном для того, чтобы модно одеваться и нравиться красивым девушкам. Еще среда фарцовщиков состояла из детей чиновников и управленцев. Отпрысков управленцев было особенно много: сыновья и дочери директоров крупных магазинов, директоров торговых баз – в общем, всех тех, кто мог «доставать» необходимые для обмена товары. К тому же дети этих личностей с раннего детства были поражены «вирусом социализма» в значительно меньшей степени, чем дети рядовых советских граждан.

Элитой среди фарцовщиков считались дети известных людей и дипломатов. Под известными людьми понимались крупные ученые (желательно с мировым именем), артисты (желательно не ниже заслуженного), а также военачальники не ниже генеральского звания. И конечно же, дети партийной элиты, как же без них-то! Уровень жизни молодых людей из таких семей был на порядок выше, чем даже у чиновничьего и управленческого потомства.

Дело даже не столько в количестве денег, сколько в «звездной болезни» и материальных почестях, которые оказывали родителям власти. Огромные многокомнатные квартиры, возможность поездок за рубеж, и в капстраны в том числе. Некоторые из таких деток и просто выросли за границей, правда, как бы они ни «колотили понты» перед своими приятелями, не бывавшими никогда за границей, ничего кроме стен посольства и ближайшей к нему улочки детки не видели. Никто их никуда не пускал погулять.

Если представить себе фарцовку 60-х в виде пирамиды, то основанием ее как раз и служили две последние категории. Именно их деятельность составляла приблизительно 60 % от всего товарооборота. Они и сами возили вещи на продажу, и имели возможность заниматься фарцовкой, не нарушая своего привычного ритма жизни. К тому же социальный статус родителей позволял им не скрывать материальный доход от занятия фарцовкой. Кто там будет разбираться: любящий папуля подкинул денежек или отпрыск сам нашел способ их изыскать. Так что не будет преувеличением сказать, что фарцовщики из семей с хорошим материальным достатком были «прикрыты» со всех сторон. Чем они и пользовались. Власти и правоохранительные органы мыслили, очевидно, довольно стандартно, потому что никаких конкретных подозрений по поводу хорошо одетых молодых людей, позволяющих себе каждый день ужинать в ресторанах, как-то не возникало. А впрочем, может быть, я несправедлив. Все знали – но молчали. Ведь неизвестно, чем могло кончиться предъявление обвинения таким «золотым деткам». Вполне возможно, что не внеочередными звездочками на погонах, а лишением всех званий и ссылкой в постовые милиционеры. Так или иначе, но милиция не обращала на таких фарцовщиков ровно никакого внимания.

Оставшиеся 40 % фарцовщиков были меньше защищены от преследований закона, но они оказались как бы укрытыми невидимым зонтиком. В качестве защиты для этих «фарцовщиков из простонародья» выступали те самые «упакованные». Ведь их было большинство, на их противоправную деятельность все ведомства закрывали глаза, а следовательно, и явления такого в СССР как бы и не было. Правда, оставалась еще старая добрая спекуляция, за которую можно было вполне реально загреметь за колючую проволоку, но тут спасало отсутствие централизованной организации. Не было ни одной «преступной группы», которая могла бы намозолить глаза милиции. Фарцовщики работали поодиночке, каждый из них был сам себе и поставщиком и сбытчиком, канал поставок обычно был всего один, что означало контакт только с одним человеком, ввозящим в страну вещи. Так что вычислить такого «одиночку», который к тому же занимался своей подпольной деятельностью в свободное от учебы или работы время, было очень сложно. Для этого правоохранительным органам нужно было не только задаться такой конкретной целью, но и положить на ее осуществление немало сил, времени и средств. Возникал резонный вопрос – а ради чего? Ради поимки рядового спекулянта, ради раскрытия преступления, которое в отчете начальству вряд ли будет вообще замечено? Это спустя десятилетие как минимум фарцовку стали воспринимать всерьез и ОБХСС, и уголовка, а тогда...

Подытоживая все сказанное, можно утверждать, что со стороны закона фарцовщикам 60-х не грозили особенно страшные кары. Можно даже пойти дальше и утверждать, что занятие фарцовкой в то время было практически безопасным, несмотря на явное противоречие, в которое вступал фарцовщик не только с законодательством СССР, но и с государственной идеологией.

Да вот как же это я идеологию-то упустил! Гэбисты наверняка были в курсе всего происходящего. Если и не в полном объеме, то уж они точно знали, что отдельные молодые люди вступают в несанкционированные контакты с иностранцами с целью покупки или обмена «предметов народного потребления». Объяснить, почему в 60-е годы фарцовщики не подвергались преследованиям со стороны этой могущественной организации, мне так никто и не смог. Я разговаривал как с фарцовщиками, занимавшимися своей деятельностью в 60-е, так и с одним уже очень пожилым бывшим сотрудником КГБ (ах да! – простите, они ведь бывшими не бывают). И никто из опрошенных так и не смог ответить ничего внятного. У бывшего фарцовщика я поинтересовался: боялись ли он и его коллеги представителей

известного ведомства, и если нет, то почему? Ответ меня позабавил. «Нет, пожалуй, не боялись, – задумчиво ответил мне интервьюируемый. – Точно уже не помню, но осталось ощущение, что им как-то не до нас было. Что-то у них там внутри системы в тот момент кардинально менялось. Грызлись они между собой, это я точно помню. А мы действовали в соответствии с поговоркой: кот из дому – мыши в пляс. Вот мы и не особенно задумывались».

Я потом проверил это воспоминание на достоверность и выяснил, что зерно истины в нем присутствует. Как раз в это время – с середины 50-х до конца 60-х годов КГБ, похоже, было не до внешних проблем. Это ведомство сотрясали внутренние разборки. Теперь уже ни для кого не секрет, что Хрущева с поста главы государства сместили с подачи высшего руководства Комитета Госбезопасности. Его кандидатура их совсем не устраивала, как не устраивала начавшаяся при нем «оттепель», которая представляла собой не что иное, как курс на открытую внешнюю политику и значительные идеологические послабления во внутренней политике государства. Понятно, что новый «курс партии и правительства», проложенный Н. С. Хрущевым, не мог устроить ведомство, чье могущество как раз и зиждилось на тотальном контроле, подавлении любого инакомыслия и чувстве страха, которое испытывал каждый советский человек, когда слышал зловещую аббревиатуру. Так что в середине 50-х годов КГБ было занято тем, что готовило «бескровный» правительственный переворот, но многое пошло не так, как планировалось, потому что чуть позже, после прихода к власти Л. И. Брежнева, КГБ постигли тотальные кадровые перестановки. Чего стоит одно назначение бывшего главы этого неприятного ведомства на должность министра сельского хозяйства – должность, «отстойную» по определению. Так что это было «падение ниже плинтуса». Да и остальные кадровые вопросы назначений в Комитете были решены так же радикально. Теперь понятно, почему всеведущая организация проморгала в 60-х появление фарцовки в СССР. Если бы руководство КГБ в то время захотело полностью ликвидировать фарцовку как явление, то сделать это было бы довольно легко: организовать несколько громких процессов, как с валютчиками, приписать к уголовному делу еще и измену Родине (контакты-то осуществлялись у фарцовщиков с иностранцами), и – готово дело, рядовой студент, живущий в большом городе, трижды подумал бы, прежде чем подойти к иностранному гражданину с целью покупки у него импортных вещей. Хотя нельзя, конечно, полностью исключать, что были и какие-то другие соображения. Вот во что трудно поверить, так это в то, что ведомство, имевшее в своем распоряжении целую армию «стукачей», просто ничего не знало о фарцовщиках.

«Комсомольские патрули»

Так или иначе, а зарождение фарцовки КГБ вкупе с милицией проморгали. Спустя десятилетие ликвидировать фарцовку в СССР как явление было уже если и не невозможно, то очень затруднительно. При этом было бы неверно сказать, что «партия и правительство» никак не отравляли жизнь фарцовщикам-шестидесятникам. Вот только делали они это, скажем так, в морально-этической плоскости. В то время широко развернулась очередная правительственная кампания против «идолопоклонничества Западу». Под идолопоклонниками подразумевались в основном молодые люди, которые пытались следовать западной моде, исповедовать моральные ценности, распространенные в первую очередь в Америке, и «копировать западный стиль жизни», то есть проводить время не в библиотеках и в театрах, а в ресторанах и в компаниях. Методы борьбы с «идолопоклонниками» были весьма и весьма действенными. Кому-то из правящей верхушки пришла в голову здравая мысль, что если поручить тотальную слежку за моральным обликом советской молодежи милиции, то МВД придется полностью переключиться на решение этой задачи, вместо того чтобы ловить преступников. В связи с чем из особо сознательных молодых людей создавались небольшие отряды (не путать с дружинниками!), в состав которых обязательно входили рьяные комсомольцы, принимающие самое горячее участие в

политической жизни по месту учебы или работы, то есть зарекомендовавшие себя яростными сторонниками советского образа жизни. Сколачивались такие «патрули» по большей части не из студенчества, а из рабочей молодежи, – пролетариат в Союзе изначально был оплотом системы. Число людей, входящих в патруль, варьировалось от трех до пяти, а в составе патруля обязательно имелись здоровые бугаи, способные скрутить человека в течение пяти минут.

На патрулирование обычно выходили вечером, после работы, но можно было «нарваться» и днем. Задача патруля заключалась в том, чтобы прогуливаться по вечерним городским улицам и следить за соблюдением приличий в отношениях между девушками и юношами (нельзя было, к примеру, целоваться на улице – это считалось неприличным) и за тем, чтобы несознательная молодежь своим поведением не позорила высокое звание «советского человека»: не плевалась, не разбрасывали где попало окурки и бутылки, не топтала газоны и т. д. и т. п. Но эти цели служили исключительно прикрытием для основной деятельности таких патрулей – они искали «стиляг», вычислить которых в толпе не представляло никакого труда, уж слишком они отличались своим внешним видом от большинства советских граждан. Когда находили, расправа была мгновенной и безжалостной: обрезали волосы, портили вещи (резали брюки по шву, а у пиджаков отрывали рукава), да еще могли и накомылять по шее, несильно правда, скорее унизительно. Девушек не били, зато могли облить чем-нибудь вонючим или липким и тоже расправиться с прической. Разумеется, такие действия совершались не только при полном попустительстве милиции, но и считались вполне законными. Жутковато, но факт. Впрочем, по этому пункту ругать «совдепию» бессмысленно – в любое время можно (только свистни) найти подобную «дружину», даже если ее действия никем не оплачиваются, а рассматриваются исключительно в качестве общественной нагрузки. Оглядитесь вокруг, и вы поймете, что я прав.

Стиляга или индивидуальность?

«Стиляг» в совке ненавидели. Их высмеивали в каждом сатирическом журнале, в кино, в книгах и на комсомольских собраниях. В те годы на комсомольских собраниях очень часто на повестку дня выносился суд на «стилягой». Думается, образ стилиаги уже столько раз был описан в литературе и в воспоминаниях куда более талантливыми людьми, чем я, поэтому мне даже как-то не очень удобно сейчас уделять этому вопросу много внимания. Но все же напомним (а вдруг кто-то ничего о «стилягах» не слышал), как они выглядели и что же в их поведении отличалось от поведения большинства населения Союза. Типичный «стиляга» – это молодой человек, облаченный в такие узкие брюки, что даже довольно простой процесс ходьбы иногда был для него затруднителен. К брюкам прилагался пиджак с ватными плечами такой ширины, что собственно тело бывало раза в два уже, чем надетый на него «клифт». Завершала картину прическа с высоко взбитым и набриолиненным коком, уложенным затейливой волной, а также разнообразные аксессуары. Например, непомерных размеров галстук, причем самый шик – если на нем была изображена обезьяна, но неплохо смотрелся и любой кричащий цвет с символическим узором. Ботинки на толстой каучуковой подошве, которые придавали походке своеобразное покачивание, что сразу выделяло «стилягу» даже в самой густой толпе. По зимнему времени «стиляга» обязательно облачался в длиннущее пальто.

Женский вариант «стиляги» определить труднее, но в первую очередь это было ношение ультрамодных (естественно, на Западе) шмоток, которые, конечно же, ярко выделялись на общем фоне ситцевых или хлопчатобумажных платьиц в цветочек. Одна немаловажная деталь: именно девушки-«стиляги» первыми начали носить брюки на улице (понятно, что речь идет не о рабочей одежде), чем вызвали шквал негодования со стороны населения. Особо впечатлительные могли даже плюнуть вслед.

Но внешний вид был всего лишь красивой и яркой «упаковкой», под которой

скрывалась идеологическая начинка – не быть как все, не думать как все, не подчиняться вкусам и мнению большинства. Трудно брать на себя смелость и обобщать, но, как я понял, главным моментом была та самая индивидуальность, о которой я уже рассказывал, какой бы ценой она ни достигалась. Многие диссиденты «выросли» из таких вот «стиляг», как и многие действительно талантливые люди советского времени. Но было ли в перечне внутренних качеств «стиляг» то самое «идолопоклонство Западу», за которое их, собственно, и преследовали? Было, как не быть. Не так чтобы до фанатизма, но многие «стиляги» действительно восхищались Западом вообще и Америкой как страной, в частности. Причем сколько «стиляг» – столько и поводов для восхищения. В основном завидовали достижениям демократии и свободе самовыражения, кто-то уже тогда видел преимущества демократической системы для проявления подлинного таланта, не ограниченного варварской цензурой, а кто-то так далеко не заглядывал, восхищаясь исключительно внешним лоском и блеском. Повторюсь – по характеру и внутреннему содержанию все «стиляги» были разными людьми при всей своей внешней похожести.

Среди «стиляг» было множество фарцовщиков. Были и такие, что «бомбили» от случая к случаю, а были и настоящие профи, но именно в этой среде фарцовщики чувствовали себя как рыба в воде. Да и делу польза – можно было «толкнуть» импортную вещь многократно проверенным людям, что называется, «соратникам по борьбе», тем более что среди «стиляг» было очень много детей состоятельных родителей. Маргиналы к стилижничеству приспособлены как-то не были. Да и потом – узкие брюки еще можно было собственноручно сделать из стандартных совковых портков, продававшихся в магазинах, ушив на маминой швейной машинке. Пиджак тоже можно было сварганить в ателье, напихав потом ваты под плечи, а где достать в Союзе галстук с обезьяной? А импортные сигареты, хотя бы одну коробку, в которую потом можно натолкать отечественных никотиновых палочек? А пластинки, которые составляли огромный пласт культуры «стиляг»? Пластинки были настолько популярны и важны, что среди фарцовщиков существовала даже специализация: «бомбили» иностранцев только на пластинки. Некоторые фарцовщики – настоящие профи, разумеется, – гордились тем, что для них не может быть неосуществимого заказа. Какой бы редкий диск ни был заказан клиентом, брались достать. Ясно, что времени на выполнение заказа иногда уходило очень много (до нескольких месяцев), но в результате искомая пластинка находила своего хозяина.

Сами фарцовщики, специализировавшиеся на пластинках, прекрасно разбирались в музыке. Да что там, они были настоящими знатоками, причем энциклопедического толка, и ориентировались буквально во всех музыкальных стилях и направлениях. Но как это ни странно, те, кто фарцевал пластинками, сами редко были профессиональными музыкантами. Они были созерцательными ценителями. Были среди таких ценителей личности и просто уникальные. К примеру, в конце 60-х годов в Ленинграде в среде фарцовщиков был широко известен один коллекционер – меломан-фарцовщик. В официальной жизни он был обычным преподавателем в одном из ленинградских вузов, а в неофициальной – его однокомнатная квартира на Васильевском острове вмещала в себя кроме самой высококачественной на то время импортной аппаратуры порядка четырехсот пластинок. Тоже не отечественных исполнителей, разумеется. Фарцевал этот человек исключительно «из любви к искусству», причем в прямом смысле этого выражения, только для того, чтобы заработать денег на пополнение своей коллекции, и в качестве предмета фарцовки рассматривал тоже только пластинки.

Учитывая, что среди «стиляг» приблизительно каждый пятый время от времени занимался фарцовкой, многих фарцовщиков так же часто, как и остальных «стиляг», ловили «инквизиторские» комсомольские патрули, поэтому можно сказать, что преследование фарцовщиков-шестидесятников властными структурами заключалось лишь в расправе над ними блюстителями советской морали и нравственности. Я не буду рассказывать о кровавых подробностях таких рейдов, а вместо иллюстрации отношения советских властей к «стилягам» приведу отрывок из одной центральной газеты, в которой был помещен

разоблачительный фельетон. К сожалению, в какой конкретно газете был напечатан сей пасквиль, я указать не смогу, а все потому, что человек, любезно предоставивший мне его в свое время, попросту вырезал статью из газеты, и в таком виде она пролежала у него в архиве сорок с лишним лет. Но, думаю, особой важности информация о названии газеты не имеет, так как советская пресса тех времен пестрела подобными материалами.

В редакцию нашей газеты продолжают приходиться гневные письма от советских граждан, до глубины души возмущенных таким позорным явлением нашей действительности, как стилиаги. В каждом пришедшем письме наши читатели приводят не только примеры, которые наблюдали сами, но и вносят предложения, каким образом можно **стереть** это позорящее советскую молодежь пятно. Среди этих предложений есть очень интересные, которые редакция нашей газеты постарается опубликовать в самое ближайшее время, а пока хочется еще раз обратиться к членам комсомольских ячеек с призывом: будьте бдительнее! Стилиажничество, как худшая зараза темных времен, как холера или чума, расплодится в коллективе, если в нем **заведется** хоть один выразитель этой гнилой и тлетворной философии. Нельзя смотреть на такое черное дело, опустив руки. Ведь в наше время советские медики победили страшные болезни – так значит можно победить и эту заразу!

Так и хочется воскликнуть, следуя порыву сердца, – комсомольцы, сплотите ваши ряды и встаньте стеной на пути распространения чуждой советскому молодому человеку прозападной пропаганды. Не надейтесь только на старших товарищей, коммунистов и наставников. Если рядом с вами оказался сбившийся с истинного светлого пути советского человека стилиага, приложите все усилия, чтобы вернуть его в строй настоящих комсомольцев. И если для этого понадобится предпринять решительные меры, то пусть это вас не останавливает. Иногда, для того, чтобы помочь больному человеку, приходится делать ему больно!

И когда вместо уродливых узких брючек вы увидите на вашем товарище рабочую спецовку, когда девушка, смывшая с лица нелепую раскраску, вместо того, чтобы бессмысленно проводить время в кафе и ресторанах, пойдет вместе с вами в музей, чтобы посмотреть на истинные шедевры человеческого искусства, вот тогда вы услышите от них слова благодарности, которые помогут вам продолжать вашу **борьбу** !

Завершая рассказ о специфических особенностях фарцовки в 60-х годах XX века, нужно обязательно повторить, что вначале это явление вовсе не рассматривалось большинством самих фарцовщиков как получение прибыли от торгово-обменных операций. Скорее, получаемая прибыль рассматривалась как приятное приложение к основному – идеологическому – кайфу, который доставляла фарцовщикам возможность приобщиться к западной культуре и выделиться из общей безликой и серой массы советской молодежи стильным и модным внешним видом, прослыть бунтарем. К началу 70-х годов среди фарцовщиков произошли значительные кадровые перестановки. Многие вчерашние фарцовщики и «стилиаги» стали воспринимать торговлю импортными шмотками в первую очередь как бизнес, способный приносить очень и очень неплохие деньги. Изменилась система идеологических ценностей, исчез налет бунтарства и романтики, окружавший фарцовку изначально, а взамен появилось презрение к большинству советских граждан, не имеющих возможности «доставать» иностранную одежду. И хотя как сфера деятельности фарцовка так и не «постарела» в основном составе по-прежнему играли молодые люди, – все-таки что-то неуловимо изменилось, и не столько в приемах, с помощью которых «бомбили» иностранцев, сколько в отношении к советским покупателям «товара». Простых советских граждан, скопивших трудовую копеечку на джинсы, могли запросто «кинуть» или «опустить», чего фарцовщик 60-х не позволил бы себе никогда. Ведь для него «клиент», то есть покупатель, был слеплен из того же теста, исповедовал ту же идеологию и подвергался таким же гонениям, что и он сам.

Те же фарцовщики-шестидесятники, кто не принял новую идеологию явления и новые

методы ведения дела, ушли в сторону и либо со временем стали рядовыми законопослушными гражданами, либо с головой окунулись в диссидентство, посвятив этому всю оставшуюся жизнь.

Гостиничная фарцовка

Я на время отложил рассказ о других способах получения товара фарцовщиками и мотивировал такое решение тем, что, в отличие от контактов со студентами-иностранцами, эти способы сохранились до «победного конца», то есть превращения фарцовки из подпольного бизнеса во вполне легальное занятие. Вот сейчас как раз самое время продолжить рассказ. Чтобы не запутать ни себя, ни вас, уважаемые читатели, каждому каналу получения товара я посвящу отдельную маленькую главу. Такой способ знакомства с информацией будет удобнее, потому что каждый канал, по которому фарцовщик получал товар, со временем претерпевал некоторые изменения в цене товара, объемах партий, а также в отношениях между поставщиками и получателем. Менялось и отношение правоохранительных органов к различным каналам доставки товара. То один, то другой из них удостоивались пристального внимания со стороны органов, которые принято называть компетентными, хотя я и не очень понимаю, в чем эта компетентность заключается. Поэтому, чтобы не метаться по десятилетиям, прослеживая эти изменения, я просто расскажу о них, так сказать, в одном информационном поле.

Самый стабильный, пожалуй, канал поступления товара для фарцовки – это гостиничная услуга: бармены, официанты, горничные и администраторы. Любой человек, который по роду своей профессии имел возможность общаться с иностранцами, автоматически приобретал привлекательность в глазах фарцовщиков. В этом способе получения товаров было много плюсов, но много было и минусов. Начать имеет смысл с положительных сторон этого канала. Первой можно считать его бесперебойность. То есть поставки, конечно, зависели от того, с какими конкретно иностранцами удавалось выйти на контакт, но все-таки этот способ «бомбить фирму» отличался от других, которые можно охарактеризовать народным выражением «то пусто, то густо». А для любого бизнеса, пусть и подпольного, стабильность является залогом успеха. Еще один плюс (поменьше) получения вещей для последующей продажи именно от гостиничной услуги состоял в том, что непосредственно фарцовщику не нужно было мучительно напрягаться и пополнять

словарный запас сразу нескольких языков. Проблемы с языковым барьером успешно решали поставщики. Кроме того, фарцовщики, которые имели возможность воспользоваться таким каналом поставок, успешно огибали один из самых острых углов этой деятельности – первый контакт с «фирмачом», во время которого вероятность «проколоться» и «засветиться» была самой большой.

К минусам получения товара из рук гостиничной obsługi, несомненно, относилась ограниченность доступа фарцовщиков к этому каналу. Чтобы воспользоваться таким способом добычи фирменных вещей, нужно было для начала занять среди знакомых кого-то из персонала гостиницы. И знакомство должно было быть совсем не шапочным, а крепким, и если уж не долговременным, то построенным на каких-то гарантиях и ручательствах доверенных лиц. Такая осторожность среди гостиничных работников была понятна и хорошо объяснима. Присутствие случайных людей в подпольном бизнесе недопустимо. А теперь немного займемся математикой. Рассмотрим ситуацию в Ленинграде. В советские времена в этом городе существовало всего 25 гостиниц (последней появилась «Пулковская»), и только в 7-ми из них останавливались заезжие иностранцы из капиталистических стран. Еще в 6-ти гостиницах селили группы и отдельных постояльцев из соцстран. С ними тоже можно было делать бизнес, но несколько другого рода, о таких «социалистах» я расскажу чуть позже. А все остальные гостиницы представляли собой клоповники для расселения советских граждан, приезжающих в большие города с разными целями. Такие «дома для приезжих» мы даже и рассматривать не будем.

Количество obsługi в каждой гостинице зависело от ее класса и размера, но можно вывести усредненную цифру – около ста человек на одну гостиницу. Теперь умножаем сто человек на 7 гостиниц, в которых селились «капиталисты», и получаем 700 человек. Фарцовкой занималась далеко не вся obsługi, а примерно каждый третий человек (особенно поначалу), поэтому полученную цифру делим на три, и в результате у нас выходит, что на весь город Ленинград с его многомиллионным населением выходило всего **233** поставщика, имеющих возможность «бомбить» иностранцев по месту основной работы. Маловато, как мне кажется. Так же казалось и фарцовщикам, которые жаждали завязать профессиональные отношения с горничными, официантами и барменами. Выходило, как вы понимаете, далеко не у всех.

С самого начала истории фарцовки в СССР гостиничная obsługi оказалась в более выгодном положении, чем все остальные желающие разжиться вещичками у иностранцев. Особенно это касалось горничных и администраторов. Ведь очень часто случалось так, что иностранец, «растроганный» ужасными условиями, в которых живут советские девушки, не имеющие возможность носить модную одежду и пользоваться приличным парфюмом, оставлял горничной в качестве небольшого презента милый пустячок – дешевую кофточку или пузырек с духами. Особенно если горничная была симпатична и молода. Горничные постарше тоже имели свою долю, так как смазливые и молоденькие были вынуждены платить им своеобразную «дань» – за молчание. Старших (и по возрасту, и по должности) горничных в свою очередь обирали администраторы, дежурящие на этажах, ну и так далее. То есть уже существовал прототип *системы*. Поэтому, как только явление фарцовки получило в Союзе широкое распространение, на должность горничной в отеле тут же появились «тарифные ставки», то есть, чтобы получить место прислуги у иностранцев, нужно было «отстегнуть». Кому же нужно было платить? Естественно, знакомым, способным повлиять на состав обслуживающего персонала. «Со стороны» людей все равно не брали, даже если у них и была возможность заплатить за вход в систему.

Очень быстро подобные «тарифные ставки» появились и на возможность устроиться официантом, барменом и даже уборщиком. Стоимость первого взноса варьировалась в зависимости от должности или от степени близости родства (знакомства) с человеком, уже работающим в гостинице. В каждом городе, в каждой гостинице также были свои тарифные ставки для получения должности, но могу привести один пример.

Гостиница в Москве. Временной интервал – 70-е годы.

Горничная – 1000 рублей.
Старшая горничная – 1500 рублей.
Администратор по этажу – 2000 рублей.
Официант в гостиничном ресторане – 1500 рублей.
Бармен – 2000 рублей.
Портье – 1000 рублей.
Уборщица – 500 рублей.
Швейцар – 1000 рублей.

У интервьюера, любезно предоставившего мне эту «тарифную сетку», я поинтересовался, а за какой же период времени можно было отбить вложенную сумму и начать получать прибыль? И вот что он мне ответил.

Все зависело непосредственно от человека, вложившего деньги в теплое местечко. Попадались на редкость отвязанные личности, которые стремились вернуть вложенное как можно скорее. Как можно скорее – это примерно за полгода, но для того, чтобы начать получать прибыль так быстро, нужно было молотить, как комбайн на колхозном поле. Такое поведение было весьма опасно, в системе не привечали скорodelов – они могли поставить под угрозу всю «команду». Жадные до денег были все, другие в систему просто не попадали, но и об осторожности забывать тоже не рекомендовалось. Могли и по кумполу настучать особо борзым. А в среднем, если человек приходил на такую должность, он рассматривал ее как долговременное вложение капитала, если хотите. Работали на одном месте годами, и если не зарываться, то через годик-полтора уже можно было отбить вложенное и начать зарабатывать.

Разумно, ничего не скажешь. Я, правда, по наивности тут же представил себе что-то вроде сплоченного гостиничного коллектива фарцовщиков, но мой интервьюер тут же меня осадил.

Каждый был сам за себя. Если возникала необходимость «слить» кого-то из коллег, чтобы выгородить себя, никто и на секунду не задумывался. Не было никакой дружбы, боже упаси, вообще от каких-то личных отношений. Не приветствовалось категорически. А как же иначе? Если я про тебя ничего не знаю, то и проболтаться ни о чем не смогу. Так что оттрубил смену – и адью!

Попавший с помощью первого взноса в систему будущий фарцовщик тут же оказывался по рукам и по ногам связанным строгими правилами добычи товара. Самодеятельность не только не поощрялась, но и строго каралась. Каждый винтик гостиничного механизма должен был крутиться без сбоев – именно эта четкость деятельности и обеспечивала бесперебойные поставки. На практике это означало, что каждый человек из obsługi имел свою, узкую специализацию товара, а также способов обмена или покупки и ни в коем случае не отступал от заданных рамок. Специфика гостиничной фарцовки (не путать с «окологостиничной»!) состояла в том, что иностранцы, которых «бомбила» услуга, не были случайными людьми. Как правило, иностранец, с которым вступал в контакт фарцовщик, уже знал о порядках, бытующих в советских гостиницах, был предупрежден кем-то из своих знакомых, уже побывавших в Союзе ранее. Поэтому если заморский гость был не против совершить сделку с советскими фарцовщиками, он запасался товаром заранее – еще до прибытия в СССР. Кроме того, въезжая в страну, такой «турист» уже держал в голове, что именно он хочет получить от предполагаемой сделки: проститутку в номер (которых официально в природе не существовало), несколько бутылок хорошего спиртного или икру. В 80-х годах, когда

гостиничная фарца уже прилично «отвязалась», многие иностранцы и просто рассчитывали наварить на сделке денег. Так что когда такой «подкованный» в советских нравах иностранец заселялся в гостиницу, он уже неплохо представлял себе, к кому нужно обратиться, чтобы получить искомое.

Самое время перейти к рассказу, *кто и каким способом* в гостиничной службе «бомбил фирмачей», но прежде чем я это сделаю, нужно обязательно уточнить один момент. Ни один из тех людей, кто рассказывал мне о своем прошлом как фарцовщика, и в том числе те, кто занимался фарцовкой именно в гостиницах, не утверждали, что каждый советский человек, работавший в гостинице, где проживали иностранцы, занимался фарцовкой. Действительно, как можно так смело обобщать. Вот только как же быть с одним соображением, которое логично напрашивается после знакомства с процессом трудоустройства в такие «злачные места»: если человек не собирался фарцевать и вообще зарабатывать «левым» способом, то зачем бы ему платить за рабочее место такие внушительные суммы?

Горничные

Женщины, непосредственно прибиравшиеся в номерах, обычно специализировались на недорогих шмотках и парфюме. Кофточки, колготки, сумочки, юбки, брюки. Самой крупной вещью, которую они могли «принять», были костюмы. Верхняя одежда считалась «тяжелой артиллерией» и была в ведении старших горничных или даже администраторов по этажу. Что же мог получить в обмен на шмотки иностранец от горничной? С какими просьбами постояльцы обращались именно к ним? Список выйдет очень коротким: спиртное и дорогие сувениры (помните, я уже приводил один такой список ранее?). В 70-х и в начале 80-х годов горничные категорически не имели дела с валютой – система это запрещала. Спать за шмотки с иностранцами горничные также не могли, за это можно было в два счета вылететь с работы. Во-первых, для этого существовали специальные женщины, так что за «нарушение конвенции» могли и «фасад попортить», а во-вторых, коллеги по цеху (горничные) тоже за такую самодеятельность проучили бы, чтобы неповадно было свои порядки насаждать.

Вот по поводу «сдачи» вещей, то есть продажи полученного товара советским гражданам за родные «деревянные», правила разнились в зависимости от того, какой год стоял на дворе и от класса гостиницы. В 70-х годах горничные не «сдавали» товар самостоятельно, а отдавали его перекупщикам, но уже в середине 80-х многие женщины обросли собственной клиентурой и прекрасно обходились без посредников. В гостиницах же класса «люкс» и в вольных 80-х горничные продолжали сдавать шмотки другим фарцовщикам, но на это были определенные основания. Курирующие хорошие гостиницы гэбисты не приветствовали криминальных контактов своих «поднадзорных» во «внешнем» мире. Одно дело – то, что происходит внутри системы: там все на глазах, и совсем другое – когда кто-то начинает «светиться» со своей противоправной деятельностью на глазах у смежников – работников МВД. Кому нужны осложнения?

В том случае, если к горничной обращался иностранец, которому нужно было «слить» крупную или дорогую вещь, она должна была направить его к старшей горничной или к дежурному администратору, а лучше всего – взять под белы ручки и собственноручно проводить: не дай бог, сделка сорвется – объясняйся потом, что ты не «закрысячил» (не взял на себя больше положенного).

Старшие горничные в контакты с иностранцами практически не вступали, за них все делали те девушки и женщины, которые непосредственно обслуживали номера. В обязанности старшей входило «принимать» дорогие вещи, а также следить за процессом фарцовки, проходящим между горничными и иностранцами. Осуществлять, так сказать, чуткое руководство. Опять же, в тех редких случаях, когда иностранец хотел получить за товар валюту, именно старшая горничная могла препроводить его к «нужному» человеку. Кроме того, алкоголь как раз хранился у старших горничных, ведь бутылки со спиртным

всегда должны были находиться под рукой.

Администратор (дежурная по этажу)

Эта должность называлась по-разному, в зависимости от класса гостиницы, отсюда и двойной подзаголовок. В своем повествовании я буду называть этих женщин дежурными по этажу. Дежурными были почему-то только женщины, в обязанности которых (если брать официальную часть) входило дежурство на гостиничном этаже. Дежурили в первую очередь для того, чтобы надзирать за соблюдением гостиничных правил, написанных для советских людей. Правила были простые, но, мягко говоря, строгие. Как на режимном предприятии. Возвращение в гостиничный номер не позже полуночи, категорический запрет на пребывание в номере посторонних лиц после 23.00, а уж о ночевке посторонних лиц даже и заикаться не приходилось. Кроме того, в ведении дежурных по этажу находились дубликаты ключей от номеров, которые она выдавала горничным для уборки помещений как во время пребывания гостей в номерах, так и после их отбытия. Помимо этих регламентированных обязанностей в компетенцию дежурной по этажу входило разрешение мелких недоразумений и конфликтов, с одной стороны, а с другой стороны – оказание всяческой помощи гостям, если таковая понадобится. Переводя на современные понятия, дежурная по этажу представляла собой нечто среднее между девушкой на «ресепшн» и охранником.

На этом официальную часть можно считать законченной. Что же до неофициальной части, то непосредственно фарцовкой дежурная по этажу занималась мало и редко. Как я уже говорил, она в основном вступала в дело, если «фирмач» был готов сдать (или обменять) крупную партию товара, а это означало объем максимум в два чемодана или несколько действительно дорогих вещей (Карден, Диор или что-то подобное) либо верхнюю одежду – дубленки, кожаные вещи или очень модные одно время вельветовые костюмы. Но такие партии были редки, и поэтому в отношении неофициальной *системной* деятельности дежурная по этажу занималась проститутками, а в 80-х годах эти женщины стали промышлять и валютой, что называется, в особо крупных размерах. И тогда к функциям девушки на «ресепшн» и охранника добавились еще и функции кассирши в пункте обмена валюты. Проститутки могли появляться на этаже только с разрешения дежурной, платили часть mzды непосредственно ей в руки, и именно к дежурной обращались горничные, если иностранный постоялец просил привести к нему «девочку по вызову». Изначально, пока в гостиничную систему не ворвался бардак конца 80-х, проститутки сдавали валюту именно дежурным.

Несмотря на то что фильм «Интердевочка», потрясший советское общество в начале перестроечных годов, нарисовал вполне красочный образ проститутки, работавшей исключительно с иностранцами, рискну дополнить этот портрет. Но только за счет некоторых личностных характеристик валютных проститутки. Валютные проститутки появились изначально, очевидно, с подачи КГБ. Комитетчикам было выгодно подкладывать под иностранцев женщин, естественно, заранее проинструктированных и получивших напутствие держать ушки на макушке в самые «ответственные» моменты общения. Поощрялось клиента напоить, дабы развязать ему язык. Так что на валютных проститутки гэбисты не держали зла, понимая, что уж с ними-то мужикам иначе как валютой не расплатиться. Но! Только «до первого столба» – она же дежурная по этажу, – дальше валюту в любом случае надо было моментально сдавать, желательно на территории гостиницы. Иначе могли последовать репрессии. Валютные проститутки 70-х – это замкнутая каста женщин, о прошлом которых никто ничего как следует не знал. Они появлялись в гостинице, не платили за место никому из *системы*, между ними никогда не происходило никаких разборок и вообще в большинстве своем эти ночные бабочки скорее походили на хорошо вышколенных гейш, готовых выполнить любое желание клиента, но при этом обязанных помнить, что их дело десятое: когда понадобится – тогда из шкафа, как кукол, и вынут. Это

были очень красивые, холеные женщины, не общавшиеся ни с кем из obsługi и вообще не имевшие никаких контактов в гостинице, кроме как с дежурной по этажу, и то только когда вызовут. Случалось, хотя редко, что одна из проституток появлялась «на работе» в нетрезвом виде. Это могло повториться раз, редко два, а потом «дива» просто исчезала в небытие, из которого очевидно, и явилась.

Многие, очень многие из гостиничной obsługi, как мужчины, так и женщины, хвастались, что им известна биография или история несчастной любви, которая и довела такую красавицу до панели. Но по большей части это была ложь. На самом деле про этих девушек никто ничего не знал наверняка. Достоверной информации не было. Кроме одного непреложного факта – фарцовкой валютные проститутки не занимались. То есть не занимались совершенно. В качестве презента, помимо основной платы за «сеанс», они могли принять флакон хороших духов или галантерейный пустячок. Но чаще всего даже такие презенты тут же передаривались горничным или дежурной. Мадам предпочитали выбирать «прикид» и парфюм по собственному вкусу. Горничные злились на «бабочек» – от зависти, как легко догадаться, но подарки брали – не пропадать же добру.

Вот, к слову, «работала» в середине 70-х годов в ленинградской гостинице «Европейская» одна дама. Как ее звали на самом деле, никто из гостиничного персонала так и не узнал, поскольку откликалась она исключительно на прозвище – Стрекоза. Уже одним внешним видом Стрекоза действительно напоминала свой прототип. Узкое длинное тело венчала белокурая головка с холодным и надменным лицом, на котором выделялись огромные сине-серые глаза. Манеры у Стрекозы были буквально королевские, в тонкостях этикета она разбиралась так, как если бы выросла в Букингемском дворце. Кроме всего прочего, она в совершенстве говорила на шести языках (так утверждают очевидцы, это не моя фантазия, клянусь!) и не отказывала себе ни в одной прихоти, которую можно только было выполнить за деньги. К ее чести надо признать, что прихоти не заключались только в покупке шубки из песка. Нет, тут фантазии были посложнее: к примеру, купленная в .... э-э-э крупном ленинградском музее табакерка из перламутра и серебра, которой владела Екатерина II. В табакерке Стрекоза (по слухам) держала кокаин. Но о содержимом исторической ценности персонал «Европейской» мог только догадываться. О происхождении той же табакерки она обмолвилась, когда потрясенная горничная заметила на крышке вензель и робко поинтересовалась, что он означает. За два года работы Стрекоза не сказала ни с кем из них более двух слов. Служащие гостиницы Стрекозу за такие замашки ненавидели и за глаза иначе чем «гэбешной сукой» не называли. Зато при встрече льстиво улыбались и мели подолами, приседая в реверансах. В тех случаях, когда Стрекоза «работала с клиентом», она сдавала валюту в том же объеме, что и все остальные проститутки. Но почему-то персонал был уверен, что это была едва ли пятая часть... Всего Стрекоза появлялась в «Европейской» на протяжении двух лет (или около того), после чего без всяких объяснений в очередной раз просто не пришла на «работу». Кто была эта женщина? В чем состояли подлинные цели ее пребывания в роли валютной проститутки? Разве узнаешь теперь?

И только к середине 80-х годов в интуристовских гостиницах стал появляться тот тип интердевочки, который увидели зрители в одноименном фильме. Вот эти дамы уже и фарцовкой промышляли, и на валютном курсе пытались зарабатывать (хотя получалось редко), и шмотки у интуристов в качестве платы за «любовь» брали. Получается, что эти «леди» были не просто классом ниже своих предшественниц, но и напоминали их разве что способом зарабатывать себе на жизнь.

Я заметил, что несколько отвлекся от основной темы своего повествования, но вы уж извините меня: какой мужчина удержится от того, чтобы написать несколько теплых слов о красивых женщинах? Итак, продолжим.

Официанты. Бармены

Две эти группы просто необходимо поместить рядом. Официанты без барменов в интуристовских гостиницах – это все равно, что селедка без лука. Пресно и не соответствует правде жизни. Мне кажется, что перечислять официальные обязанности официантов и барменов не имеет ни малейшего смысла, и не только потому, что они и так понятны. Просто в советское время представители этих двух профессий занимались своими непосредственными обязанностями лишь изредка. Да и то если речь шла об иностранных посетителях ресторана. Официанты фарцевали, что называется, «и в хвост и в гриву». Что вообще-то само по себе странно. Хороших ресторанов даже в больших городах было очень мало, и большинство из них находилось как раз при интуристовских гостиницах, поэтому даже на одних чаевых можно было заработать неплохие деньги. Раз в десять больше, чем получал рядовой инженер, между прочим. Спрашивается, зачем нужно было так надрываться? А вот поди ж ты. Жажда наживы...

Узкой специализацией официантов в нелегком деле фарцовки считался обмен шмоток на икру и спиртное. Причем речь шла не об одной-двух единицах предмета обмена: бутылках или банках, к официантам обращались те иностранцы, которые хотели много «наварить» на контрабандных товарах. Так что счет шел чуть ли не на ящики и того и другого продукта. Официанты-фарцовщики иногда принимали в обмен на спиртное и икру валюту. Но делали это очень редко и обычно лишь как часть оплаты. Зато с удовольствием принимали в качестве платы дорогие вещи или обувь. Но не брезговали официанты и обменивать более мелкие партии товара – на более дешевые вещи, естественно. Частенько случалось так, что у гуляющего в ресторане иностранца банально заканчивались наличные деньги (пластиковых карточек тогда еще в помине не было), а выпить и закусить еще хотелось. Запал еще остался. Так почему бы не помочь дорогому гостю по линии интернационала? Валюту ведь ночью тоже в Союзе негде было обменять. Так что чего изволите: можете вещичками расплатиться, а можете и валюту сдать. По ночному курсу, разумеется, – более выгодному, официально-то валюта в СССР оценивалась гораздо ниже, чем на черном рынке. Где? А вот я вас сейчас провожу, пойдете. И – к бармену. У него в ресторане тоже была узкая специализация – прием и обмен валюты.

Бармены вообще были личностями темными. Что, впрочем, неудивительно. Ведь валютные операции – это уже криминал, более того, совсем другого калибра, чем «невинная» фарцовка. Поэтому бармены в гостиничных ресторанах, как правило, были напрямую связаны не просто с уголовниками, а с самыми что ни на есть «серьезными» людьми в преступном мире. Как следствие, в глазах мельтешащих официантов бармены были окружены таинственным и грозным ореолом. Другой вопрос, что по факту бармены были простыми приемщиками валюты, у них обычно даже не скапливалось на руках крупных сумм, так как все полученные незаконным путем марки, франки, доллары и фунты они тут же отдавали «по цепочке» дальше, для чего в подсобку то и дело проникали еще более темные личности.

Однако валюта – валютой, а фарцевали и бармены. Правда, специализироваться они старались на каком-нибудь «понтовом» товаре – самых модных шмотках, пластинках и других нестандартных предметах роскоши. Что поделаешь, требовалось поддерживать престиж. Несмотря на то что бармены ходили под самой «крутой» статьей – за валютные махинации в СССР можно было получить даже «вышку», уголовных дел по валютным статьям, в которых фигурировали бы бармены, было мало, хотя признаюсь честно – точной статистики у меня нет, основываюсь я исключительно на информации, предоставленной мне людьми «из системы», с которыми я беседовал в процессе сбора материала для этой книги. Но думается мне, что информация верна – ведь сарафанное радио среди фарцовщиков работало качественнее, чем реальные радиоволны. Для получения такого рода сведений (кто и на чем «погорел») не были преградой даже тысячекилометровые расстояния между городами.

И официанты и бармены старались сами товар не реализовывать. Это было бы уже слишком даже для неумеренно алчных натур. Все выменянные или купленные у иностранцев товары оптом забирали у них перекупщики, причем рассчитывались сразу, ни о каких процентах с выручки речи идти не могло. Такой расклад логичен, ведь в обстановке всеобщего недоверия, которая царила в *системе*, верить кому-то на слово, что товар был отдан именно по такой-то цене, было просто неприемлемо.

Швейцары. Портье

И опять я соединил «два в одном». Обе эти должности недалеко отстояли друг от друга в том, что касается способов получить прибавку к зарплате. У швейцаров и портье было много общего в особенностях осуществления своих официальных обязанностей. И тот и другой постоянно находились на виду у огромного количества людей. А работа «на лобном месте» отнюдь не способствует «темным делишкам». Но это совершенно не означает, что у них не было возможности получать «левые» деньги. Не случайно и на эти должности существовали расценки в теневого «тарифном плане».

Швейцары в основном жили с чаевых. Не только с тех чаевых, что принято раздавать представителям их профессии во всем мире. Официально им вообще запрещалось брать чаевые, тем более у иностранцев. Но мало ли что в Союзе официально было запрещено. За руку-то никто не хватал. У иностранцев, правда, в 70-е годы действительно старались чаевых не брать. Особенно в хороших гостиницах и у «капиталистов». Комитетчики за такие дела могли намылить шею – опасались «провокаций». Не дай бог, западные газеты напишут, что советский швейцар берет чаевые точно так же, как и его коллеги в других странах мира! Ведь советский человек по определению должен был жить на одну зарплату (якобы очень большую) и быть при этом обеспеченным человеком. Бред, конечно, но ведь так все и было в те времена.

Это уже в 80-х годах стали и у иностранцев брать, и валюту обменивать потихоньку, в смысле – небольшие суммы. А поначалу пробавлялись за счет своих соотечественников. В число этих соотечественников входили разные люди.

1. Посторонние граждане (не постояльцы гостиницы), которые возжелали откусать в хорошем ресторане при гостинице. Такса за «проход» была разной от 3 до 10 рублей. Это если в ресторане были свободные места. Резервирование столика или проникновение в ресторан в обход очереди могло стоить и 25 рублей, которые составляли чуть ли не треть всей суммы, потраченной на еду. А очереди в хорошие рестораны в советские времена стояли всегда. Часа два можно было простоять.

2. Валютные проститутки . «Интердевочки» всегда платили швейцару за вход, несмотря на то что каждую из них знали в лицо и посещение ими гостиниц и ресторанов было «санкционировано» непосредственным начальством того же швейцара. Но правила есть правила и проститутки покорно платили. Проход в гостиницу для них стоил обычно «червонец» – 10 рублей.

3. Фарцовщики . Но не те «попрошайки», что околачивались около гостиниц, поджидая иностранцев, а «сбытчики», то есть те люди, которые забирали товар у всех вышеперечисленных категорий гостиничных фарцовщиков – горничных, официантов, администраторов и т. д. Фарцовщики редко приходили в гостиницы (зачем лишний раз «светиться»), но все же случалось. Возникали ситуации, при которых срочно нужно было забрать крупную партию товара, да и мало ли срочных дел может возникнуть по ходу совместного бизнеса. Для фарцы такса на проникновение в гостиницу была самой высокой, иногда до 50 рублей, особенно если обратно нужно было выйти с большой сумкой.

Вот из этих поборов и состоял в основном «левый» приработок швейцара. Хотя справедливее было бы его назвать «правым» и единственным, так как официальная заработная плата швейцара в советское время была что-то около 50 рублей. В месяц. Что до

темы нашего повествования, то в смысле участия в процессе фарцовки швейцары иногда становились сбытчиками товара, но случалось это довольно редко, потому что брать товар приходилось «у своих», то есть тех людей, что крутились в системе, а тут самое время вспомнить о некоторых «цеховых правилах», не предписывавших дополнительные контакты между членами системы. «Меньше знаешь – язык откусывать не придется», примерно так.

Что же до портье, то эта должность вообще считалась в системе «собачьей». Еще бы! Приходилось весь день крутиться как белка в колесе, выполняя свои официальные обязанности, ведь портье в советских гостиницах обычно был всего один, без помощников. Теперь, в нашей с вами современности, все обязанности, которые выпадали на долю этого человека, распределены как минимум между двумя девушками на «ресепшн», а в хороших гостиницах (или тех, которые так себя подают) – и тремя менеджерами. И мало этого, ведь портье целый день не только находился на виду, как и швейцар, – в холле интуристовских гостиниц, как правило, дежурил милиционер в штатском, а где-нибудь скромно, за колонной пристраивался еще и гэбист. Вот и посудите сами: просто ли в таких условиях получить нетрудовую копеечку! Однако выворачивались, находили лазейки. Одной из таких лазеек было негласное руководство «пропускной деятельностью» швейцара. С него получалась дань, ведь без согласия портье в гостиницу или ресторан проникнуть было невозможно. Дальше – таксисты. В прямые обязанности портье входило вызывать такси для постояльцев, а таксисты «фирмачей» уважали. Мало того что те платили хорошо, так еще и частенько заказывали «экскурсию по городу». Последнее касалось в основном иностранцев, прибывших в СССР по делам, а не с тургруппой – таких было хоть и не много, но и не так мало, как может показаться. Вот и платили таксисты портье, за то чтобы тот попросил к подъезду машину с определенным номером. Неофициальное резервирование столика в ресторане для советского «очень уважаемого» гражданина тоже частенько осуществляли именно портье, за что получали от швейцара, пропустившего этого гражданина, дополнительную мзду. Что можно сказать по поводу фарцовки в отношении должности портье? Не много. Иногда, так же как и швейцары, занимались сбытом, но тоже не целенаправленно, а от случая к случаю. Бывало (это уже в 80-х годах) обменом валюты пробавлялись, но опять же не по-крупному.

Между прочим, если уж говорить о сбыте товара, который «набомбил» в гостинице персонал, то в той или иной степени им занимался весь персонал интуристовской гостиницы. У каждого из перечисленных «персонажей» можно было прикупить фирменных вещишек, сигарет или разжиться парфюмом и обувью. Знакомые, знакомые знакомых и так далее – слух о том, что есть «свой» человек, который может предложить на продажу импортные вещи, распространялся среди советских граждан со скоростью лесного пожара. Повторяю, не так и много было (даже в больших городах) людей, имевших непосредственный доступ к каналу получения «фирмы». Для городов-миллионников, в которых обычно и вели свои дела фарцовщики, количество «поставщиков» было равносильно капле в море. Заметьте, вещи перепродавались с тройным и более «наваром». Так что посудите сами – кто бы мог устоять и не «наварить» на какой-нибудь легкомысленной кофточке рублей сто? Кроме идеологически закаленных коммунистов никто не мог устоять. Вот и персонал интуристовских гостиниц «в едином порыве» продавал вещи, получая от этого огромную прибыль. Различия состояли лишь в количестве сил и времени, затраченных на процесс продажи. Но и тут, впрочем, все было индивидуально. Сколько людей – столько и особенностей характера. А со слов тех, кто предоставил мне информацию о фарцовке на территориях гостиниц, можно сделать вывод, что жадные в этом бизнесе надолго не задерживались. До тех пор пока человек выполнял функции, с которыми его знакомили при поступлении на работу, не «зарывался» и не заходил за (цитирую) *«разумные рамки превышения закона»*, он мог не особенно беспокоиться, что в один далеко не прекрасный день окажется на нарах за свою противоправную деятельность. А почему? Да потому, что в *системе* все было «схвачено» и правоохранительные органы на территорию гостиниц даже не совались, поскольку им давным-давно объяснили, что лезть со своим «уголовным

уставом» в чужой монастырь – означает нажать на свои погоны исключительно неприятности. А кто объяснил? А вот об этом уже в следующей главе.

Штатные стукачи

С самого начала существования Советской республики, а впоследствии мощной супердержавы СССР, иностранцы, пребывающие на территории страны, относились к епархии КГБ. Именно это ведомство поставило себе целью и задачей быть в курсе каждого помысла и каждого движения иностранных гостей. В советские времена среди иностранных туристов ходили о Комитете безопасности настоящие легенды – будто бы за каждым шагом иностранца в Союзе следят специальные агенты. Чушь, конечно. Никто за иностранцами из КГБ как привязанный не ходил и никто не подсовывал им в сумочки и чемоданы подслушивающие устройства.

Но отсутствие за спиной каждого иностранного туриста агента КГБ совсем не означало, что в этом ведомстве действительно не располагали информацией о поведении иностранных граждан в СССР. Только вот отнюдь не за счет собственно ведомства. Помните, как у русского классика: «А зачем географию учить, если кучер есть?». И правда, зачем напрягаться, если за тебя твою работу могут сделать другие люди? Нет ни одной причины, чтобы тратить деньги, время и силы на обеспечение слаженной работы, если ее можно переложить на чужие плечи. Задаром, между прочим, переложить. А как можно заставить человека бесплатно работать и при этом добросовестно выполнять возложенные на него обязанности? По коммунистической теории – стимулом могла стать совесть, а по коммунистической же практике – лучше всего действовал страх. Отсюда мораль – лучший агент это не тот, кто работает за деньги, а тот, кто спасает собственную шкуру.

Представьте интуристовскую гостиницу, в которой ежедневно живут, заселяются и выписываются несколько сотен туристов и деловых людей, как из капиталистических стран, так и из социалистических. Человек, приехавший из капстраны, по определению может оказаться врагом и шпионом, и нужно обязательно убедиться, что это не так, а что до приезжающих из соцлагеря, то его проверяли до поездки в похожем ведомстве, но все же неизвестно, насколько качественно. Народная же мудрость гласит: «Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам». Так что приходилось перепроверять. В такие проверки нужно вложить средства, время, да и сделать все деликатно – соблюсти политес и сохранить имидж «свободной страны». Теоретически можно, конечно, весь персонал гостиницы посадить на оклад в КГБ, но этим делу не поможешь, как мы уже разобрались.

Уж и не знаю, как решали подобные задачи в Комитете Госбезопасности до наступления в СССР времени фарцовщиков и валютчиков. Зато с их внедрением в советскую действительность жизнь комитетчиков значительно упростилась. Мне даже кажется, что если бы жизнь не вытолкнула на поверхность «соцреализма» фарцовщиков, валютчиков и «интердевочек», гэбистам стоило бы самостоятельно изобрести что-либо в этом роде. Как только в гостиничном бизнесе появились «первые криминальные ласточки», занявшиеся фарцовкой и первой (еще робкой) проституцией, их тут же поймали за жадное до красивой жизни ушко и повесили на солнышке Уголовного кодекса – смотри, да не шурься. Статья – загремишь по полной программе. А мы еще добавим сомнительные сношения с иностранцами на идеологической почве. Вовек не отмоешься. А если не хочешь сидеть – давай, «стучи», да погромче. Кто? С кем? Когда? О чем говорили? Куда ходили? Ну и так далее. Можно подумать, у людей был выбор. Иностранец – совершенно посторонний человек, разве можно с ценой собственной шкуры сравнивать?

При этом пойманному на месте преступления человеку говорили (когда ласково, а когда и не очень): «Мы же не звери, мы понимаем – оступился, с кем не бывает, но если ты раскаиваешься, то на первый раз можно и простить. Мы не уголовка, нам за державу обиднее, чем за барахло». Даже самым тупым не приходилось объяснять тонкость хода, которая заключалась в том, что человека, обязавшегося регулярно «стучать» на постояльцев,

отпускали как бы «на свободу с чистой совестью». Но в дальнейшем наличие этой самой чистой совести было никому не выгодно – ни отпущенному, ни пойманному. В описанной схеме как раз подразумевались дальнейшие правонарушения, которые позволяли бы работнику гостиницы иметь дополнительную прибыль, а КГБ иметь дополнительные «уши и глаза» в месте, где обретаются потенциальные шпионы. И чем больше было таких правонарушителей, тем лучше, – сеть, стало быть, раскидывается все шире. При таком раскладе все были довольны – зачем же позволять вмешиваться каким-то другим ведомством, тому же МВД.

Схему взаимовыгодных отношений комитетчикам пришлось повторять только несколько раз. После чего новоприбывшим сотрудникам гостиниц ее приходилось лишь «озвучивать», да и то однажды. К моменту первой «поймки» горничная, занимавшаяся фарцовкой, валютная проститутка или бармен, промышленяющий валютой, уже прекрасно знали, что им предстоит услышать. Так что беседы по большей части проходили в теплой, дружеской обстановке. Но такая непринужденность совсем не означала, что страха уже не было. Просто страх же не всегда принимает форму ночных кошмаров, иногда он выглядит как весьма приятная и обходительная личина.

Однако всесильное ведомство хоть и славилось по всей стране и далеко за ее пределами великолепной подготовкой кадров, все же даже чекистам ничто человеческое было не чуждо. И их можно понять! Мимо проносились в комфортных машинах и пенилась в бокалах с шампанским «красивая жизнь», а они оставались всего лишь вечными наблюдателями. Тут у кого хочешь нервы сдадут, даже у чекистов. Следующая мысль, пришедшая в некоторые «холодные головы», заставила кое-кого алчно потерять «чистые руки». Тем более что мысль была незатейливая, как пряник. Всего-то и нужно, что чуточку «подтянуть» поводок. Установить, допустим, некоторый лимит на противоправную деятельность, уже негласно санкционированную. Притормаживать, чаще «таскать на беседы», то и дело устраивать внеплановые проверки. Чего? Да чего-нибудь. Короче говоря, страшать серьезнее. А когда начнутся обиды и недоумения – разъяснить, что помимо долга перед Родиной есть еще и такое чисто человеческое понятие, как благодарность. И вообще, бог велел делиться. Вот и пришла пора благодарить и делиться.

Дальше, я думаю, даже не нужно что-то дополнительно объяснять. И благодарили, и делились. Самое смешное в этой истории с моей точки зрения – то, что всесильное ведомство, создавшее такую выгодную для государства бесплатную агентурную сеть, практически в ней не нуждалось. Я не противоречу сам себе, сейчас вы все поймете. Ныне стало очень модно поносить КГБ разными нехорошими словами. Но даже в этом слаженном хоре вы вряд ли услышите обвинения в непрофессионализме. Чего не было, того не было – никогда. С самого момента основания этого ведомства в нем работали действительно умные люди, аналитики и, не побоюсь этого слова, «сливки правоохранительных талантов» Советского Союза. И хотя «в семье не без урода», но сама чекистская семья была как на подбор – молодец к молодцу. Подозреваю, что с советских времен мало что изменилось в этом смысле. Квалификация сотрудников КГБ поголовно была настолько высока, что если в системе действительно случались какие-то неполадки, сбои или в государственной машине вдруг разлаживалась работа самого маленького винтика, сотрудники этого ведомства были первыми, кто узнавал об этом. Так что если в страну въезжал действительно неблагонадежный иностранный гражданин, о его сомнительности становилось известно чуть ли не в тот же момент, как он приобретал в кассе своей страны билет.

Что же до советских граждан, которые могли вступить в контакт с иностранцем с подмоченной еще до въезда репутацией, то их-то уж тем более знали не только в лицо, но и в профиль, – короче, их анатомия была известна вплоть до интимных подробностей. Так что о любой запланированной встрече неблагонадежного советского гражданина с сомнительным иностранцем было известно еще до того, как происходила сама встреча, причем для получения такой информации достаточно было всего-навсего одного специально обученного агента, посаженного в той же гостинице на день или на два. И совсем не нужен был целый

штат внештатных агентов, простите за неудачный каламбур.

Но кто я такой, чтобы судить о целесообразности поведения сотрудников, служащих в ведомстве, о высочайшей квалификации которого только что сам же и распинался? Не стану я больше распространяться на эту тему, а расскажу историю про редкий, даже можно сказать эксклюзивный, сплав оперативной работы КГБ, фарцовки и шпионажа. Сразу признаюсь, я не могу точно сказать, правдива эта история или нет, но слухи о ней начали упорно циркулировать в среде фарцовщиков по всей стране приблизительно в то время, когда она произошла, а было это в Иркутске. Собственно говоря, а почему бы и нет?

Точная дата события мне неизвестна, но произошла эта история где-то в начале 80-х годов. То есть в самый разгар не только «холодной войны», но и деятельности фарцовщиков, когда к этому многочисленному племени примкнули многие случайные люди. Одним из таких «непрофессионалов» был и герой этой истории. В памяти «посвященных» осталась только его фамилия, даже без имени. Фамилия самая рядовая и оттого думается, что подлинная, – Смирнов.

Означенный Смирнов промышлял тем, что «бомбил» иностранцев возле гостиниц, то есть относился к самой низшей категории фарцовщиков. В один день (тогда Смирнову он, наверное, показался прекрасным) фарцовщику подвезло и он заполучил постоянного поставщика. Да не просто какого-то туриста, а солидного «дойча» (западного немца). Немец представился фарцовщику корреспондентом газеты «Даген Нюхютер» и сообщил, что часто будет навещать в Союз по своим журналистским делам. И каждый раз будет привозить фарцовщику шмотки. Что уж «дойч» там наплел Смирнову и как объяснил внезапно вспыхнувшие дружеские чувства именно к этому фарцовщику, история умалчивает. Но, похоже, фарцовщик вообще не отличался особым умом и сообразительностью, что следует из дальнейших событий.

Корреспондент не обманул и действительно регулярно появлялся возле гостиницы, где «бомбил» Смирнов, отдавая ему небольшие партии вещей. В качестве ответной услуги он иногда просил фарцовщика передать джинсы или пиджак своим знакомым, отговариваясь нехваткой времени. Ему-де трудно выкроить минутку и съездить самому – очень плотный график поездки. Доверчивый и благодарный за хорошо налаженный канал Смирнов с удовольствием выполнял необременительные поручения. А зря. Потому что через некоторое время весьма непродолжительное время (вот он, профессионализм-то!) его повязали. Да не сотрудники уголовного розыска, а гораздо более серьезные товарищи.

Выяснилось, что Смирнов как раз и был тем, за кого себя выдавал, – простым советским фарцовщиком, а вот «корреспондент» немецкой газеты оказался сотрудником ЦРУ. В контакты с фарцовщиком он вступал, чтобы передавать шпионские материалы своему резиденту. Задания, указания или инструкции, что там обычно шпионы передают резидентам, не суть важно, мы же не специалисты. Важно то, что использовал он Смирнова, что называется «втемную», не посвящая фарцовщика ни в какие нюансы начинки «презентов». Заработал парень на вещичках, нечего сказать!

P.S. О дальнейшей судьбе незадачливого шпиона-фарцовщика широкой общественности было ничего неизвестно.

Еще бы, удивительно, как и эти-то скудные сведения просочились в массы. Хотя я, кажется, догадываюсь. Вполне возможно, что кто-то из непосредственных участников истории со стороны государственных органов безопасности «по секрету» проболтался. И совершил такую «оплошность» сотрудник вовсе не по причине неумения держать язык за зубами, а по прямому указанию начальства. Соображения же у начальства могли быть примерно следующие: «Фарцовщики, особенно не расслабляйтесь. Не дремлет не только враг, но и стоящие на страже интересов Родины ведомства». И очень даже доходчиво получилось. По крайней мере еще около года вся фарца Советского Союза дружно проверяла

содержимое не только карманов в купленных и обмененных у иностранцев вещичках, но и прошупывала подкладки у шмоток. На всякий случай. Потом, правда, история несколько позабылась, но урок, похоже, был усвоен. Вступать в дополнительные контакты с иностранцами, кроме как продал – купил, охотников особенно не находилось.

На некоторое время я отвлекусь от темы отношений фарцовщиков и последователей Ф. Э. Дзержинского. А сейчас мы отправимся в дальние странствия вслед за моряками торгового флота, проводниками международных вагонов и дальнбойщиками. Познакомьтесь с еще одной категорией фарцовщиков в СССР. Рекомендую, очень интересные люди.

Торгонавты – Моряки-фарцовщики

Ни в коем случае не хочу обидеть представителей других профессий, связанных с путешествиями в дальние страны: летчиков гражданской авиации и стюардесс. Признаю сразу, эти люди тоже фарцевали, и очень успешно. Но, к сожалению, интересного рассказа о том, как это происходило, не получится, как ни старайся. Летчики и стюардессы затаривались в основном в магазинах «дьюти фри», расположенных прямо в аэропортах, и из каждого рейса привозили примерно чемодан всякой всячины. Сигареты, импортное спиртное и вещички. Провозили барахлишко безо всяких проблем и сдавали его в основном по знакомым.

Другое дело – моряки дальнего плавания. Тут было где развернуться деятельной натуре, к тому же не обделенной фантазией. Фарцовка была для моряков торгового флота второй основной профессией. Хотя что это я говорю? Первой и главной. Собственно, ради возможности фарцевать и подавались люди в дальние плавания на многие месяцы. Не ради жалованья, в самом деле, которое, к слову сказать, несколько не соответствовало месяцам, проведенным в море в очень плохих бытовых условиях. Условия действительно были «не ахти»: тесные кубрики, замкнутое пространство, однообразная пища и почти постоянная качка вкупе с низкочастотной вибрацией двигателей корабля, которая хоть и не ощущалась физически, тем не менее производила свое разрушительное действие на организм. Недаром многие моряки сходили на берег рано (в тридцать с небольшим лет) и с целым «букетом» серьезных заболеваний в хронической форме. О таких последствиях длительного пребывания на кораблях знали все будущие «торгонавты», но считалось при этом, что

«овчинка выделки стоит», ибо на твердую землю моряки сходили очень обеспеченными людьми.

Так каким же образом происходил процесс фарцовки? На чем зарабатывались основные деньги? Какие товары считались подходящими для продажи или обмена? И наконец, какие суммы я подразумеваю под словами «очень обеспеченные люди»? На все эти вопросы у меня припасены максимально конкретные ответы.

Контрабанда или просто бизнес?

О том, что моряки торгового флота СССР фарцуют поголовно, без малейших исключений, знали все: простые советские граждане, правоохранительные органы, КГБ, а также жители портовых городов по всему миру. При этом никаких санкций ни к одному «торгонавту» за все время существования фарцовки на советском флоте применено не было. По крайней мере, уголовных. Административные – да, были. В порядке наказания «за излишнюю жадность», как трактовались обычно такие санкции коллегами пострадавших. Как же могло такое произойти? Почему бурной и поставленной на вполне профессиональную стезю фарцовкой советских моряков всерьез не заинтересовались правоохранительные органы?

Да потому, что в море свои законы. Это всем известно, даже сухопутным крысам. Соваться во внутренние дела моряков было «не принято». Формулировка расплывчатая, но полностью соответствующая жизненным реалиям того времени. Начать с того, что на корабле был собственный закон, воплощал который капитан корабля. В подтверждение чему капитан был наделен особыми полномочиями, дававшими ему возможность карать и миловать даже в юридическом смысле. Капитан имел право констатировать смерть. Если кто-то не понимает, что означало обладание таким правом в советское время, то придется дополнительно объяснить. Единолично в СССР никто такого права больше не имел – только целая организация, в которой работали тысячи людей, – МВД. По факту этим правом капитаны пользовались лишь в экстренных ситуациях, когда действительно происходили несчастные случаи с летальным исходом или кто-то из экипажа прискорбно скончался вследствие болезни. НО! Теоретически любой член экипажа мог утонуть, и НИКТО не смог бы доказать потом, что утонул несчастный не по своей воле. Не верите – ищите тело в «море-океане», доказывайте обратное. Так что даже достославные чекисты (на каждом корабле в обязательном порядке был один из них) и несколько «добровольных помощников» особенно старались не выпендриваться. Если и сотворил член команды что-то по линии измены Родине – это святое дело донести до начальства, а что до всего остального, то лучше вообще-то помалкивать в тряпочку. А ОБХСС и МВД вовсе получались «не при делах», ведь и море, и «заграница» к их юрисдикции не относились. А то, что моряк после рейса вещи импортные продает, так это все куплено вполне законным путем на деньги, нажитые непосильным трудом. И опять же – пойдите и докажите обратное. Как видите, схема проста, но эффективна.

Теперь по поводу административных санкций. Их боялись как огня, хотя самой страшной карой за проступок «всего-навсего» было списание на берег или лишение паспорта моряка, дававшего возможность ходить в «загранку». Что означало конец привычной жизни и зря потраченные лучшие годы и здоровье. Или спивайся дальше на берегу, или поступай на какую-нибудь «галошу», самый длинный рейс которой не длиннее недели, и то вдоль берегов любимой Родины.

Добиться применения такого наказания было очень просто. Всего-то и нужно было: вовремя «стукнуть» таможенникам о том, что моряк вывозит из страны на судне водку или икру в недозволенных количествах. А поскольку именно эти предметы и составляли в основном контрабандный товар, на котором впоследствии делался «навар» в чужой стране, то везли и то и другое в каждом рейсе. Каждый член экипажа. Поэтому отношения в команде были не то чтобы очень дружеские. Скорее натянутые. Тут и психологический фактор имел

место: сколько времени приходилось проводить с одними и теми же людьми – поневоле начнешь тихо ненавидеть примелькавшиеся до тошноты лица. Но главное, часто на судах торгового флота царила атмосфера всеобщего подозрения и недоверия по другой причине. Сорвешься ненароком, пошлешь кого-то «по матери», а человек обиду затаит и в следующий раз «сдаст» тебя за милую душу. Поэтому *приспосабливались* как-то друг к другу, но не более. Это уже по приходе из рейса отводили моряки душу в теплых компаниях сухопутных друзей, веселя их рассказами о дальних рейсах, необычных странах и потчuya уморительными историями о полной юморе и взаимовыручке корабельной жизни.

А «наводки» на контрабанду очень ценились. Особенно таможенной службой СССР, которая прекрасно была осведомлена, что на огромном корабле, где полно закутков, найти контрабандный товар во время короткого досмотра можно только случайно. Поэтому в стандартном режиме даже и не особенно искали. На корабль обычно поднималась малочисленная команда таможенников, которые со скучающим видом заглядывали в три-четыре «укромных» уголка на корабле и даже не пытались досматривать личные вещи моряков. Тем более что последнее действие было уж совсем бессмысленным. В кубриках никто ничего не прятал. Причин тому было три. Первая: мог «стукнуть» сосед по кубрику. Вторая: если даже таможня случайно находила спрятанную на корабле контрабанду, определить ее владельца было невозможно, поэтому ограничивались строгим внушением всей команде и отбирали премиальные за весь рейс. Свои потом могли, конечно, «накостылять», но так все же лучше, чем навсегда сойти на берег. Третья причина: то, что вывозили из Союза, при всем желании спрятать в кубрике было просто невозможно. Почему? Для ответа на этот вопрос переходим к ответу на уже заданный ранее вопрос: «Что везли?». Тут иначе как списком перечислить нельзя.

1. Водку . Особенно ценился этот продукт в скандинавских странах с их «полусухим законом», который хоть и разрешает продавать спиртное в магазинах, но по таким ценам, что купить его может только состоятельный человек. Вывозили водку ящиками. Минимум – два, максимум – как осторожность позволит, на корабле можно и десять спрятать. Только вот таких «борзых», пытавшихся протаскать крупные партии, как раз и «сдавали».

2. Икру в банках. Разумеется, черную, и, разумеется, только осетровых рыб, не ниже. Количество банок тоже шло на десятки. Коробка-две примерно. Этот продукт уже высоко ценился в любой стране.

3. Фотоаппараты. Сейчас в это трудно поверить, но иностранцы очень ценили продукцию заводов ЛОМО за великолепную оптику и какие-то особенные качества, понятные только страстным фотографам. Хорошо шли также фотоаппараты «Зенит», можно было продать даже простенькую «Смену», но заметно дешевле. Фотоаппараты обычно даже не прятали. «Навар» с них можно было получить хороший, а два «фотика» можно было положить в сумку и спокойно хранить в кубрике. Фотоаппараты с удовольствием покупали в таких странах, как Греция, Испания, Италия, и в странах Африканского континента.

4. Антиквариат . Это, конечно, громко сказано, но другое слово подобрать трудно. Вывозить иконы, понятное дело, решались единицы, да и эти отчаянные головы шли на это только по крайней необходимости. А вот старинные монеты, самовары начала века или подобную «декоративную» мелочь за границей брали с удовольствием.

5. Предметы коллекционирования. Военную форму, в том числе и морскую военную форму, значки с различной символикой – тут нужно было обязательно быть в курсе последних тенденций в мире коллекционирования. Товар специфический, обычно его вывозили только люди, которые знали, кому, что и за какие деньги нужно сдавать, то есть точно знавшие, к кому обращаться по прибытии в иностранный порт. Такие «наколки» или передавались «по наследству», когда списанный моряк отдавал адрес знакомому начинающему, или приобретались за деньги все у тех же отошедших от дел «торгонавтов».

«Золотое руно торгonautов»

По прибытии в иностранный порт на причале отнюдь не царила суеда, как можно было бы предполагать. Отправляясь в плавание, моряки были прекрасно осведомлены о том, в какой первый порт они зайдут, поэтому степенность в реализации товара лишь прибавляла ценность привезенной контрабанде. В первом порту сдавали обычно примерно три четверти вывезенного из Союза товара. Непредсказуемость дальнейшего курса (в зависимости от последующего фрахта), с одной стороны, разжигала азарт, а с другой – заставляла сомневаться. Вот такой своеобразный аналог западной игры на бирже. То ли пан, то ли пропал. Но советские люди – люди практичные. Жизнь, как правило, вносила свои коррективы, но уж лучше синица в руках, чем попытка угнаться за журавлем. Товар сдавали в основном проверенным людям, с одним и тем же покупателем могли работать годами.

А сейчас самое время рассказать о процессе «сдачи» товара. Если вы думаете, что даже в «прикормленных» местах товар было просто сдать, то вы ошибаетесь. С корабля команду отпускали в город «тройками». То есть моряки могли покинуть родное судно только троим. «Правило трех» придумало все то же продвинутое в психологии КГБ. Ход рассуждений был примерно таков. ОДИН советский человек, оказавшись на капиталистических просторах, обязательно испытает искушение нарушить закон. ДВА человека могут сговориться. А если в потенциально преступной группе ТРИ человека, то договориться им будет гораздо сложнее и доверие становится понятием эфемерным. К тому же чекисты всерьез опасались провокаций со стороны иностранных спецслужб. Вот и отпускали на «капиталистический берег» лишь по трое. Понятное дело, что за то самое время, которое уходило на достижение этого самого далекого берега, состав тройки успевал если и не узнать друг друга досконально, то уж вычленив некоторые особенности характера. Хотя делу это помогало мало. Конечно, сговориться и разбежаться сразу при выходе из порта – дело нехитрое. Вот только при сдаче контрабанды можно было и «погореть», особенно если контрабанда состояла из водки, а сдавали ее в скандинавских странах. Там действовала специальная полиция, сотрудники которой, переодевшись в штатское, могли подстеречь советского моряка по дороге к проверенному покупателю и предложить за спиртное крайне соблазнительную цену. Моряк мог не устоять, достать сокровенные бутылки и... дальше понятно. Скандал, административное наказание на корабле и головомойка по прибытии на Родину. А в процессе скандала обязательно всплывал факт, что моряк пребывал на территории капиталистического государства в гордом одиночестве, и тогда вместе с ним начали бы трепать и остальных двух. Поэтому изворачивались как могли. Но нервотрепка все равно была будьте-нате.

По ценам середины 80-х годов приблизительный расклад был таков. Каждую бутылку можно было сдать за 15 долларов. Обходилась она по 3 рубля. Официальный курс доллара к таким торгово-обменным операциям отношения не имеет, поэтому берем цены на черном рынке (1 доллар стоил 4 рубля) и получаем, что покупалась бутылка за один бакс. То есть чистого «навару» – 14 долларов. Не так чтобы сумма, но если привезено было два ящика по десять бутылок, то получаем уже 280 долларов чистой прибыли. И опять-таки разгуляться особенно не на что. Поэтому за границей покупали только те товары, что могли после продажи дать максимальную прибыль. В этот список входили дешевые шмотки, купленные обычно в отделе распродаж или в небольших портовых лавчонках, джинсы и ОБЯЗАТЕЛЬНО полиэтиленовые пакеты. Не относитесь к последнему пункту свысока. Полиэтиленовые пакеты могли принести суперприбыль. В Союзе такие пакеты имели бешеную популярность, особенно если на них была нанесена символика какой-то известной в СССР фирмы: «Вранглер», «Ли», «Мальборо» или что-то подобное. В розничной продаже у фарцовщиков такой пакет стоил 3 рубля – это пакет с прорезными ручками, или 5 рублей, если у пакета были пластиковые ручки.

За границей один такой пакет стоил примерно 10 центов, а сотня, стало быть, 10 долларов. Пакеты у моряков брали оптом за полтора рубля. Если привезти 200 пакетов, то

можно было сразу получить за них 300 рублей. Три месячных оклада советского учителя. Очень любили моряки возить и магнитофоны. Но такие крупные вещи обычно привозили «под заказ», иначе существовал риск, что деньги «зависнут», – ведь далеко не каждый человек мог позволить себе технику стоимостью около 1000 рублей. Когда появились видеомангнитофоны, то моряки с удовольствием стали таскать их из рейсов. Прибыль тоже была фантастическая.

Привезенные вещи частично сдавались фарцовщикам, а частично распродавались женами моряков. Но даже по возвращении в родную страну нелегкое дело фарцовки для моряков обычно не заканчивались. И на суше им было чем заняться. Например, отоваривать «чеки». Для тех, кто не в курсе, коротко поясню. Советское правительство, для того чтобы моряки не тратили валюту за границей, придумало систему магазинов, которые торговали только на специальные «чеки», выдаваемые морякам как часть зарплаты. На эти чеки в таких магазинах (все они назывались одинаково – «Альбатрос», в каком бы городе ни находились) можно было приобрести импортные товары. Естественно, при предъявлении паспорта моряка. В 80-х годах на перепродаже купленных в таких магазинах товаров можно было сделать баснословные деньги, фактически не напрягаясь. Приведу только один пример. В середине 80-х годов в «Альбатросе» можно было спокойно купить двухкассетный магнитофон какой-нибудь известной фирмы. Причем не «паленый» китайский под известной маркой, а самый настоящий, произведенный на заводе-изготовителе. Стоил такой магнитофон (после перевода чеков на рубли) 500 рублей. Сразу же при выходе из магазина фарцовщики предлагали моряками за купленный магнитофон уже 1000 рублей. А если моряк не ленился дойти до комиссионного магазина, то спокойно мог выручить за него уже 1200 рублей. Как вам такая бухгалтерия?

В «Альбатросах» моряки отоваривали чеки, в основном покупая дорогую технику или дорогую же верхнюю одежду. Прибывая в родной порт и сдавая фарцовщикам товар, они вели предварительные переговоры и узнавали, на что есть конкретные заказы, после чего покупали необходимое. В 80-х годах из рейсов стали привозить более крупногабаритные товары – могли привезти холодильник или телевизор. Начальство в пароходстве смотрело на присутствие на кораблях такого дополнительного «груза» сквозь пальцы. А вот в 70-х годах подобные крупные предметы провозить не разрешалось.

Про моряков-фарцовщиков торгового флота Советского Союза, конечно, все рассказать невозможно, и ведь именно про моряков ходили по Союзу легенды о заработках, многократно превышающих их реальные возможности. Они действительно были обеспеченными людьми, но не настолько, чтобы соревноваться с другими подпольными бизнесменами СССР – цеховиками или расхитителями социалистической собственности. Даже те самые фарцовщики, которые забирали у моряков привезенный товар оптом, и то имели в месяц больше, чем сами моряки. Да, по возвращении из рейса моряк становился обладателем приличной суммы наличных денег, а также остродефицитных, модных и качественных импортных товаров, но не нужно забывать, что рейс мог длиться иногда до полугода и полученную сумму нужно было разделить на несколько месяцев. К тому же каждому моряку нужно было еще скопить себе определенную сумму «на черный день», который наступал, когда его списывали на берег. Так что слухи о достатке «торгонавтов» в народе были несколько преувеличены.

Кстати, именно с фарцовкой моряков было связано много забавных историй, которые отчасти были выдуманы самими моряками, а отчасти действительно происходили во время долгих рейсов и пребывания на чужбине. Историй этих невероятное количество, но я расскажу одну, о которой поведал человек, посвятивший меня во время интервью в тонкости «морской фарцовки». Сам он, что можно даже дополнительно не объяснять, принадлежал некогда к славной когорте «торгонавтов», и хотя уже несколько десятилетий обретается на берегу, он по-прежнему обеспеченный человек и все еще занимается бизнесом, только уже легальным, и искренне считает, что времена, когда он ходил в плавания, были самыми лучшими в его жизни.

История, которую я собираюсь сейчас пересказать, произошла в Швеции, куда пришло советское торговое судно. Название судна, по просьбе своего информатора, я упоминать не стану.

Кому водки в розницу?

На дворе стоял 1987 год. В Союзе царил полнейший бардак, вызванный «перестройкой», никому ни до чего не было дела и надо признать, что советские моряки несколько «отвязались» в смысле объемов провозимой за границу контрабанды. Вот и в этот рейс водки на борту корабля, пришедшего в шведский портовый город, было по объему чуть меньше, чем горючего. Естественно, моряки горели желанием поскорее сбыть товар и потратить полученные денежки на что-либо полезное. Прибыли предвкушались хорошие. Но не сложилось.

Шведская полиция, которая здорово натерпелась от распоясавшихся русских контрабандистов, предприняла некоторые контрмеры. Портовая полиция выставила при выходах из порта кордоны, которые досматривали любые подозрительные коробки или узлы. Команда впала в панику. Полицейские явно не собирались убраться из порта раньше, чем советский пароход отчалит. До оптовых покупателей было не добраться, а в порту водку сдавать просто некому. Дело пахло керосином, рейс обещал стать «пустым».

А пока команда уныло сидела в кубриках или вяло бродила по окрестным лабазам, пытаясь потолковее потратить скудные запасы валюты. И как нарочно, в этом рейсе оказался новичок – моряк, у которого был первый заграничный поход. Бедолага прямо извелся весь от огорчения. Так долго ждать, получить и – не суметь воспользоваться. В такой ситуации действительно можно и с катушек слететь. Он и слетел. Не удержался. Оказавшись в шведском магазине, ломящемся от соблазнительных товаров, морячок подивился практически полному отсутствию контроля за входом и тем более выходом из магазина. Ему показалось, что вынести любую вещь из магазина очень просто – лавка была практически пуста, и только где-то в отдалении прохаживался продавец. Тогда моряк, у которого окончательно сдали нервы, решил: украсть в такой ситуации сам бог велел. Решено – сделано. Что-то он там сунул под куртку и пошел на выход. И попался. И так неудачно попался, – видимо, то, что он сунул под куртку, стоило немало шведских крон, потому что продавец вызвал полицию. Но этим дело не ограничилось. Уже вечером по местному телевидению показали сюжет, в котором русский моряк, не заметивший видеокамеры под потолком магазина, выкрал шведскую собственность.

Что сказал капитан попавшемуся подчиненному, что попыталась сделать с ним команда, которая уже предвкушала «разбор полетов» по прибытии на родину, оставим в стороне. Все равно ничего с морячком плохого сделать не успели. После того как по телевидению оповестили местных жителей, что в порт пришел советский корабль, все местные любители спиртного пошли валом в места продаж дешевого спиртного, в те места, в которых обычно оптовики продавали привезенную из Союза водку. Не найдя в привычных шалманах горячительных напитков, жители портового города нашли там опечаленных бизнесменов, объяснивших им ситуацию, сложившуюся с контрабандой. Скандинавы, как правило, не отличаются оперативностью мышления, но когда человек хочет выпить, соображение у него начинает работать эффективно. Все как один, потенциальные покупатели русской водки на всех парах помчались в порт. И утром возле корабля было не протолкнуться от желающих купить водки в розницу. И что вы думаете? Расторговались советские моряки, и еще как! Ведь по законам рынка в розницу товар несколько дороже, чем оптом. К тому же больше не пришлось ломать голову, как обойти полицейские кордоны на выходе из порта. Полицейские остались «с носом». Ведь не будешь же обыскивать каждого шведского гражданина? Так и пронесли скандинавские любители русской водки всю партию – по одной бутылке.

Морячку, который попался на краже в магазине, понятное дело, «сделали внушение». Но это уже на родине, а довольная команда то ли из благодарности, то

ли из жалости скинулась и прикупила в Швеции незадачливому воришке немного шмоток на вырученные деньги. Все-таки русские люди, как не поддержать товарища в такой ситуации.

Покорители дорог. Дальнбойщики

Существовала в советские времена такая замечательная организация. И называлась она «Совтрансавто». Попасты в эту организацию на работу было предметом мечтаний любого советского водителя-дальнбойщика. Да только осуществить это в реальности было очень сложно. Принимали только «своих». По блату, и то не бесплатно. За что же платили «вступительные взносы» водители, желающие попасть в штат «Совтрансавто»? За возможность побывать за границей СССР. И не просто побывать, а получить от поездок неплохие барыши. За счет чего? За счет фарцовки, разумеется.

Для того чтобы понятно объяснить, каким образом фарцевали дальнбойщики в «Совтрансавто», нужно поподробнее рассказать о самой организации. С самого начала существования попасть в ее штат «с улицы» было невозможно. Будь профессионал хоть самого высочайшего уровня, но штат не резиновый, и брали только «по знакомству». Более того, необходимо было предварительно пройти несколько уровней проверок в определенном ведомстве, чтобы тебя сочли идеологически зрелым человеком, способным не уронить высокое звание советского гражданина за рубежом. Пройти такие проверки без «рекомендаций» было невозможно. Под рекомендациями понимались не только характеристики с прежних мест работы или учебы, но и высказанное с уверенностью в нужном кабинете утверждение «наш человек».

Но даже из «блатных» (в смысле имеющих покровителей и ходатаев) выстраивалась очередь на вакантные места. Некоторые водители годами ждали своей очереди, чтобы занять возжеленное место за баранкой «Совтрансавто». Тут существовала еще некоторая тонкость. Поступить на работу в эту организацию – значит получить возможность постоянных поездок за границу людям без какого бы то ни было высшего образования. В СССР пролетариат и мечтать не мог о чем-то подобном. Машинами с известным на всю страну логотипом бредили мальчишки с рабочих окраин. Это была, скажем так, достижимая в принципе мечта, и потому особенно привлекательная. Такой водитель-дальнбойщик был уважаемым человеком, его внимания искали и его дружбы добивались, его популярность у женщин становилась предметом дворовых (и очень неприличных) баек.

Но и поступление на работу в престижную организацию еще не означало автоматического обогащения. Машины «Совтрансавто» колесили по всей Европе. Но в Европе, как известно, расположены не только государства с капиталистическим строем. Существовал еще и обширный «соцлагерь», в страны которого эта фирма доставляла приличное количество грузов. Поэтому внутри фирмы была определенная градация. Самым престижным, конечно же, считалось посещение «капстран», но и на рейсах в социалистические страны, такие как Польша, к примеру, можно было сделать неплохие деньги.

Как делались деньги

В Польшу, к слову, везли русское золото, которое поляки обожали и скупали чуть ли не килограммами. Любовью к советскому золоту отличались и чехи. «Высшим пилотажем» считалось возить в эти страны драгоценные камни, также необычайно ценившиеся братьями-славянами. Из Польши и Чехословакии дальнбойщики возили «ширпотреб», и все больше по мелочи: косметику, канцелярские принадлежности, галантерею. Впрочем, в Польше иногда можно было разжиться и серьезным товаром – теми же дубленками. С этими дубленками, скажу я вам, получалась очень смешная ситуация. Произведены «овчинные полушубки» были не где-нибудь, а Монголии, с которой у СССР были самые что ни на есть дружеские и даже местами братские отношения. Дубленки были очень приличного качества и в месте своего производства стоили сущие копейки, что-то около 50 рублей. Но производилась модная верхняя одежда не на государственных заводах, а самым обычным кустарным способом: ее шили в монгольских артелях. А посему ни о каких государственных закупках дубленок Советским Союзом речи идти не могло. Зато ушлые поляки, которые тоже «дружили» с Монголией, подобно многим советским людям, отправлялись в эту страну на заработки. Вот только советские люди строили в Монголии заводы, фабрики и занимались еще бог знает чем, живя среди пыльных степей и унылых сопок годами. А ушлые поляки прибывали в Монголию всего на несколько дней или недель. Это называлось «в командировку». Уезжали же командировочные с туго набитыми сумками, в которых были плотно уложены уже упомянутые дубленки, а еще кожаные куртки, плащи и пальто. Как можно догадаться, никакого таможенного контроля со стороны монгольских властей не было и в помине. Слово «пошлина» еще звучало бессмысленно для большинства граждан «соцлагеря», поэтому монгольская таможня вообще проходила поляками без остановки, а со «своими» таможенниками уже можно было договориться.

В основном добытая таким способом верхняя одежда моментально расходилась среди своих соотечественников, но ведь в Польше было полно людей, занимающихся подпольным бизнесом и прекрасно умеющих считать деньги. Вот эти-то личности и проворачивали многоходовые операции с обменом дубленок и кожаных пиджаков на русское золото и драгоценные камни. Такие стратегически продуманные торговые операции приносили в результате на порядок больше денег, чем просто продажа. Дальнбойщики из «Совтрансавто» были прекрасно знакомы с людьми, о которых только что шла речь, и частенько «таскали» из Польши кожаные монгольские трофеи.

Югославия и ГДР считались странами «умеренного социализма» и отличались приличным ассортиментом довольно качественных товаров народного потребления. ГДР славилась очень хорошим трикотажем и детскими игрушками. Игрушки гэдээровского производства продавались только в крупных магазинах и только в больших городах, да и то в раз в год. И это несмотря на то, что СССР закупала этот товар у «немецких товарищей» вагонами. Просто содержимое этих вагонов, как и большинство товаров импортного производства, не доходило до обычных советских граждан, оседая на «базах», а точнее, в закромах людей, причастных к распределению любого дефицита.

Да что там игрушки. А знаменитый обеденный сервиз «Мадонна» на двенадцать персон! Обладать таким сервизом стремилась каждая советская семья с сохранившимися с

дореволюционных времен мещанскими вкусами. Сервиз «Мадонна» был предметом, олицетворяющим фразу «дом – полная чаша». Нет, положительно, без сервиза на двенадцать персон, произведенного в Германской Демократической Республике, дом не дотягивал до «полной чаши» не меньше, чем на треть. Если кто-то не помнит или по молодости лет не застал эту «красоту», коротко опишу, что представляла собой сия вожделенная посуда. Сделанный «под старину» и сверх меры отделанный сусальным золотом сервиз, на котором резвились парами пастушек и в пасторальных нарядах, держащие под руку таких же деревенских красоток – пастушек. Но почему-то при всей этой идиллии выглядел набор на редкость аляповато. Однако его популярность заключалась в том, что он почти полностью был скопирован с другого сервиза – дорогого и сделанного из прекрасного костяного фарфора, – иметь который еще в дореволюционной России считалось верхом роскоши. Очевидно, некоторые бытовые символы благополучия и достатка пережили в людской памяти даже тотальную смену государственного режима.

Болгария и Югославия, поскольку на территории этих стран были расположены очень неплохие международные курорты, тоже отличались от СССР в лучшую сторону в смысле производства товаров народного потребления. Югославские женские сапоги котируются среди советских гражданок по качеству и модельному ряду ничуть не ниже финских или французских. В Югославии вообще легкая промышленность работала на удивление хорошо для страны с социалистическим режимом. Особенно хороша была югославская обувь (причем на любой сезон) и югославская верхняя одежда. Плащ, произведенный в этой стране, в СССР могли «оторвать» с руками. Безусловно, точно так же, как и в случае с немецкими игрушками, между двумя дружественно настроенными странами был налажен процесс государственных закупок. С плановой советской торговлей без периодических «выбросов» на прилавки дефицитных вещей было просто невозможно делать хоть какие-то деньги. И поначалу, в 70-х еще годах, югославские вещи, поступившие в свободную продажу, отлично помогали «вытягивать план» в конце отчетного квартала или года. Но с течением времени даже премиальные, выплачиваемые за выполнение плана, не могли заставить директоров и заведующих советскими магазинами выкладывать на прилавок югославские вещи. И сапоги, и плащи производства этой страны с начала 80-х годов можно было купить только у фарцовщиков.

Венгрия тоже ненамного отставала от Югославии по части производства модных и качественных вещей. Венгерские футболки могли выдержать больше двух десятилетий стирок хозяйственным мылом или жутким советским стиральным порошком и не потерять при этом ни первоначального цвета, ни формы. Словом, везде существовала своя специализация, но практически каждая страна «соцлагеря» опережала СССР по части обеспечения населения товарами не только первой необходимости, но и второй и третьей. Не было, пожалуй, только предметов роскоши. За ними уже ехали в «капстраны».

Тайники. Шило в мешке?

Идеальными и самыми престижными считались в «Совтрансавто» рейсы в скандинавские страны. В гости к финнам ездить было одно удовольствие, а шведы и норвежцы хоть и располагались подальше, зато визит к ним приносил не меньше прибыли, а в некоторых случаях даже и больше. Со скандинавами все ясно. Возили в первую очередь спиртное, а во вторую очередь – сигареты. В этих странах, помимо антиалкогольной кампании, уже давно велась борьба с курением в государственном масштабе. Методы этой борьбы просты и эффективны – сигареты стоили ОЧЕНЬ дорого. Примерно 70 рублей пачка, если перевести на рубли. И это самые дешевые, вроде нашей «Примы». Так что вопросов – какую именно контрабанду было выгодно ввозить к скандинавам, не возникало.

Зато возникали вопросы, как ввозить. Фура – это серьезная техника, не «Жигули», бесспорно. Но все же в отличие от корабля (как в случае с моряками) мест, куда можно спрятать контрабанду, не так и много. Что до «соцстран», то проблем с провозом товаров для

обмена обычно не возникало. И досматривали кое-как, да и прятать особенно было нечего. Разве что золото или драгоценные камни, но если уж дальнбойщики везли такой малогабаритный и ценный товар, то спрятать его в огромной машине, которую к тому же знаешь до последнего винтика, особенно труда не представляло. Самые изощренные приемы провоза контрабанды можно было наблюдать при транспортировке водки и сигарет. Впрочем, как раз не наблюдать, потому что прятали надежно и изобретательно. Как и у моряков торгового флота, провозящий контрабанду дальнбойщик если (не дай бог) попадался, то автоматически становился «невъездным» и лишался даже малейшей надежды когда-либо устроиться на денежные рейсы, пусть бы и на территории СССР.

Прятали все по-разному, но все же некоторые общие тенденции вывести можно. Например, старались не прятать среди официально ввозимого груза.хлопотно, да и груз на таможне иногда очень внимательно осматривали. И еще одно осложнение в таком способе – нужно запихнуть контрабанду в прицеп до того, как его официально пломбировали. Что означало не только необходимость посвящать в свои дела других людей, но еще и делиться с ними. Зачем, если можно обойтись и своими силами.

Сигареты прятали блоками, а не коробками, распихивая их под днище. В некоторых машинах умельцы специально делали тайники – где только можно. Но при любом раскладе обертку сигаретных блоков обмазывали солидолом, чтобы собаки на таможне не учуяли. По прибытии в пункт назначения обертку, конечно же, приходилось срывать, но покупатели (оптовики, как и у моряков) были не в претензии. Спиртное провозили в основном в тайниках. Бутылки были не в чести, и это можно понять – слишком хрупкая тара для такого способа транспортировки. Поэтому водку переливали в любые емкости, подходящие для продукта, который впоследствии нужно было употреблять внутрь.

Заливая водку в специально наваренный под днищем небольшой бак, рассуждали примерно так: водка – антисептик, а хорошая водка – очень хороший антисептик, так что ничего, авось обойдется. И действительно, обходилось. Вот только в некоторых случаях приходилось перед продажей сливать водку в подготовленную канистру через специально припасенную марлечку, для фильтрации. После этой нехитрой процедуры на марле оставался иногда буквально черный «нагар». И если дальнбойщик, он же контрабандист, был честным человеком, то он доставал еще одну марлечку и повторял процедуру. Провезенная таким способом водка при продаже стоила дешевле, чем «бутилированная», но зато в грамотно сооруженном тайнике можно было провезти сразу литров триста, а то и больше.

Полученные после продажи деньги дальнбойщики тратили приблизительно на те же товары, что и моряки, да и по возвращении на родину поступали аналогичным способом – сдавали товар фарцовщикам оптом или распродавали сами.

Разумеется, если бы мне удалось собрать сведения у нескольких опытных дальнбойщиков, работавших в советские времена в легендарной фирме «Совтрансавто», то эта глава пополнилась бы еще как минимум десятью способами провоза контрабандных товаров, но мне удалось поговорить только с одним человеком, да и тот был лишь сыном дальнбойщика. Так что все, о чем вы прочитали выше, мне поведал мой ровесник, признавшись при этом, что сам в детстве и юности ни секунды не сомневался в выборе профессии и был уверен в том, что пойдет по стопам отца. Тем более что преемственность поколений в «Совтрансавто» очень приветствовалась и часто рабочее место «передавалось по наследству». Однако времена круто изменились и внесли свои жесткие коррективы в планы молодого человека. Его отец, к сожалению, уже в лучшем мире, а он сам владеет компанией, занимающейся грузоперевозками по всей стране. Полученные от отца знания о занятиях контрабандой парень использует для того, чтобы пресекать перевозку своими подчиненными-водителями «нехороших вещей» (как он выразился) в сооруженных тайниках.

В начале главы в череде фарцовщиков-путешественников я перечислил и проводников поездов международного следования. Так и было. Люди, работающие проводниками в таких

составах, вкладывали свою лепту в нелегкое дело доставки импортных товаров народного потребления в СССР. Я бы с удовольствием рассказал и о них, если бы место позволяло. Но, увы... Поэтому ограничусь лишь констатацией факта: проводники фарцевали, пользуясь приблизительно теми же приемами, что и моряки и дальнбойщики. Провозили контрабанду, а на вырученные деньги приобретали вещи, привлекательные для советского человека. И точно так же как дальнбойщики из «Совтрансавто», проводники платили дань за возможность работать на выгодных маршрутах. Тоже много было забавных историй, но я уже чувствую настоятельную потребность продолжить свой рассказ и поведать вам об еще одной многочисленной категории фарцовщиков. О тех молодых ребятах, кто целые дни проводили в местах, где появлялись фланирующие иностранцы, к которым они и приставали с просьбами продать, обменять, подарить (последнее реже). То есть обо всех тех людях, чей образ прочно ассоциировался у советских людей со словом «фарцовка». В реальности таких «вольных стрелков» по сравнению с общим количеством фарцовщиков было не так и много, но поскольку в отличие от остальных подобные деятели всегда были на виду, то именно эту категорию усиленно клеймила позором советская пресса, и именно среди этих ребят было больше всего пострадавших в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР.

«Бомбилы»

Именно этим словечком называли себя те фарцовщики, которые на глазах у изумленных соотечественников среди бела дня приставали к иностранцам, «выклянчивая» у них вещи. Так, во всяком случае, подавался процесс фарцовки для непосвященных в тонкости этого бизнеса советских граждан. Что молодые и здоровые «лбы» не только сами унижаются перед «проклятыми капиталистами», но и унижают всех советских людей и тот образ жизни, который считался в СССР «достойным».

Чушь все это, конечно, несусветная. Описанным способом действовали только самые младшие фарцовщики, «малолетки», или, как их называли старшие коллеги, «чуингамщики» – от американской марки жвачки. Вот «чуингамщики» действительно беззастенчиво приставали к иностранцам в основном возле гостиниц, но и в других местах, где иностранные гости обзревали достопримечательности. Во всех остальных случаях те фарцовщики, которые «бомбили» иностранцев, ничего не кланчили, а предлагали им заключать обоюдовыгодные сделки, и не их вина, что офисов для подобной деятельности в

СССР тогда просто не существовало.

«Чуингамщики»

Но лучше все по порядку. Раз уж я начал с «чуингамщиков», о них и продолжу рассказ. Он, правда, будет коротким, но довольно динамичным, как и карьеры малолетних фарцовщиков. Начинали такие «юнги от фарцовки» лет в восемь-десять. Они «бомбили» не столько ради того, чтобы получить возделенную для каждого советского ребенка жвачку в яркой обертке, сколько ради того, чтобы «войти в тему» – пройти практическую школу фарцовки. Не нужно быть специалистом по фарцовке советских времен, чтобы догадаться, что «бомбили» чуингамщики под «чутким руководством старших товарищей», каковое руководство выражалось в выплате старшим определенной денежной дани. Дань была скорее символической, и уж точно не обременительной, но бизнес есть бизнес, и фарцовщики должны были с малолетства привыкать к тому, что даже подаренная жвачка бесплатной не бывает. Возможность заплатить дань появлялась у чуингамщиков после продажи жвачки другим детишкам. То, что оставалось от продаж, чуингамщики могли сдать старшим «бомбилам», но уже дешевле. Так что приходилось выбирать – или крутиться как белка в колесе, продавая выключенную жвачку где только можно в розницу, или получать меньше денег. Но при розничной продаже товара чуингамщиков подстерегала еще одна опасность, кроме опасности быть пойманным за ухо милиционером или проходящим мимо дружинником непосредственно во время процесса фарцовки. За торговлю жвачкой могли притянуть к ответу уже в школе, а в этом случае шансы попасть на учет в детскую комнату милиции становились угрожающе велики.

Постановка на учет в детскую комнату милиции, в отличие от родительской взбучки, страшила чуингамщиков нешуточно. Родительского гнева у большинства малолетних фарцовщиков опасаться не было повода. Как правило, эти дети, встававшие на путь нарушения закона в столь юном возрасте, произрастали совсем не в тепличных условиях. Много было детей из неблагополучных семей, но еще больше было таких чуингамщиков, которые встречали дома, возвращаясь после «трудового дня», полное одобрение и понимание. Некоторые родители смотрели сквозь пальцы на занятия своих отпрысков фарцовкой по одной простой причине – им было катастрофически не до собственных детей, их больше занимали личные проблемы и неурядицы.

Но стоило один раз попасть на комиссию по делам несовершеннолетних, как в жизни чуингамщиков мгновенно появлялось множество проблем. Усталые тетki в детских комнатах милиции не особенно вникали в тонкости причин «привода» несовершеннолетнего. Им гораздо проще было поставить в личном деле штамп, а на личность дитя – клеймо «неблагополучного ребенка» и пустить дело гонять по инстанциям. И в каждой инстанции малолетнего нарушителя закона долго и нудно выворачивали наизнанку, задавая прорву бессмысленных вопросов, а также вымогая обещания исправиться и вступить на путь честного гражданина. Унижением таких детей подвергали невероятным и делали это с завидной регулярностью. И как только самим членам бесчисленных комиссий не надоедало по двадцать раз повторять одно и то же? А после непосредственной постановки на учет на теперь уже «неблагополучных» детей и подростков было повсеместно принято «вешать всех собак». Никого не интересовало, что пацан стал считаться неблагополучным, потому что занимался фарцовкой. Как только в районе случались хулиганские инциденты, то к ответу тут же притягивали всех, стоящих на учете в детской комнате милиции.

Кто-то же должен быть виновным, а тут и напрягаться не надо – достал личные дела и пиши в графу «задержания» даты и предъявленные обвинения. А по накоплении нескольких приводов, пусть даже они и были «липовыми», несовершеннолетнему нарушителю закона грозило уже настоящее (почти взрослое) наказание – определение в спецшколу. А спецшкола – это та же тюрьма, со всеми ее специфическими законами. Эдакая «маленькая зона». Такие, с позволения сказать, школы даже внешне ничем не отличались от тюрем. В Ленинграде

одна такая «школа на зоне» была расположена возле железнодорожной станции «Удельная», в советские времена этот район считался окраиной и был практически не населенным. Вот туда и «спроектировали» психиатрическую больницу им. Скворцова-Степанова, в просторечии «Скворечник», и детскую «спецшколу». Кстати, пусть вас не сбивает с толку слово «школа». Дети там находились без права покидать территорию год-два, жили в казармах, они же бараки, а территория была обтянута по периметру колючей проволокой. Теоретически попасть в такое учреждение ребенок мог с первого класса. Хотя большинству «воспитанников» все же перевалило за первый десяток.

Кроме карательных мер государственная система пыталась бороться с чуингамщиками и с помощью превентивных мер. К ним относились в первую очередь разъяснительные беседы в школах. Эта миссия была возложена на завучей и директоров, но помогала подобная говорильня мало. Зато в чью-то «умную» голову пришла идея бороться с таким антисоветским явлением, как вымогательство у иностранцев, «народными способами». Есть у меня определенные подозрения, в каком именно силовом ведомстве служила данная «умная голова», но конкретных доказательств, конечно же, нет, и быть не может. Народные способы зиждились на том же принципе, что и большинство воспитательных мер для детей, придуманных с начала существования человечества. Сначала детишек пугали Бабой Ягой и Лешим, потом «врагами революции», фашистами, а потом дошла очередь и до иностранных диверсантов. Даже я прекрасно помню ходившие по школам слухи, информационная составляющая которых заключалась в «пересказе» ужасных историй, случившихся с детьми, клянчившими у иностранцев жвачку. Периодически такие «сто первые рассказы Кривеллы» запускались в качестве утки, и надо сказать, их действие было более эффективно, чем занудные предостережения учителей, построенные на набившей оскомину идеологии. То и дело в школьных коридорах полусшепотом передавали трагическую историю мальчика, который «вот так вот попросил жвачку, ему и дали, а он съел и через час умер в страшных мучениях – пена изо рта пошла зеленая». Иногда в главных героях такой страшилки выступала девочка, подробности мучительной смерти тоже менялись, но суть оставалась неизменной: невинный советский ребенок умирал вследствие жестоких козней иностранного диверсанта. Вот вам смешно, а дети, между прочим, принимали весь этот бред за чистую монету.

Не могу сказать, насколько подобные страшилки, вкупе с профилактическими беседами учителей, помогали предотвращать появление чуингамщиков. Статистики подобной, как вы понимаете, и быть не могло, но охотно допускаю, что кто-то из тех детей, которые оказались в непосредственной близости от реализации возможности «бомбить» иностранцев на жвачку, просто-напросто испугались и не решились довести намерение до конкретного результата.

А вот то, что думали о подобных «байках» сами чуингамщики, вряд ли можно дословно привести на страницах этой книги. К сожалению, ненормативной лексикой юные фарцовщики владели несравненно виртуознее, чем литературным русским языком. Если же попробовать перевести их мнение на приличный лад, то выглядеть подобный перевод будет приблизительно следующим образом: «Ну и чудненько. Нам же конкурентов меньше». После чего малолетний фарцовщик обязательно должен был презрительно сплюнуть и вернуться к выполнению своих обязанностей.

В некоторых случаях чуингамщиков использовали как помощников и старшие коллеги по бизнесу. Крутившиеся возле гостиниц малолетки были у них «на подхвате», и их иногда высылали натуральным образом на разведку. Выбирался иностранец, к которому подсылался наивного вида «ангелочек» с предложением обменять что-нибудь на сувенир. Сувенир ребенку давался, разумеется, грошовой стоимости, но если иностранец был готов пойти на контакт, он тут же понимал – имеет смысл последовать за дитем, которое приведет его к более серьезным деловым партнерам. Так и происходило, и сделка заключалась уже не на виду у сотен прохожих и не под бдительным оком советских милиционеров, дежуривших возле каждой гостиницы, а в укромной подворотне или даже в припаркованной неподалеку

машине.

Такой способ прощупать «фирмача» на предмет обмена или продажи вещи себя оправдывал – риск попасться был неизмеримо меньше, но уважающие себя фарцовщики старались все же не опускаться до использования детей в своих сделках. Однако, похоже, я уже перешел к рассказу о взрослых «бомбилах» и даже сам этого не заметил. А жаль, потому что я хотел предварить повествование о «подвигах» этой категории фарцовщиков небольшой исторической ретроспективой. Но ведь и сейчас еще не поздно...

Надо делиться

Как я уже говорил в предыдущих главах, именно такой способ фарцовки – «бомбить» иностранцев непосредственно возле мест их кратковременного пребывания – и лег в основу всего явления в целом. Поэтому некоторое время непринужденная атака иностранцев без всяких дополнительных «подходов» к ним и считалась самым престижным способом фарцовки. Помните, я настойчиво упирал на специфическую идеологию «бомбил» 60-х как на их главное отличие от более поздних последователей фарцовочного движения? Так вот непосредственный контакт с иностранцем, да к тому же завязанный в непринужденной обстановке родного города, где за каждым кустом мог скрываться бдительный чекист или простоватый, но обладающий бульдожьей подозрительностью милиционер, считался в среде фарцовщиков-шестидесятников особым «шиком», «стилем» и «высшим пилотажем».

И только спустя годы каста фарцовщиков, «бомбивших» иностранцев с помощью таких приемов, как приставание к незнакомым людям, имевшим иностранное гражданство, стала считаться если и не низшей в иерархии, то и особенным уважением среди других фарцовщиков не пользовалась. «Бомбежка» таким «допотопным» способом в среде фарцовщиков в 70–80-х годах считалась чем-то вроде несерьезного развлечения. Ну не знаю как насчет развлечения, а вот по поводу несерьезности можно и поспорить. Потому что чаще всего за спекуляцию сажали именно эту категорию «бомбил».

Ответ на вопрос, почему же так происходило, полностью согласуется с общими законами подпольного бизнеса в СССР. «Бомбилы», промышлявшие возле гостиниц и прочих мест, где обретались иностранцы в больших количествах, были практически «не прикрыты», то есть не защищены со стороны коррумпированных сотрудников правоохранительных органов. Гостиничную службу прикрывали чекисты, руководствующиеся своими собственными соображениями, обильно сдобренными мздой. Моряки получали возможность обделывать свои дела, так как почти постоянно находились вне пределов юрисдикции советского закона. А для кого могли представлять интерес пригостиничные «бомбилы»? Единственные представители правоохранительных органов, находящиеся на доступном расстоянии для протянутой с подкупом руки, – гостиничные менты и те милиционеры, которые дежурили в обязательном порядке на территории, прилегавшей к интуристовской гостинице. Для фарцовщиков эти представители властей значили довольно много, ведь именно от их расположения зависело, будет ли возможность подъехать к иностранцу с предложением «ченча» или нет. Но в табели о рангах советской милиции такие «крышевые» выглядели достаточно убого. Они были всего лишь постовыми, рядовыми сотрудниками, выполняющими несложные и рутинные обязанности.

Разумеется, для своего начальства такие постовые были «ценными» сотрудниками, так как делились полученной от фарцовщиков мздой, но их мнения никто не спрашивал, и в том случае, когда приходила разнарядка: «в процессе облавы должно быть поймано столько-то фарцовщиков и спекулянтов», никакой реальной защиты предоставить фарцовщикам такие рядовые сотрудники не могли. То есть теоретически они могли предупредить об облаве заранее, но только нескольких человек и только тех, кто платил больше, чем остальные. Иначе начальство, собравшееся руководить облавой на фарцовщиков, а вместо этого получившее возможность лицезреть чинно-благородно прогуливавшихся мимо гостиницы добропорядочных советских граждан, могло и рассвирепеть не на шутку. Кому охота

предстать перед вышестоящими инстанциями мало того что идиотом, так еще и коррумпированным идиотом?

При таком раскладе фарцовщик, плативший дань постовому милиционеру, дежурившему возле гостиницы, и его коллеге, выполнявшему свои непосредственные обязанности в самой гостинице, фактически оплачивал возможность того самого «приставания» к иностранцам без риска быть схваченным в тот же самый момент, когда первый контакт состоялся. За выплачиваемую в качестве взятки сумму фарцовщик, «бомбивший» у гостиниц, ни на что большее рассчитывать не мог.

К вопросу о том, сколько платили. По-разному. Настолько по-разному, что трудно даже вывести какое-то среднее арифметическое. Мзда зависела от города, в котором «бомбил» фарцовщик. Это раз. От класса гостиницы, возле которой происходил процесс фарцовки. Это два. От количества проведенного за процессом времени. Это три. Так что сами понимаете, при таком разбросе трудно назвать какие-то конкретные цифры. Но в принципе, я повторюсь, **в принципе**, «бомбилы» отстегивали гостиничным ментам около четверти дневной выручки.

«Низший пилотаж»

К середине 80-х в среде «бомбил» установились новые правила. Если можно так назвать грабеж среди бела дня, которым занимались серьезные фарцовщики по отношению к своим менее «крутым» коллегам. Обладатели свободной наличности в крупных количествах, полученной от фарцовки другими (более прибыльными) способами, подряжали своих менее раскрученных, менее удачливых или более молодых коллег на самую опасную часть процесса фарцовки – установление первого контакта с иностранцем, желающим повернуть торгово-обменную операцию и последующую сделку. Снабдив товарами для продажи или обмена, «контактеров» посылали забросить крючок, продемонстрировать ассортимент возможных предложений, поторговаться и совершить непосредственно обмен. После того как сделка была завершена, посланный возвращался к «старшому» и отдавал все вещи, которые удалось «набомбить», получая сразу свою долю наличности в «деревянных». Доля была небольшой. Хорошо, если половина. Свинство, конечно, и вообще «западло» по всем параметрам, но ведь никто не заставлял фарцовщиков соглашаться на столь кабальные условия, кроме собственной жадности и дурости. Не спорю, быть может, я немного погорячился, когда написал такую формулировку, ведь не у каждого фарцовщика, как уже говорилось, была возможность выйти на прямые и относительно безопасные поставки товара, а денег и красивых вещей хотелось в Советском Союзе многим молодым людям.

Вот и приходилось соглашаться на предложения «рвачей», чтобы попытаться чуть-чуть продвинуться по карьерной лестнице в среде фарцовщиков. Получалось, правда, далеко не у многих. Да что там, поставленной цели достигали единицы. Все остальные начинающие или через некоторое время попадали на зону, или понимали, что таким образом они серьезных успехов на поприще фарцовки не достигнут, и возвращались в лагерь законопослушных граждан. Текучка кадров в этой категории фарцовщиков была огромная и уж точно самая большая по сравнению с остальными категориями.

Советская пресса, не вдаваясь в подробности, подразумевала под фарцовщиками исключительно эту – самую нестабильную – категорию. На долю начинающих, «бомбивших» иностранцев возле гостиниц, приходилось больше всего «народного презрения». В СССР пресса имела определенный вес, а впрочем, если долбить одно и то же на протяжении нескольких лет и даже десятилетий, то можно убедить человека: что черное – это белое. Особенно если человеку, по большому счету, «по барабану», о каком все-таки цвете идет речь. В среде законопослушных «совков» эта категория фарцовщиков олицетворяла собой «гнусное идолопоклонство перед Западом», а фарцовщики изображались как всеми презираемые парии. И действительно, газетные статьи, обличительные фельетоны рисовали перед советским гражданином очень неаппетитный

образ: жадного, даже алчного человека, не обладающего и зачатками собственного достоинства, способного «ради тряпки продать Родину». И ладно бы еще алчность и жадность, но вот ограниченность фарцовщиков как личностей и их тупость в бытовом плане действительно выглядела со страниц газет отталкивающе.

Показательные уголовные процессы над фарцовщиками, которые периодически комментировались на страницах газет, только добавляли «дровишек» в пламя общественного презрения. Но справедливости ради, грамотного освещения подобных процессов не было вовсе. Как не наблюдалось и объективной оценки личностей подсудимых. Достоянием гласности становились в первую очередь суммы и перечень вещей, из-за которых фарцовщик угодил на скамью подсудимых, а эти перечни действительно звучали жалко, особенно после высокопарных высказываний. «Презрение соотечественников», «Действия, позорящие звание советского человека» и – кофточка, найденная при обыске после задержания. Или дамские колготки. Последние почему-то особенно смешили простых советских людей в подобного рода показательных процессах и убеждали их в окончательной и непроходимой тупости фарцовщиков, рисковавших честным именем и свободой за такую малость. Мысль, что судили не совсем тех и совсем не за те суммы, как-то не приходила большинству людей в голову. Стоит у гостиницы, пристаёт к иностранцам – значит, фарцовщик. А то, что настоящие фарцовщики, ворочавшие солидными суммами люди, практически не попадались, так об этом советским людям как-то забывали сообщать.

Таковыми бедолагами, «бомбившими фирмачей» возле интуристовских гостиниц, особенно в конце 70-х и в 80-х годах, практически не интересовались даже чекисты. Многие из таких «бомбил», само собой разумеется, почти сразу после первого появления возле иностранных граждан были вызваны на строгую «беседу», но вызывали их больше для проформы или, если угодно, предостережения, что ни в коем случае не рекомендуется переходить определенную черту в отношении с иностранцами. Практической пользы чекистам от таких фарцовщиков не было почти никакой. Контакты с иностранцами имели случайный характер, да и длилась сделка не более пяти-десяти минут, в течение которых никаких слов, кроме исковерканного английского предложения обменять вещички на спиртное, значки или икру, не звучало. Вот и подумайте, что интересного для чекистов можно было извлечь из такого «чечча»? Да ничего.

Завершая описание представителей этой породы фарцовщиков, я хотел бы объяснить, кем впоследствии стали те самые «старшие», которые, отсиживаясь в безопасности, посылали своих молодых коллег выполнять самую опасную работу. Они никуда не делись и с приходом в страну БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН. Фарцовщики после открытия границ государства под странным названием СНГ перестали видеть смысл в своем бизнесе, тем более что с поляками конкурировать было все равно невозможно, и на сцену вышли люди, способные обменять любую валюту в любое время дня и ночи. Вот эти-то первые «менялы» и были быстро перекавалифицировавшимися «старшими», или «смотрящими», как они любили себя называть. Узнаете знакомое выражение? А нет, так посмотрите на досуге по телевизору «Бандитский Петербург», благо его крутят почти беспрерывно хоть по какому-нибудь каналу.

В самом начале истории официального бизнеса в России эти «менялы» действовали уже по привычной схеме: выставляли одного человека (за долю малую) рядом с интуристовской гостиницей и гуртом ждали в отдалении клиентов, желающих немедленно поменять валюту на рубли. А уж спустя год-другой расплозились эти «менялы» по всему городу. Помните замерзших парней с картонной табличкой «Куплю валюту»? А «хозяева» стали потом очень богатыми людьми. Те, кто выжил в безжалостной мясорубке «передела». Психология этих людей, привыкших выставлять впереди себя «живой щит», сформировалась как раз во времена расцвета фарцовки. Точнее, той ее разновидности, что заставляла совсем молодых парней «бомбить» возле интуристовских гостиниц, причем даже не на себя, а «на дядю».

Большинство же успешных фарцовщиков, тех фарцовщиков, что были полноправными

участниками теневой экономики в СССР, получали вещи теми способами, которые я уже описывал, – скупали оптом у тех, кто имел непосредственный и, что важно, постоянный доступ к источникам товара.

«Бомбежка». Секреты мастерства

Но что-то я ударился в лирику. А ведь у меня есть постоянно действующий принцип: никогда не осуждать других людей. Максимум, что я могу себе позволить, – так это просто обозначить свое отношение по принципу «нравится – не нравится». Так что лучше я расскажу, каким именно образом «бомбили» интуристов у гостиниц, каких гостиниц, да и только ли возле гостиниц? И наверняка вам будет интересно узнать в подробностях, как проходила собственно «бомбежка».

Придется начать с Москвы. И вовсе не по причине того, что это столица нашей родины и первый по величине город страны, а потому, что Москва была единственным НЕ портовым городом, в котором процветала фарцовка. Только в Москву приезжало необходимое количество иностранцев, достаточное для того, чтобы не заниматься фарцовкой по-дилетантски, а поставить ее на профессиональную ногу. Не хочется обидеть другие крупные города бывшего СССР, заявив, что в них за всю историю существования ни разу не появилось ни одного фарцовщика. Конечно же, и появлялись, и фарцевали. Но если на перечисление всех городов Союза, в которых проживали фарцовщики, в этой книге место еще, может быть, и нашлось, а вот на красочное описание ВСЕХ мест в этих городах, где «тусовалась» фарца, его уже точно не хватит.

Итак, Москва. По некоторым данным, Москву ежемесячно посещало около 100 тысяч иностранных граждан, из них прибывших из «капстран» – порядка 30 тысяч. Цифры взяты не с потолка, а были любезно предоставлены мне одной дамой, в советские времена служившей в единственной фирме, занимавшейся приемом иностранцев в СССР: расположением их в гостиницах, проведением экскурсий и составлением культурных программ.

В Москве интуристовскими гостиницами считались «Москва», «Интурист», «Украина» и построенный к олимпиаде шикарный «Космос». Возле этих гостиниц как раз и промышляли фарцовщики. Был еще «Метрополь», но эта гостиница даже по неприязнительным советским меркам была «пятизвездочной» и около нее ни одного фарцовщика не наблюдалось – за этим строго следили. «Метрополь» считался «лицом города» и нельзя было допустить, чтобы возле него крутились криминальные личности.

Следующим по списку обязательно нужно упомянуть Ленинград. И не только потому, что это второй по величине город в нашей стране, но и потому, что это еще и город портовый. Но и это еще не все достоинства Ленинграда в контексте темы данной книги. Благодаря отцу-основателю Петру Алексеевичу Романову (больше известному в народе как Петр I) этот город оказался в середине XX века в nepозволительной близости к иностранной границе. Nepозволительной со стратегической точки зрения – это современный вариант, и nepозволительной с идеологической точки зрения – это совдеповский вариант. Отделившаяся от России Финляндия расположилась слишком близко к Советскому Союзу, а ведь это была капиталистическая страна, и, стало быть, ничего хорошего от такого соседства, по мнению советских чиновников и политиков, ждать не приходилось. Как они оказались правы! О, как они оказались правы в своих подозрениях! Финляндия в результате сыграла огромную роль в развитии подпольного бизнеса в Ленинграде, да пожалуй, и не только в этом городе, потому как нафарцованный у финнов товар расходился по городам и весям.

«Финская тема» настолько обширна и интересна, что я на некоторое время отложу ее, как иногда откладываешь самое вкусное из кушаний «на потом». А пока гостиницы. Чисто интуристовскими считались: «Европейская», «Астория», «Ленинград», «Прибалтийская». Заверяю вас с полной ответственностью: ни возле «Европейской», ни возле «Астории» не появлялось ни одного фарцовщика. Я имею в виду, что они не приходили туда с целью «бомбить» иностранцев. Гостиницы эти были такого класса, что в них останавливались

действительно состоятельные люди из капиталистических стран, приехавшие в Ленинград с конкретными делами. Среди постояльцев этих гостиниц были и известные артисты, музыканты, и не только. Именно в этих гостинцах останавливались капиталисты, посетившие город с целью подписания деловых контрактов на миллионные суммы. Само собой разумеется, что к подобным личностям фарцовщиков не могли допустить и за километр. И никакие деньги не могли заставить милиционеров рисковать, закрывая глаза на «бомбивших» иностранцев молодых людей. За подобное манкирование служебными обязанностями можно было не только лишиться погон, но и заодно и свободы. Так что фарцевала в этих гостиницах только обслуга и только очень умеренно. Зато очень многие фарцовщики, особенно удачливые и ворочавшие хорошими деньгами, приходили в рестораны этих гостиниц, пользовавшиеся колоссальной популярностью у теневых дельцов. Ужин в «Европейской», включая дань швейцару за проход на территорию гостиницы, мог обойтись в 100–150 рублей. Месячную зарплату советского инженера. Зато и престиж подобного ужина был необычайно велик в среде «подпольных воротил».

Самым прибыльным и самым «прикормленным» местом считались гостиницы «Ленинград» и «Прибалтийская», а «Пулковская», построенная самой последней, всегда считалась самой криминальной интуристовской гостиницей города. Там еще в спокойные 80-е (во второй их половине) проворачивали серьезные валютные дела. «Пулковской» гостиницу, конечно же, никто не называл – в народе она была известна как «Пуля». Нельзя не отметить характерный намек в произвольном сокращении. В «Пуле» в основном останавливались скандинавы и европейцы – испанцы и итальянцы. С этими представителями «капстран» фарцовщикам было легче всего иметь дело. Скандинавы налегали на предлагаемое «бомбилами» спиртное, а итальянцы обожали менять шмотки на предметы коллекционирования, так как они всегда были очень смекалистыми по части легкой поживы, которую и представляла собой перепродажа купленных или обмененных за копейки значков, монет или старой военной формы.

В гостинице «Ленинград» очень часто располагались на постой американские туристы, по слухам, им очень нравился вид, который открывался из окон этой гостиницы – на легендарный крейсер «Аврора». Американцы ведь частенько ведут себя как дети. В качестве достопримечательностей в чужой стране их привлекают не столько красоты архитектуры, сколько места, имеющие хоть сколько-нибудь скандальную славу или связанные с событиями общемирового масштаба. Выстрел «Авроры», безусловно, подходит под оба определения.

Фарцовщики любили американских туристов безоглядно. И потому, что вещи американского производства особенно ценились на черном рынке, и потому, что американцев очень просто было «развести». Приехавшие в качестве туристов в нашу страну представители этой нации вели себя донельзя легкомысленно и пытались охватить в рамках оплаченной путевки все доступные в СССР развлечения и удовольствия. Кроме того, в Союз из США приезжали в основном «экстремальщики», как называли бы эту категорию туристов в нынешние времена. То есть люди, которые изначально искали острых ощущений, гонясь за ними по всему миру. С такими отчаянными головами иметь дело было сплошным удовольствием. И неважно, были ли «америкосы» наслышаны о советских фарцовщиках от уже посетивших СССР знакомых или сталкивались с этим явлением впервые, они почти поголовно (исключая уж совсем пожилых туристов) с энтузиазмом включались в процесс торговли или обмена. Еще бы, будет что рассказать соседям по возвращении: оказывается, в СССР тоже есть бизнесмены, вот только их деятельность преследуется законом и строго карается. «Можете вы себе представить, что человека, который делает бизнес, могут посадить за решетку? Невероятно». Конечно, невероятно, да еще и экзотично к тому же.

Поэтому американцы, вступая в контакты с «бомбилами», не столько преследовали цель нажиться на сделке, сколько получить на руки какое-то весомое доказательство, способное подтвердить их фантастические рассказы по приезду на родину. Вот кому можно было «втюхать» и грошовых матрешек, и другие копеечные сувениры – лишь бы на них была

символика Советского Союза. Но при всем при этом новых и дорогих шмоток от них тоже было трудно дожидаться при совершении обмена. И дело даже не в скупердяйстве, а просто мало кто из американских туристов специально захватывал с собой вещи в упаковке или брал в поездку что-то из приличных вещей. Зачем? И действительно, в экзотическую страну обычно едут вовсе не наряды демонстрировать. Даже женщины. Так что получить в процессе «бомбежки» корову за иголку фарцовщикам удавалось редко. Хотя легенды о невероятно прибыльных сделках со «штатниками» возникали постоянно и повсеместно. Обычно в процессе обмена с американскими туристами можно было получить слегка поношенные, но добротные вещи или, если повезет, – какую-нибудь необычную галантерею: «ковбойскую» шляпу или широкий кожаный ремень. Все это могло быть потертым, но потертости никогда не принижали стоимость таких «знаковых» вещичек в глазах фарцовщиков. Да и в глазах их советских покупателей тоже.

Напоследок я все же выполню свое обещание и поведаю о том, каким именно образом и с какими предложениями подкатывались «бомбилы» к иностранным туристам возле гостиниц. Рассказ будет неполным, если я не посвящу вас в степень знакомства фарцовщиков-«бомбил» с английским языком. Принято считать, что английским фарцовщики, промышлявшие возле гостиниц, владели очень хорошо. Я сам неоднократно слышал утверждения людей, «по касательной» знакомых с этим явлением, что якобы фарцовщики могли спокойно поддерживать непринужденную беседу на бытовые темы на этом языке. Довелось мне выслушивать и мнение, что фарцовщики были сплошь выпускниками «английских спецшкол». Особенно на версии языковой подкованности фарцовщиков настаивали представители ленинградской «богема», изредка общавшиеся с «фарцой».

Совершенно не хочу никого обидеть, но правда дороже соблюдения политеса. Если гостиничная услуга, да и все остальные категории фарцовщиков действительно свободно могли изъясняться на английском языке, хотя бы в пределах, которые теперь принято при поступлении на работу обозначать как «английский разговорный», то перед фарцовщиками, «бомбившими» при гостиницах, реально стоял языковой барьер. Те несколько даже не заученных, а затверженных фраз, которыми эта категория фарцовщиков пыталась оперировать при совершении сделки, чаще всего вызывали у иностранных туристов смех до колик. Впрочем, как воспитанные люди, интуристы старались сдерживаться. Все равно смысл сделки был понятен и без слов.

Но так было не всегда. Изначально приличным уровнем английского действительно владело большинство фарцовщиков. Вот только эти времена закончились приблизительно к середине 70-х годов. В дальнейшем уровень владения иностранным языком падал из года в год. Как мне объясняли сами фарцовщики, «бомбившие» в разных ипостасях, такое положение вещей обуславливалось дроблением фарцовки как явления на мелкие, узкоспециальные части. Тот контингент молодых людей, который обладал необходимым для фарцовки набором качеств: желание иметь много денег, желание выделяться на фоне общей серой массы соотечественников, присутствие в характере склонности к риску и т. д. и т. п. – с начала 70-х годов пытался пристроиться к более «солидным» каналам поступающего товара, чем малопродуктивное шатание возле интуристовских гостиниц. В результате «бомбили» в основном те люди, которые не смогли пристроиться в более «теплые» места. Неудивительно, что возле гостиниц остались в основном те, кто не смог изыскать лучшей доли, в том числе и по причине плохого знания иностранных языков.

Теперь пришла очередь включить воображение. Без этого вряд ли удастся в полной мере представить себе, как фарцовщики умудрялись, зная всего несколько фраз на английском языке, не только беззастенчиво обращаться к незнакомым людям, приехавшим из чужой страны, но и делать это запросто, по-свойски, так что со стороны могло показаться, что впервые встретившиеся люди уже знакомы.

Сначала нужно было правильно выбрать иностранца. Заморские старушки и старички, которые так любят путешествовать на отложенные в течение жизни средства, всерьез

фарцовщиками не рассматривались. По причине пугливости и бестолковости, а также ограниченного набора желаний и запросов в чужой стране. Сувениры можно было купить и в гостиничной лавке. Туристы в группе тоже не подходили. А поскольку иностранцы в основном передвигались по городу днем как раз в составе тургруппы, то приходилось дожидаться вечера, в надежде на то, что кто-нибудь из приезжих решит совершить индивидуальную прогулку – обойти несколько кварталов возле гостиницы. Вот как выглядел Идеальный Клиент в понимании фарцовщика: мужчина до шестидесяти лет, одинокий, на шее у него болтается фотоаппарат, одет он ярко и броско (явно с целью произвести впечатление на туземцев), походка у него разболтанная, так как движется он явно без всякой цели – гуляет. Стоило подобной фигуре появиться в пределах досягаемости фарцовщиков, как к ней тут же «подваливала» такая же одинокая фигура, вертя в руках небольшой яркий предмет (матрешку или значок). «Мистер, дюю вонт ченч е бьютифол воч?» – вопрошал фарцовщик. Произнесенная фраза, по идее должна была означать: «Мистер, не хотите ли вы обменять ваши прекрасные часы?» И в ту же секунду «бомбила» ненавязчиво распахивал полу пиджака или пальто, смотря по сезону. А под этой полрой, в специально нашитых широченных и глубоких внутренних карманах находились уже настоящие предметы торговли. Из одного кармана выглядывало горлышко водочной или коньячной бутылки, поверхность другого кармана была густо усыпана «коллекционными» значками, среди них были и те, которые иностранец ни за какие деньги не мог купить в магазине (комсомольские, пионерские, мастер спорта СССР и т. п.). А на одном из карманов было нашито что-то вроде кляссера для марок из полиэтилена с ячейками для монет.

Главное в этом деле было распахнуть полу до того, как иностранец досадливо махнет рукой и пошлет фарцовщика куда подальше. Но частенько бывало и так, что расторговавшийся уже непосредственно в гостинице (сделав «ченч» с услугой) турист или «фирмач» не соблазнялся открывшимися перспективами выгодной сделки и все равно отмахивался от предложенного ассортимента. Вот с этого момента фарцовщик и должен был проявить себя неплохим психологом, маркетологом и продавцом. Руководствуясь исключительно внешними признаками и мимикой лица потенциального партнера по сделке, нужно было быстро и настойчиво сделать ему **ОЧЕНЬ** заманчивое предложение. Показать действительно редкую монету или предложить ценившуюся у туристов военную форму в обмен на какой-нибудь пустяк. Словом, задержать внимание иностранца любым способом. И если турист «клевал» и вступал в торг, то дальше нужно было очень быстро заморочить ему голову. Языковой барьер в таких ситуациях скорее помогал, чем мешал, ибо далеко не для всех туристов английский язык, на котором велись переговоры, был родным, и «клиенту» приходилось некоторое время соображать: что именно ему сказали или предложили. Вторая составляющая успеха – как можно больший выбор предметов для обмена. Так показать «товар лицом», чтобы «глаза разбежались». Главное в этой части процесса – уговорить туриста в принципе пойти на сделку, то есть согласиться отдать какие-то вещи.

Обычно ошалевший от такого натиска турист, который уже сам был не рад, что ввязался в подобного рода авантюру, начинал лихорадочно соображать, как поскорее выбраться с минимальными потерями. И часто фарцовщики так могли задурить голову человеку своими настойчивыми предложениями, что тот, не задумываясь, снимал с себя пиджак или плащ и отдавал фарцовщику в обмен на бутылку водки или не очень-то ценную монетку с изображением Ленина или (чуть позже) олимпийский рубль. Быстро откупиться от назойливого внимания фарцовщиков можно было и часами, теми самыми «бьютифол», снятыми с руки, благо стоили они в основном недорого – обычная заводская штамповка. Излишнюю нервозность создавало и место, в которое «утаскивали» фарцовщики иностранца для совершения сделки. Подворотня или тихий дворик. И хотя в выборе места не было специального умысла – главное, скрыться подальше от глаз законопослушных граждан, – все-таки на иностранцев и этот фактор тоже оказывал нешуточное влияние. Ведь каких только диких историй о совдепии можно было послушаться у себя на родине!

Случались порой у фарцовщиков, «бомбивших» иностранцев на улице, и удачные

сделки. Таковыми можно было считать возможность повернуть «ченч» с не очень трезвым иностранным туристом или «фирмачом» где-нибудь на скамейке в сквере. Когда случалась такая удачная «встреча на Эльбе», можно было рассчитывать если и не раздеть иностранца до нитки, то, по крайней мере, выжать из него максимум возможного, не нарушая приличий.

Как можно понять из всего вышеописанного, количество и качество вещей, нафарцованных таким способом, нельзя было воспринимать как серьезный бизнес. Какую-то прибыль подобного рода «ченчи» давали, но рассматривать фарцовщиков, действовавших подобным способом, как самых ярких представителей явления в целом – значило бы погрешить против истины. Еще раз повторю, тот факт, что у большинства советских людей слово «фарцовка» ассоциировалось именно с этим не очень удачливым меньшинством – «бомбилами», – следствие исключительно массовой пропаганды. Просто все эти ребята, вцепляющиеся в иностранцев на улицах и в скверах, были всегда на виду, и, направив на них указующий перст, советская масскультура имела прекрасный образчик для осуждения.

Можно было бы и дальше продолжить список гостиниц с конкретным указанием «у кого» и «что» «бомбили» фарцовщики, но лучше я расскажу о других местах, в которых очень удачно можно было разжиться товаром и «разбомбить» иностранных граждан в пух и прах.

«Интерклубы». Как приятно провести время?

В каждом портовом городе чиновниками, в чьем ведении находилось пребывание иностранных граждан в СССР, были созданы заведения, которые получили название «Интерклуб». Сеть таких заведений раскинулась по всей стране, хотя, как и магазины «Альбатрос», где отоваривали свои чеки моряки торгового флота, назывались они все одинаково. Советское правительство вообще не поощряло разнообразия. Ни в чем.

Сеть «Интерклуб» была создана советскими властями с целью обеспечить досуг иностранным гражданам – моряков торговых судов, приходящих в советские гавани. Я так понимаю, что идея собрать заграничных «мореманов» в одном месте принадлежала КГБ, сотрудники которого рассчитывали контролировать «группу риска» прибывающих в СССР совершенно непроверенных иностранцев, да к тому же еще в массе своей молодых, беззаботных, не понимающих всей меры ответственности даже перед собственным государством. А мысль, что эти «морячки» перед приходом в Советский Союз побывали не в

одном капиталистическом государстве и одному богу известно, кто там с ними мог вступить в «недозволительный контакт», и вовсе должна была повергать чекистов в самый настоящий первобытный ужас.

Чай, кофе, потанцуем?

По большей части иностранные корабли стояли в советских портах не больше недели – это самый большой срок, но что могут натворить даже за несколько дней никем не контролируемые иностранцы, привыкшие к тому же надираться и буянить в каждом порту, принимая такой «капиталистический образ жизни» за единственный способ расслабиться и развлечься? Думаю, не стоит объяснять, что на деле все выглядело совсем не так плачевно. В конце концов, это только в советском торговом флоте на судне в течение некоторого времени мог продержаться алкоголик или буян. С иностранных «посудин» подобные типы вылетали в мгновение ока. Так что большинство приходящих в советские порты иностранных моряков были приличными и тихими людьми. Но под развлечениями эти люди понимали несколько иной набор действий, чем советские люди.

Вот «Интерклубы» и были созданы «как бы» с целью предоставить иностранным морякам стандартный пакет услуг для приятного времяпрепровождения. Бильярд, бар, комфорт, напитки и музыка, к которым привыкли моряки у себя на родине. Чем шататься по городу в поисках приключений, сиди и спокойно дожидайся, пока твоей «лоханке» не придет время отвалить от чужого берега. Опять же, можно выпить в компании. На иностранных кораблях повсеместно царил строжайший «сухой закон». Даже в гавани на территории судна нельзя было употребить ни капли спиртного. Валютные бары были для не слишком богатых моряков дороговаты, а посещать грязные распивочные, которые проходили в СССР под видом кафе или пивных павильонов, как-то не очень тянуло. А в «Интерклубе» можно было спокойно посидеть за стойкой и выпить рюмку-другую в компании с человеком, говорящим с тобой на одном языке. В процессе употребления алкоголя последнее соображение очень важно. Но не менее важен для посещения «Интерклубов» и тот факт, что цены на спиртное там были все же ниже, чем в валютных барах. Низкие цены на спиртное в «Интерклубах», мнится мне, тоже можно смело отнести на счет «хитрых ходов» чекистов. Нужно же было каким-то образом заманивать моряков в подготовленные и расставленные силки, скорее всего, напичканные прослушивающей аппаратурой. И если об умеренных ценах на спиртное в «Интерклубах» моряки знали наверняка, то о «прослушках» могли только догадываться. Хотя вряд ли их смущали такие тонкости. Они-то точно знали, что ничего предосудительного в их разговорах даже «по пьяному делу» быть не может.

Так что «Интерклубы» моряки посещали, и даже можно сказать, что делали это с удовольствием, особенно на первых порах, когда подобные места отдохновения только появились в СССР. И как только открылись первые «Интерклубы», а пальма первенства принадлежит ленинградскому, распахнувшему свои двери для «морячков» в 1958 году, на загоревшиеся огоньки тут же тучами слетелись фарцовщики. Поначалу возле «Интерклубов» не нес дежурство даже постовой милиционер, способный отогнать назойливых молодых людей, предлагавших морякам совершить выгодную сделку – поменять шмотки на спиртное или советские деньги.

Чуть не забыл упомянуть о еще одном коренном отличии фарцовки возле «Интерклубов» от всех остальных мест «бомбежки» – продажа импортных шмоток за советские «деревянные». Ни в каком другом месте Советского Союза подобная сделка просто не могла бы быть осуществлена. Кому из иностранцев могли понадобиться советские деньги? А вот заграничным морякам, рядовым труженикам моря, они были очень кстати. Получали они, по западным меркам, не такую уж большую зарплату. То есть, конечно, полученного на родине жалованья вполне хватало для того, чтобы поддерживать приличный уровень жизни, но и только. Даже дома в кредит – хотя такая услуга была повсеместно распространена на Западе – и то им продавали неохотно. Считалось, что моряк дальнего

плавания – слишком опасная профессия, и если кормилец в далеких морях пойдет ко дну, кто будет оплачивать счета за дом? Вдова с детьми? Да и не хватило бы, пожалуй, жалованья простого моряка на приобретение собственного дома. Приходилось довольствоваться квартирами в крупных портовых городах. Кроме того, за рубежом в торговом флоте служило очень много эмигрантов, которых охотно принимали в состав команды, во-первых, за знание языка, а во-вторых, за умение приспосабливаться к любым обстоятельствам и неприхотливость в быту.

Если сравнивать материальное положение и социальный статус иностранных моряков торгового флота и их советских коллег, то получится, что в Советском Союзе бороздить просторы морей было гораздо выгоднее во всех отношениях. Но все же сравнение некорректное. За рубежом Советского Союза даже безработные жили в материальном плане лучше, чем рядовые советские трудящиеся. Зато какой почет, уважение, а главное, зависть соседей обеспечивал себе советский «мореман»! А для человека проявление таких чувств со стороны окружающих может в некоторых случаях оказаться даже важнее накопленных денег или счета в банке.

Рассадник фарцовки

Однако вернемся к нашей теме. Так вот, у иностранных моряков, отпущенных с корабля на берег, при себе оказывалось не так много денег, как хотелось бы. Но в отличие от советских законов законы других стран позволяли своим гражданам спокойно обменивать валюту и не бояться, что за такую простую операцию тебя упекут в кутузку. Поэтому иностранные моряки никогда не отказывались от выгодной сделки с фарцовщиками, причем за импортную вещь они охотно принимали плату рублями. Подобная стоворчивость очень облегчала жизнь фарцовщикам, которым не нужно было изобретать и доставать привлекательные предметы для сделки с иностранцами. Можно было просто расплатиться наличными за нафарцованный товар, и дело в шляпе. И валютная статья ни при чем. Короче говоря, одни сплошные плюсы. Так стоит ли удивляться, что возле «Интерклубов» по всей стране стаями кружили фарцовщики, поджидая морячков с товаром?

Возле «Интерклубов», по сравнению с гостиницами, «бомбили» довольно серьезные ребята. Но все же не элита фарцовки, так как моряки редко привозили на продажу много шмоток, и уж тем более нечасто среди товара попадались дорогие вещи. Однако фарцовщики брали экономической выгодностью сделки. Дешевая рубашка, допустим из нейлона, стоила за границей натурально копейки. То есть, прошу прощения, центы. Иностранцы, в отличие от советских граждан, всегда ценили натуральные материалы и готовы были платить за них дорого. Впрочем, если бы этих ценителей попытались одеть в брюки из дорогостоящего на Западе льна, но пошитые фабрикой «Свобода», вряд ли бы они согласились. В СССР же никогда не скупилась на натуральные материалы, рассуждая таким образом: хлопка и льна в стране предостаточно, и стоит он из-за плановой экономики гроши, а вот постройка завода или переделка цеха для изготовления синтетической одежды влетит стране в копеечку. Вот и гонялись советские граждане за футболкой, состоящей на 100 % из нейлона, но зато купленной за границей и сидящей на фигуре так, что можно понять, какого человек телосложения. Я привел в пример рубашку, а не футболку? Ну, пусть будет рубашка. Подобная рубашка из нейлона могла стоить за границей 5 долларов. Возле «Интерклуба» моряк мог «задвинуть» ее фарцовщикам рублей за тридцать. После официального обмена полученных рублей (по официальному курсу: 1 доллар – 60 копеек) моряк получал на руки чистой прибыли 45 долларов. За одну нейлоновую рубашку. А если «сдать» фарцовщикам женскую шубку из того же нейлона (а подобные шубки с руками отрывали советские женщины на черном рынке)? Думаю, выгода моряков, продающих привезенные товары за рубли, очевидна. Но и фарцовщики не оставались внакладе. Дождем уж пример все с той же рубашкой. После покупки за 30 рублей фарцовщик мог продать ее уже за 100 рублей. И его прибыль была бы 70 рублей. Если кто-то подзабыл соотношение цен, то месячная зарплата

советского продавца составляла 90 рублей в месяц, а килограмм вареной колбасы стоил и вовсе 2 рубля 20 копеек.

Поначалу, как только «Интерклубы» открылись, их вообще никто из правоохранительных органов не воспринимал как рассадник фарцовки. Что до Ленинграда, то первый дежурный милиционер, занявший пост в непосредственной близости от здания, в котором располагался клуб иностранных моряков, появился аж в конце 60-х годов. Что, как вы понимаете, дало возможность целому поколению фарцовщиков (в течение десятилетия с момента открытия) сколотить себе весьма неплохой капитал. Но и появление дежурного милиционера возле «Интерклуба» мало что меняло. Фарцовщиками проблема решалась точно так же, как и любая проблема подобного рода, – отстегиванием представителю закона некоторой доли с прибыли.

До самого конца существования советской власти в СССР никто из правоохранительных органов так и не «чухнулся», в каком объеме происходит фарцовка возле «Интерклубов». Никто из законников не устраивал возле этих зданий массовых облав, никто не отлавливал фарцовщиков по ближайшим подворотням. Сказано было начальством – все фарцовщики собираются возле интуристовских гостиниц, значит – так и есть. И нечего на свою голову квартальную отчетность портить.

Вездесущие и всеведущие чекисты, конечно же, знали о реальном положении вещей, но, поскольку им трудно отказать в практичности, не стали пресекать явление фарцовки возле «Интерклубов», а использовали фарцовщиков для своих целей по уже не единожды отработанной схеме. Вызов на беседу, а дальше ходи себе и собирай с осведомителей-фарцовщиков отчеты. Очень удобно, особенно если учитывать специфику учреждения и постоянно меняющийся контингент иностранных моряков.

Не знаю, как в других городах, а в Ленинграде «Интерклуб» закрылся уже после переименования города в Санкт-Петербург, то есть в начале 90-х годов. Последние годы перед закрытием здание клуба практически пустовало, и только иногда какой-нибудь солидный прохожий с ностальгией посматривал в его сторону, а потом шел дальше по своим делам.

Площадка для старта

Если попытаться сосчитать, сколько поколений фарцовщиков сменилось возле ленинградского «Интерклуба», то можно сбиться со счета, ведь на протяжении 30 лет возле «места отдыха иностранных моряков» успели «побомбить» сотни, если не тысячи молодых ребят. Почему-то они всегда были не старше двадцати с небольшим лет. Куда девались выросшие, возмужавшие и набравшиеся опыта возле «Интерклубов» парни, так и останется для меня лично загадкой.

Впрочем, есть у меня одно предположение. Моряков, посещавших «Интерклубы», было не так и много. За месяц человек пятьдесят, и это в лучшем случае. А место было очень уж «лафовое» для фарцовки. Конкуренция, я полагаю, была нешуточная. Можно предположить, что вместо того, чтобы методами физического насилия отваживать «лишних» фарцовщиков, было заключено «цеховое соглашение», или (по-другому) определенная договоренность: в таких «клевых» местах «бомбят» только начинающие. Поднаторел в процессе, приобрел бесценный опыт и связи, а также вполне осязаемый стартовый капитал для продолжения карьеры – уступи место подрастающему поколению. Я так вольно рассуждаю на эту тему вовсе не потому, что мне удалось лично пообщаться с фарцовщиком, который «бомбил» возле «Интерклуба», такой возможности мне не представилось. Скорее, я знакомя вас с логическими рассуждениями, основанными на «свидетельских показаниях» двух человек. Один из них долгие годы прожил в непосредственной близости с ленинградским «Интерклубом» и уверенно утверждает, что ни разу не видел, чтобы возле знаменитого здания ошивался юноша, выглядящий старше, чем на двадцать лет. А о том, что личности, приходящие к этому зданию в любую погоду как на работу, – фарцовщики, была

осведомлена вся округа. Другой человек, давший мне «пищу для размышлений», – это фарцовщик с солидным стажем, один из тех людей, которые скупали оптом товар у гостиничной obsługi для последующей его перепродажи. Так вот этот «зубр» поведал мне, что в среде его коллег было немало фарцовщиков, начинавших карьеру и сколачивавших стартовый капитал именно у «Интерклуба».

После того как я поделился с вами всем, что знал о фарцовщиках, промышлявших возле клубов досуга для иностранных моряков, пришла пора рассказать еще об одной разновидности фарцовщиков советских времен. Эти люди представляли собой, пожалуй, самую малочисленную группу фарцовщиков, но это совсем не значит, что в этой книге их можно обойти вниманием. Такой подход был бы особенно несправедлив еще и потому, что именно эта группа поставила фарцовку на четкие профессиональные рельсы. Я хочу рассказать вам о гидах-переводчиках, сопровождавших иностранцев в их экскурсионных поездках по городу и осмотре достопримечательностей.

Где эта улица, где этот дом... Гиды-переводчики

Должность гида в советское время, по отзывам очевидцев, была далеко не синекурой. Мало того что работа на самом деле была тяжелой, если не сказать изнурительной, так еще и чекисты допекали своим назойливым вниманием именно сопровождающих группу интуристов экскурсоводов. А ведь нужно было еще выкроить время и каким-то образом заработать не только на черствую краюшку хлеба, которую обеспечивала официальная зарплата, но еще и покрыть хлебушек маслом с икрой.

Всемогущий «Интурист»

Несмотря на все упомянутые сложности, как и любую должность, подразумевающую доступ к дополнительным материальным благам да еще импортного производства, должность гида заполучить было непросто. Для начала нужно было в совершенстве владеть как минимум двумя иностранными языками. Если человек владел только одним иностранным, пусть бы даже и разговаривал на нем как на своем родном, то этого для поступления на работу гидом было недостаточно. Все советские гиды работали в одном-единственном учреждении, имеющем разветвленную сеть филиалов по всей стране.

Учреждение это называлось «Интурист», и я уже упоминал о нем вскользь по ходу своего повествования. Сама по себе эта организация могла бы дать материал для написания отдельной книги. Интриги, хитросплетения, козни против коллег – все это было освоено любым сотрудником «Интуриста» в совершенстве.

Количество путевок для советских граждан даже в страну «соцлагеря» в год ограничено строгими рамками, а ведь для каждого из сотрудников «Интуриста» обеспечение места в тургруппе для «своих» – это источник «левого» дохода. Чем больше путевок удавалось «отвоевать» для распределения по собственному усмотрению, тем больше «бабок» можно «срубить» за месяц. Про путешествия в страны с капиталистическим режимом я уже не говорю, они шли на вес золота. Но путевки были не единственным источником дохода. Должности гида, стоившие баснословные деньги (до 2000 рублей за место), заселение «доходных» категорий иностранцев в ту или другую гостиницу – решение всех этих судьбоносных вопросов было в ведении сотрудников «Интуриста». Самый простой пример. В СССР было принято устраивать международные ярмарки-выставки. Особенно в Москве на ВДНХ. На такие выставки регулярно приезжали «фирмачи», представители иностранных фирм – потенциальных деловых партнеров Советского Союза. Но не станет же тащиться в СССР, пусть и на выставку, сулившую немалую прибыль от сотрудничества, президент фирмы или ее владелец? Посылали в основном управленцев, менеджеров высшего и среднего звена. На каждый выставочный стенд приходился один топ-менеджер и человек семь помощников, обычных менеджеров. Представьте себе, какими выгодными в смысле удачного процесса фарцовки могли стать такие постояльцы в гостинице. Ведь ни один деловой, но не очень состоятельный человек не откажется заключить еще одну выгодную, но уже личную сделку – тот же обмен привезенных вещичек на икру или коньяк.

А сколько на выставке таких стендов? Каждой гостинице хотелось заполучить выгодных постояльцев именно к себе. А от кого зависело расселение? Правильно, от «Интуриста» в первую очередь. Но поскольку сотрудники этой могущественной фирмы сами фарцовкой не занимались, то я больше о них ничего рассказывать не буду, а продолжу ваше знакомство с теми людьми, которых представил вам в начале этой главы, а именно с гидами-переводчиками. Для приезжающих в СССР иностранцев, неважно из «соцлагеря» или из капстраны, гиды становились опорой в решении любых деловых вопросов.

В каждой группе туристов, прибывающих в Союз, всегда находился хотя бы один человек, которого на родине проинструктировали: хочешь решить проблему сомнительного свойства, обращайся к гиду, он все уладит. Туристы могли рассчитывать, что если они обратятся к гиду с конкретной просьбой, то в один из дней пребывания в городе их вместо осмотра достопримечательностей или посещения музеев просто подвезут всем автобусом к ювелирному магазину. Если иностранец имел поручение передать посылку кому-то в Союзе, а такие поручения часто давали им на родине эмигранты, то он точно знал: единственный способ выполнить поручение – это обратиться за помощью к гиду, тот уладит вопрос с досмотром посылки и получением разрешения на посещение адресата.

Частенько случалось и так, что иностранцы, особенно капиталисты, знающие цену искусству и тем деньгам, которые можно на нем заработать, приобретали в СССР полотна, написанные талантливыми советскими художниками, прозябающими на родине в нищете и неизвестности. Известны случаи, когда такие «дельцы от искусства» зарабатывали впоследствии на купленных картинах сотни тысяч долларов. Но для того чтобы совершить подобную покупку, иностранцу нужно было преодолеть тысячу препон на своем пути. Самое сложное – это вообще попасть в мастерскую или подпольную галерею, где выставлялись полотна. Совершение этого простого действия в Советском Союзе без посторонней помощи становилось невыполнимой задачей. Нужно было «договориться», чтобы не просто дали адрес, а предоставили еще и сопровождающего, без которого нельзя было даже и мечтать о том, чтобы посетить подобных «сомнительных» с точки зрения советской морали людей – талантливых и непризнанных художников. «Богемная среда» в глазах чекистов являлась не чем иным, как рассадником инакомыслящих, диссидентов и потенциальных шпионов,

перебежчиков и невозвращенцев. И вот просто так, за здорово живешь, «запустить» к этим нестабильным элементам иностранца, да еще из «капстраны»? Да ни за что. Только за солидную взятку. И только после того, как иностранец будет проверен-перепроверен и чекисты убедятся, что им действительно ничто, кроме жажды наживы, не движет.

Но приобрести картину – это еще полдела. Покупку нужно было вывезти из страны, а для этого требовалось особое заключение экспертной комиссии, в котором было бы обозначено, что «полотно не представляет никакой исторической и художественной ценности», а уже полученное заключение ложилось в основу разрешения на вывоз картины из страны. Прodelать подобный трюк иностранцу, при всеобщем бюрократизме, царившем в СССР, за несколько дней пребывания в стране было не под силу. Деньги в подобных операциях особенной роли не играли. Важнее было иметь нужные СВЯЗИ. У гидов, сопровождающих тургруппы, такие связи как раз были в наличии. И эти «милые люди» с готовностью оказывали помощь в решении «некоторых затруднений».

Таким же образом можно было удовлетворить практически любую нестандартную потребность, возникшую у иностранного туриста. Всего-то и нужно, что обратиться к гиду. Но что же являлось источником могущества этих скромных людей? Откуда черпали они возможности разрешить самые затейливые затруднения иностранных граждан? Ларчик этого вопроса открывается очень просто – сотрудничество с КГБ. Да не просто сотрудничество, а можно сказать, практически неотделимость их профессиональной деятельности от соблюдения интересов вездесущего ведомства. На практике подобная трогательная взаимопомощь выглядела примерно так. Как только гид «принимал» тургруппу, то первое, что он делал, это предоставлял подробные сведения о поведении туристов при знакомстве: кто какие вопросы задавал, кто и чем интересовался дополнительно или очень уж дотошно, кто какие пожелания высказывал. В дальнейшем, как только у кого-то из туристов возникало нетипичное желание, оно тут же становилось известно в подробностях чекистам, а уж те, всесторонне рассмотрев его и убедившись, что никакого политического умысла в просьбе иностранца не содержится, принимали решение – пойти навстречу гостю Советского Союза или лучше не стоит.

Иностранцы прекрасно знали, в страну с какими нравами и обычаями они прибыли. Они понимали, что сотрудники КГБ, в сущности, контролируют каждый их шаг и в этом контроле состоят их обязанности. В этом смысле приходилось просто смириться с неизбежным. Но как подобный контакт осуществить в реальности? Как можно деликатно выйти из положения? Вот гиды как раз и становились посредниками. Их присутствие в тургруппе значительно упрощало положение. Всего-то и нужно было – обратиться к ним, а они уже сами утрясали все вопросы с чекистами. Довольны сложившимся положением вещей были все: чекисты, которые были в курсе каждого отступления иностранца от санкционированного маршрута; иностранцы, которые не сталкивались с представителями этого страшного ведомства «лоб в лоб»; и гиды, получавшие за свое посредничество солидное вознаграждение от иностранцев.

К вопросу о вознаграждении. Как вы сами, должно быть, понимаете, при таком тесном сотрудничестве с КГБ брать с иностранцев валюту было не то что затруднительно, а попросту невозможно. Выходили из положения самым простым, естественным и доступным способом. Плату за решение любого вопроса гиды взимали вещами. К тому же такой вариант не был лишен известной элегантности. Вот у кого повернется язык осуждать гида, который после недели тяжелой работы на благо иностранных граждан в качестве благодарности получил от них «небольшие презенты»? А то, что общий объем полученных «презентов» мог составлять внушительный дорожный чемодан, так это уже тонкости, которые не должны интересовать правоохранительные органы. Да МВД и не пыталось совать нос в дополнительный заработок гидов. Как и в случае с гостиничной службой, милиция предпочитала демонстративно игнорировать методы смежников – чекистов.

Содержимое чемодана с полученным вознаграждением «честно» делилось между гидом и тем чекистом, к которому он был «прикреплен» для решения возникшего

затруднения. Насколько честно? Как раз в этом вопросе я и не могу вас просветить. Никто как-то не захотел поделиться информацией.

«Алкогольно-бордельные» финские туры

Все, что я написал до этого момента, справедливо по отношению к гидам, работавшим в больших городах по всей стране. Ничем не отличалась от общепринятой и ситуация в Ленинграде. Но в этом городе существовала еще одна очень узкая специализация гидов, работавших с группами иностранных граждан, прибывших из Финляндии. В своем повествовании я дошел наконец до рассказа о знаменитых «финских турах», озолотивших не одно поколение фарцовщиков. Как только советское правительство открыло свои границы для финских граждан, в Ленинград тут же хлынули толпы осатаневших от «сухого закона» финнов. Ни за чем другим, кроме как напиться до остолбенения, граждане страны Суоми в Ленинград не ездили. Не нужны им были красоты белых ночей или нависшие над Невой громады разведенных мостов. «Водка давай!» И давали, жалко, что ли? Тем более что чисто по-человечески приезжавших финнов было жалко: легко ли жить в стране, где даже напиться нельзя от души? Но жалость – жалостью, а о собственной выгоде принимающая сторона тоже не забывала.

«Алкогольно-бордельный» финский тур в СССР начинался в Выборге. Сразу после пересечения границы в автобус к чухонцам подсаживался гид. Без всяких сантиментов, даже не пытаясь соблюдать какие-то приличия, гид проводил «инструктаж», называя, какие именно из своих потребностей могут удовлетворить финские граждане на территории Советского Союза и где именно они смогут это сделать. Далее следовала приблизительная раскладка по ценам, и в завершение «инструктажа» гид объяснял, что «туристы» могут получить искомое в несколько «заходов».

Первый «заход» обычно совершался прямо на Выборгской трассе, не доезжая даже до города-героя Ленинграда. Мест, специально оборудованных для предоставления финнам водки и «девочек», на трассе было несколько. Автобус останавливался в одном из них по предварительной договоренности гида с фарцовщиками, уже поджидавшими «туристов». Собственно говоря, каждый гид «работал» с какой-то одной группой фарцовщиков и останавливал транспорт с «горячими финскими парнями» возле точки, которую эта группа «держала». Чухонцев хватало почти всем советским гражданам, желающим нажиться на их «бомбежке». Поток финских граждан, возжелавших совершить «алкогольный тур», не иссякал ни на один день. В день советско-финскую границу могли пересечь пять-шесть автобусов. В каждом из которых было до полусотни мужиков, страждущих примитивных развлечений.

«Точки на трассе» не отличались особенной благоустроенностью и комфортом. В обмен на содержимое финских чемоданов предлагалась водка (в умеренных количествах) и «девочки» – тоже не на каждого в отдельности, а всего на трех-четырех человек. Для самых нетерпеливых. Процесс фарцовки происходил часто на уютной лесной полянке, это если дело было летом, а если зимой, тогда полянка становилась для финнов уютной после первых трех глотков спиртного. На трассе финны много водки не брали, исключительно «на дорожку», чтобы ехать было веселее, поэтому и фарцовщики, «державшие» точку, зарабатывали исключительно на количестве проезжающих. Ведь миновать Выборгское шоссе по дороге в Ленинград невозможно, и на этих остановках «разгружались» целенаправленно, тогда как по прибытии в город финны уже «растворялись» в нескольких гостиницах.

Первая серьезная «точка», где финны уже закупали по несколько бутылок (на ближайшее время), располагалась практически при въезде на территорию города. Знаменитый среди ленинградских фарцовщиков «Пятачок» – асфальтированная площадка возле поселка Первомайское, что и по сию пору находится рядом с поселком Парголово, ныне районом элитных коттеджей. Место, о котором в среде фарцовщиков слагали легенды.

Ходили слухи, что среди людей, «державших» этот «Пятачок», даже «шестерки» были миллионерами. Прокомментировать данные слухи не могу по причине отсутствия достоверной информации, но подозреваю, что завистники были недалеко от истины. Думаю, если говорить о миллионерах, то лишь в контексте реальных «хозяев», а это не больше, чем два-три человека.

На «Пятачке» финнов «бомбили» уже по полной программе. В обязанности гида входил перевод и обеспечение стройной очереди. Это не опечатка, было именно так, финнов приходилось «застраивать», чтобы они в своем нетерпении не толпились и вся сделка не заняла бы больше положенного на один автобус времени. Тут уже и «девочки» были получше, чем на трассе, да и числом побольше. Один фарцовщик поделился со мной информацией, что проституток выпускали к финнам по летнему времени в «готовом» виде, то есть в одних трусиках и туфельках. Хотел было я воскликнуть: «Не верю!», да засомневался в последний момент. А почему, собственно, и нет? Только потому, что дело происходило в СССР? Так ведь и «Пятачок» был расположен в укромном месте. Ведь судя по рассказам о легендарном «Пятачке» возле Первомайского, которыми снабжали меня буквально ВСЕ фарцовщики, у кого я брал интервью во время сбора материала для этой книги, место это представляло собой «государство в государстве». Там царили собственные законы и собственные понятия о морали и нравственности.

Можно только попытаться вообразить себе, в какую сумму ежемесячно влетали фарцовщикам, «державшим» эту точку, затраты на коррупцию правоохранительных органов. Чекисты между тем «алкогольными турами» особенно не интересовались, понимая, что в данном нарушении закона главенствует исключительно коммерческий вопрос. Но «руку на пульсе» держали, безусловно. Правда, вяло, без особого рвения. Надо отметить, что именно фарцовщики, «державшие» асфальтированную площадку возле Первомайского, начали брать с финнов за предоставляемые услуги валюту. Частично, но все-таки за водку принимали и финские марки, и доллары, но без особенной охоты – на что они могли понадобиться в СССР? То ли дело женские сапоги финского производства – их можно было без малейших затруднений продать за хорошие деньги. Интерес к валюте проснулся у фарцовщиков, «бомбивших» финнов, уже в конце 80-х годов, когда стало ясно, что у колосса Советского Союза дрожат и подгибаются глиняные ноги.

На момент прибытия финнов в славный город Ленинград чемоданы «алкогольных туристов» были уже довольно отощавшими. Но впереди было еще дня два развлечений (финский тур длился обычно двое-трое суток, больше не выдерживали даже чухонские здоровяки), и нужно было сбыть оставшиеся шмотки «с чувством, с толком с расстановкой». Свою помощь в решении этого вопроса предлагала уже обслуга гостиниц, в которые заселяли финнов. Гостиницы эти были классом ниже, чем те, в которых обычно располагались иностранцы. «Карелия», та же полукриминальная «Пулковская», «Выборгская» и еще несколько гостиниц, основную массу постояльцев которых составляли или гости из стран «соцлагеря», или вовсе советские граждане.

И хотя советские власти обычно относились к гостям из капиталистических стран довольно подобострастно, стараясь принимать их, не ударив в грязь лицом, администрация города Ленинграда понимала, что селить «алкогольных туристов» рядом с приличной публикой просто-напросто нельзя. Гостям города, приехавшим полюбоваться на «величественное творение Петра и советской власти», могло представиться отвратительное зрелище, ибо пьяные финны (если кто не видел) – это «нечто» в своем непотребстве. Тем более что финские гости даже не пытались сдерживаться и вести себя в рамках приличий. Они искренне считали, что «все русские – свиньи», за какое-то убеждение были неоднократно биты советскими гражданами, находящимися в таком же подпитии. Но надо отдать должное – побитые никогда не жаловались в милицию. Прикладывая наутро к синякам лед из холодильников в номерах, они с удовольствием вспоминали вчерашнюю баталию. Можно даже сказать, что драка с русскими входила в развлекательную программу.

Незатейливая финская фантазия не требовала многого от вояжа в Советский Союз, и

все это могли удовлетворить советские фарцовщики. Чем и занимались, получая **ОЧЕНЬ ХОРОШУЮ** прибыль в течение нескольких десятилетий. Гиды же, работавшие на «финских маршрутах», зарабатывали лучше своих коллег в несколько раз, впрочем, данным обстоятельством вовсе не кичились и вообще старались «не высовываться» лишний раз, чтобы не попадаться без особой нужды на глаза представителям правоохранительных органов.

«У вас продается славянский шкаф?» Как сбыть товар?

Я уже столько написал о способах добычи фарцовщиками товара для продажи, что у читателей может сложиться мнение, будто эти люди вообще не торговали нафарцованными шмотками, а ограничивались тем, что складировали их у себя в квартирах. Что ж, постараюсь исправиться и поведаю об извилистом пути, которым попадали к простым советским людям импортные вещи.

Как бы разжиться бархлишком?

Сбыт полученных в процессе фарцовки вещей в разные годы проходил по-разному. На заре фарцовки вещи, как вы помните, распространялись среди «своих»: на «бродвях» или в местах, где собирались стилиаги. Чуть позже, когда в процесс покупки импортных вещей втянулись и менее идеологически продвинутые граждане, товар стали реализовывать непосредственно «на дому» у фарцовщиков. Такой способ сбыта был неудобен и опасен, ведь на фарцовщика, торгующего несправедливо нажитым добром, могли «стукнуть» соседи. Но альтернативы не было. Любая форма сбыта напоминала хождение по тонкому льду – опасно, и притом опасен каждый последующий шаг.

В связи с чем процесс покупки импортной вещи становился для советского человека сродни шпионскому мероприятию – передаче секретных сведений на явочной квартире. Да и внешняя атрибутика полностью соответствовала подобному сравнению. Фарцовщики никогда не принимали у себя на дому людей, пришедших без проверенного посредника. Одно телефонного звонка с сообщением, что придет «Вася от тети Милы», было недостаточно. «Тетя Мила» должна была появиться лично. За что, кстати, имела небольшой процент от сделки или скидку на понравившийся товар.

Выйти на посредника было, в принципе, несложно, если человек задавался такой целью. Нужно было всего лишь спрашивать всех знакомых подряд: «Нет ли у вас знакомого, который может достать то-то или то-то?» Где-то на десятом вопросе подходящий знакомый находился. Естественно, в следующий раз, если возникала необходимость прикупить у фарцовщиков импортную вещичку, заново искать не приходилось. Квартиры могли меняться, посредники же – почти никогда.

Один из тех людей, у кого я брал интервью, в 70-е годы был человеком хоть и молодым, но в финансовом смысле состоятельным. Деньги нажиты были праведным путем – в поисках материального благополучия мой знакомый завербовался на Крайний Север. Но раз в год обязательно посещал родной город Ленинград, в том числе и за тем, чтобы пополнить свой гардероб. А вещи он покупал исключительно у фарцовщиков. Память у него (на мой взгляд) просто феноменальная, он не только предоставил мне полный прейскурант цен «от фарцы» на самые модные в 70–80-е годы вещи, но и очень образно поведал, как именно происходил процесс покупки. Так образно, что я не стану портить его повествование своим пересказом, а приведу рассказ в оригинале.

Каждый раз, когда я приезжал в Ленинград, я обращался к одному и тому же человеку, своему однокашнику, про которого я, еще учась в институте, знал, что он фарцует. Но вот если спросить меня, откуда я об этом знал, то вряд ли я смогу дать вразумительный ответ. Совершенно точно, что лично с ним я никогда на означенную тему не говорил и ни одного прямого вопроса ни разу не задавал. Не нужно меня терзать, ничего конкретного припомнить не могу, но вот одевался он всегда очень хорошо, в «фирму», деньги у него водились. Но чтобы он хоть раз попытался в институте кому-то шмотку не то что продать, а просто предложить, такого не было. Пока я учился, особенных денег, чтобы шиковать, у меня не было, поэтому я к нему и не обращался. Но когда я впервые посетил родной город с туго набитым кошельком и горячим желанием приодеться, то первая мысль моя была как раз об этом самом однокашнике. Ему-то я позвонил с извечным вопросом «где бы разжиться барахлишком». Надо признать, что кокетничать и открещиваться от знакомств с нужными людьми парень не стал. Хотя определенное разочарование меня все же постигло – я был уверен, что он предложит мне купить шмотки непосредственно у него. Ан нет, он просто сообщил, что действительно среди его знакомых есть человек, способный помочь мне в решении проблемы. Уже спустя годы я (каюсь) по пьянке выудил-таки из него сведения, что сам фарцовщик никогда не будет «светиться» перед своими знакомыми, он может только поставлять клиентуру «коллеге». Страховка своего рода. Продавая сам нафарцованные вещи, он больше десяти лет водил меня к своему знакомому, а тот в свою очередь направлял своих знакомых к нему.

Но на этом чудеса не заканчивались. Приехав в город, я связывался со своим однокашником, а он сообщал мне, когда и где состоится встреча. Но сообщал конспиративным порядком. Я обязательно должен был сначала приехать к нему в гости, и вот уже только там он таинственным полупшепотом говорил, куда территориально мы должны отправиться. И уже вдвоем, из его квартиры, обязательно «на моторе» (на такси) мы отбывали к пункту назначения. Добравшись до нужного адреса, мы на время разделялись. Он шел «посмотреть, дома ли приятель», хотя (как я понимаю) существовала жесткая предварительная договоренность о времени нашего посещения. И только после всех принятых мер предосторожности можно было подниматься в квартиру.

Во время предварительных телефонных переговоров о встрече было категорически не принято интересоваться тем, что есть в наличии, и уж тем более никто и не думал спрашивать меня, что конкретно мне нужно. И так было понятно, что я возьму то, на что денег хватит, и то, что подойдет мне по размеру. Немодных, «нефирменных» вещей в этой квартире отродясь не водилось. А тогда воротить нос из-за неподходящего к лицу цвета или не идущего к фигуре фасона было как-то глупо. Брали не особенного разбираясь.

По ценам? Да пожалуйста, вот тебе расценки на самые ходовые по тем

временам позиции, только за произношение фирм заранее прошу прощения:

1. Джинсовый костюм («Левис», «Ли») – 350 рублей.
2. Тот же костюм, но фирмы «Вранглер» – 450 рублей.
3. Ремень широкий кожаный под джинсы – 25 рублей.
4. Джинсы, только известных фирм – 120 рублей.
5. Вельветовые джинсы – 180 рублей.
6. Куртка женская кожаная итальянская – 550 рублей.
7. Юбка женская вельветовая – 110 рублей.
8. Сапоги женские бразильские – 230 рублей.
9. Мужские французские ботинки – 40 рублей.
10. Кожаное итальянское мужское пальто – 400 рублей.
11. Дубленка женская – 800 рублей.
12. Сапоги «казаки» – 150 рублей.
13. Женское платье типа «сафари» – 70 рублей.
14. Женские колготки – 35 рублей.
15. Пластинки – от 40 до 80 рублей.

Как вам «шпионские страсти»? Однако же при таком способе продаж выигрывал, безусловно, больше покупатель, чем сам продавец. Если у человека были деньги, он мог быть уверен, что приобретет на них желанную импортную вещь, практически ничем не рискуя. Такой расклад, при котором от сделки выигрывал покупатель, конечно же, не мог долго устраивать фарцовщиков, и со временем ситуация в корне изменилась. Из квартир торговля нафарцованным товаром переместилась на улицы города. Торгуя из-под полы, фарцовщик, в принципе, рисковал меньше, чем подставляя под удар собственную квартиру. В крайнем случае товар во время облавы можно было сбросить и попытаться скрыться. Пусть потеряв деньги, но сохранив свободу.

Рассуждая подобным образом, к началу 80-х годов почти все фарцовщики вышли на улицы, но не заполнили их, а сконцентрировались в определенных местах, очень скоро ставших известными всем горожанам. В Москве фарцовщики торговали в основном возле валютных магазинов сети «Березка». В Ленинграде местом продажи нафарцованного добра стала «Галера» – галерея универмага «Гостиный двор», обращенная к Невскому проспекту. В Одессе – так называемый «толчок на 7-м километре», стихийный вещевого рынок, возникший на базе обыкновенного колхозного рынка. В каждом городе были определенные места, где фарцовщики сбывали обычным гражданам свой товар.

Нельзя сказать, чтобы милиция совсем уж не замечала торгующих фарцовщиков. На них даже периодически устраивали облавы, но это были облавы санкционированные, спланированные и устроенные в Главках – Главных Управлениях МВД. Рядовые же сотрудники, несшие вахту в непосредственной близости возле «торговых точек», были насквозь коррумпированы.

Неизбежное кидалово. Трюки не для скуки

И последнее, самое неприятное в рассказе о сбыте нафарцованного товара простым советским гражданам. Как только торговля «вышла на улицы», так тут же некоторые недобросовестные продавцы начали «кидать» своих покупателей. Не все, конечно же, но попадались подобные типы нередко. «Кидали», надо признать, не только беззастенчиво, но и нагло. Самый известный трюк назвался «мент идет». После того как покупатель выбирал понравившуюся вещь, продавец упаковывал ее в непрозрачный полиэтиленовый пакет и уже протягивал руку, чтобы вручить новому владельцу, как вдруг его глаза округлились, продавец вздрагивал и со словами: «Тихо, мент идет!» – бросал пакет на дно сумки, из которой извлек его минуту назад. После нескольких лихорадочных и суетливых минут обманщик (облегченно вздыхая) снова доставал из сумки уже знакомый покупателю пакет и, не разворачивая, отдавал. Покупатель расплачивался, и дальше их пути расходились. А дома

покупатель обнаруживал в пакете вместо выбранной вещи лохмотья. Пакет продавец подменил, когда разыграл «сценку» с приближающимся милиционером.

Второй трюк назывался «два левых». Если взять полное название – «два левых ботинка». До сих пор не могу понять, для каких целей нужно было так странно «кидать» покупателя. Но было, факт. Во время примерки обуви продавец не доставал из коробки одновременно оба ботинка, давая примерять покупателю то правый, то левый. Якобы из страха, что тот может убежать в неоплаченном товаре. Так вот после того, как распаренный покупатель убеждался – оба ботинка ему впору, после некоторой суеты ему вручалась коробка с ботинками, а он расплачивался. Все происходило почти одновременно. И часто только вернувшись домой, покупатель с удивлением обнаруживал, что в коробке два левых или два правых ботинка.

Третий трюк никак не назывался, хотя если бы «кидалы» проявили фантазию, его можно было бы назвать «половинка моя». Покупателю, который приезжал конкретно за джинсами, показывали добротный импортный, действительно «фирменный» товар. После того как джинсы были приложены к ... э-э-э, ну к тому месту, на котором их носят, продавец тщательно и очень долго упаковывал штаны: в несколько слоев оборачивал бумагой или пакетом. Но если покупатель недоверчиво интересовался – не окажется ли в пакете после таких манипуляций «фуфло», продавец с обиженной миной демонстрировал вытянутый из пакетов солидный кусок «джинсовых штанов». Следовала расплата за товар. И опять же, только у себя дома покупатель мог обнаружить, что приобрел не целые штаны, а только их половину: правую или левую.

Но эти трюки использовались в каждом городе, где обретались фарцовщики. Про еще один трюк, последний в списке, я подобного утверждать не могу. Знаю только, что в Ленинграде недобросовестные фарцовщики его часто применяли. Для выполнения этого трюка нужны были два подставных лица, один фарцовщик с товаром и подъезд напротив кинотеатра «Баррикада». В толпе возле «Галеры» фарцовщики выбирали себе жертву, чаще всего из гостей города, которых было видно за версту. Услышав краем уха, что именно из вещей выбирает себе намеченная жертва, фарцовщик за локоток отводил ее (или его) за колонну и шепотом сообщал, что у его приятеля – моряка дальнего плавания – как раз сейчас имеется в наличии искомый товар, да еще и подешевле. А сам «искуситель» как раз сейчас собрался пойти к нему в гости. Вокруг парочки за колонной тут же возникали двое подставных и, изображая из себя таких же покупателей, как и намеченная жертва, выражали горячее желание присоединиться к экспедиции.

Мошенник с подставными лицами и жертвой проходили по Невскому проспекту два квартала и в результате оказывались в том самом подъезде. После чего фарцовщик забирал деньги у одного из подставных лиц и поднимался вверх по лестнице. Объяснял столь странный способ торговли жулик тем, что не станет же дружок-моряк пускать к себе в квартиру неизвестно кого. Через некоторое время фарцовщик спускался с товаром и отдавал его подставному, который шумно радовался, что купил такую хорошую вещь (следовала демонстрация), да еще и дешевле, чем на «Галере». Тут второй подставной кидался к фарцовщику и совал ему в руку деньги со словами «И мне! И мне тоже». «Кидала» брал деньги и снова, спустя некоторое время, возвращался с товаром. После чего намеченная жертва, уже не сомневаясь в честности продавца, протягивала деньги и покорно оставалась ждать, когда же принесут вождеденную шмотку. А ее все не несли. И несчастный обманутый покупатель мог стоять в этом подъезде до морковкиного заговенья, потому что поднявшийся на его глазах вверх «продавец» выходил на черную лестницу, находящуюся через площадку, и покидал место преступления незамеченным.

Человек, рассказавший мне об этих трюках, уверял меня до исступления, что сам он (при десятилетнем опыте фарцовки) никогда их не практиковал. Я сам сначала ему не очень-то поверил. Но после того как он настойчиво убеждал меня упомянуть в книге, что подобное поведение осуждалось и самими фарцовщиками, причем «кидал» даже иногда поколачивали за некорпоративное поведение, я начал верить в искренность его заверений.

Помимо «веры в лучшее вообще» сыграла свою роль и простая логика: «кидать лохов» было невыгодно большинству, иначе покупатели просто забыли бы дорогу к фарцовщикам.

А вообще всякое бывало. Но теневая экономика или легальная – законы рынка одинаковы. Поэтому, как и нынче среди почтенных коммерсантов, в среде фарцовщиков процветали честные люди, не признающие даже возможности «кинуть» покупателя.

Заключение

Прежде чем написать эту книгу, я провел не одну неделю, собирая для нее материал. Встречался с самыми разными людьми, слушал и записывал их рассказы о прошлом и настоящем. Задавал множество самых разных вопросов. В самом начале я был настолько увлечен открывшейся передо мной новой и неизведанной информационной территорией, что просто жадно, как губка впитывал все, что мне удалось узнать. И только спустя некоторое время, когда я начал систематизировать собранные материалы, я задал себе вопрос, который и по сию пору не дает мне покоя.

Как могло произойти, что такой огромный пласт теневой экономики СССР, как фарцовка, оказался на самом деле «в тени». Про фарцовщиков, как оказалось, и тогда и сейчас практически ничего не известно широкой публике. Такое положение вещей тем более удивительно, что, как выясняется, 70 % советских людей покупали у них вещи. То есть вступали в непосредственные человеческие контакты. Я могу понять, что сами фарцовщики не спешили распространяться о деталях своего бизнеса. И тем не менее, у них были родственники, как ближние, так и дальние. У них были друзья и знакомые. Они существовали отнюдь не в безвоздушном пространстве. Однако, как выясняется, все они молчали как партизаны. К тому же государство СССР давно кануло в лету. А бизнес стал занятием почетным и уважаемым. Самое время ветеранам фарцовки с удовольствием «вспомнить былое» и поделиться с подрастающим поколением этими воспоминаниями. Но нет. Как-то никто не рвется делиться. Больше того. Те известные, или, как сейчас принято говорить, «публичные» люди, занимавшиеся в свое время фарцовкой, тоже не спешат занести это себе в «актив». Хотя я уверен, они могли бы порассказать немало интересного.

Что за «тайны мадридского двора»? Я все время теперь думаю об этом. Что же такого было в явлении фарцовки, что секреты этого ремесла оберегали не только сами фарцовщики, но даже всеведущее око государства? Искать ответ мне не у кого. Я могу только делать предположения, обладающие той или иной степенью вероятности. Может быть, не случайно много раз в интервью, которые мне давали самые разные люди, то и дело звучало слово «система» в применении к явлению фарцовки. Насколько я понимаю, *государственная система* СССР, не при каких обстоятельствах не допустила бы появления еще какой-то «системы» на подконтрольной территории. Так что же, можно ли сделать вывод о том, что фарцовка, в подлинном своем виде, о котором не знало большинство советских граждан, была *санкционирована* советскими властями. Негласно, разумеется?

Зачем? Да хотя бы затем, что контроль за фарцовщиками подразумевал контроль и за иностранцами, с которыми они «делали бизнес». Я легко могу представить, что существовала некая негласная договоренность между фарцовщиками и правоохранительными органами. Мол, мы дадим вам спокойно зарабатывать деньги, а вы нам за это даете информацию. Я уже писал об этом, но ведь только если попытаться представить себе, что подобная договоренность действительно была в масштабе всей страны... И диссиденты еще жаловались на тотальный контроль! Похоже, фарцовщики пострадали от подобного контроля куда как больше. И ничего. Никто, заметьте, не жаловался. Люди не трепали языком, не били себя в грудь кулаком, а тихо и спокойно делали деньги. Закладывали основы будущих состояний. Как будто знали, что рано или поздно придет их время.

Что ж, их время пришло. Остается только порадоваться за бывших фарцовщиков,

которым удалось пережить трудные для коммерсантов девяностые годы уходящего двадцатого столетия. В заключение хочу сказать – мне искренне импонирует умение этих людей не выпячиваться, не кричать на каждом углу о том, как они пострадали при коммунизме «от гонений», а продолжать делать то дело, которое они умеют делать лучше всего – заколачивать «бабки». Вот у кого стоит поучиться.